Людские потери СССР

в Великой Отечественной войне

РОССИЯ
В ЦИФРАХ
И ДОКУМЕНТАХ

Russian Academy of Sciences

History Department at the Russian Academy of Sciences
Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences
Scientific council of the Russian Academy of Sciences on
Historic demography and Historic geography

State Archival Service of the Russian Federation

Human losses of the USSR during the War of 1941-1945

Collection of articles

ST.PETERSBURG 1995

Российская Академия наук
отделение истории
Институт российской истории Российской Академии наук
Научный совет Российской Академии наук
по исторической демографии и исторической географии
Государственная архивная служба Российской федерации

Людские потери СССР в период второй мировой войны

сборник статей

Санкт-Петербург 1995

Художник
Н.С. Каштанова

Русско-Балтийский информационный центр "БЛИЦ" выражает глубочайшую признательность своему другу г-ну Эдварду НЬЮТУ, без моральной и финансовой поддержки которого это издание не увидело бы свет.

The Russian Baltic Information Center "BLITZ" would like to express their deepest gratitude to their friend Mr. Edward Nute, without whose moral and financial support this edition would never have seen the light of day.

ISBN 5-86789-023-6

© Институт российской истории РАН, 1995
© Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1995

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый читателю сборник содержит материалы научной конференции "Людские потери СССР в Великой Отечественной войне", проходившей 14-15 марта 1995 г. в Институте российской истории Российской Академии наук.

Интерес, проявляемый общественностью России к проблеме людских потерь, сложность изучения, противоречивость имеющихся данных, распространение в средствах массовой информации сведений, не имеющих научной основы, обусловили потребность доведения материалов конференции до широкого круга читателей.

В сборнике затронута лишь часть огромного комплекса вопросов, связанных с людскими потерями. Создание более широкого и полного труда - задача, к решению которой приступает коллектив Института российской истории РАН.

Сборник отражает процесс поисков новых документов, их анализ и сопоставление. Читатель найдет в сборнике различные, порой противоречивые данные и оценки, получит возможность сравнить аргументацию авторов, оценить ее научную обоснованность. Редакция надеется, что эти материалы привлекут внимание как специалистов, так и людей, интересующихся историей минувшей войны, помогут приблизиться к адекватному отражению событий и явлений прошлого нашей страны.

Сбор материалов и подготовка к печати осуществлена группой научных сотрудников ИРИ РАН в составе Н.А.Араловец, О.М.Вербицкой, В.Б.Жиромской, Ю.А.Полякова, А.И.Репинецкого.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БД	Банк данных
ВГК	Верховное Главное командование
ВНИИДАД	Всероссийский научно-исследовательский интститут документоведения и архивного дела
ВС	Вооруженные силы
ГА РФ	Государственный Архив Российской Федерации
ГКО	Государственный Комитет обороны
ИВИМО	Институт военной истории министерства обороны
ИРИ	Институт российской истории
ИСЭИ	Институт социально-экономических исследований
ЛПХ	Личные приусадебные (подсобные) хозяйства
МО	Министерство обороны
МГУ	Московский государственный университет
НКО	Народный комиссариат обороны
НАН	Национальная Академия наук
оп.	опись
РАН	Российская Академия наук
РГАЭ	Российский государственный архив ....
РЦХИДНИ	Российское центральное хранилище документов национальной истории
СНК	Совет народных комиссаров
ст.	столетие
ФЗО	Фабрично-заводское обучение
Ф.	Фонд
ЦА МО	Центральный архив министерства обороны
ЦБД	Центральный банк данных
ЦГАНХ	Центральный госцдарственный архив народного хозяйства
ЦГАОР	Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦСУ	Центральное статистическое управление
ЦУНХУ	Центральное управление народно-хозяйственного учета

Раздел I
МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДИКА, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ

Ю.А.Поляков
(ИРИ РАН)

Основные проблемы изучения людских потерь СССР в Отечественной войне

Война неизбежно влечет за собой потери. Они многообразны и различны по масштабу. Но какими бы ни были масштабы разрушения городов и сел, древних святынь и новейших коммуникаций, они не могут идти в сравнение с людскими потерями. И никто не оспорит положение о том, что главные потери войны - люди. Человечество платит дорогую цену за то, что не может до сей поры прекратить военные потери. Поверхность нашей планеты усеяна могилами павших воинов и погибших в ходе войн мирных граждан.

Вторая мировая в глобальном измерении не знает себе равных по численности потерянных жизней. И для нашей страны потери Великой Отечественной не имеют аналогов в истории. В результате гражданской войны население страны сократилось (считая эмигрантов) на 8-9%. А в итоге Отечественной войны убыль населения составила около 14%. И полвека спустя сердца наши сжимаются от скорби по людям, ушедшим навсегда в ту страшную годину.

Потревоженный войной демографический океан на просторах бывшего СССР и поныне не полностью вошел в свои берега. Зарубцевались шрамы на лице земли, дали десятки урожаев вытоптанные войной поля, давно восстановлены фабрики и заводы, а последствия людских потерь доносятся до нас подобно кругам, расходящимся по реке от брошенного в воду камня. Нравственный, гражданский, научный долг, обязывающий историков, демографов, архивистов, неустанно продолжать изучение проблемы людских потерь, - очевиден.

Усилиями многих тысяч людей установлены основные параметры наших потерь. Но мы должны также констатировать, что в научном изучении этой важнейшей проблемы сделано за полвека слишком мало и перед нами по-прежнему широкое поле для работы.

Мне хотелось бы высказать несколько суждений о задачах конкретно-исторического изучения проблемы людских потерь.

Начать, видимо, надо с начала, т.е. с изучения предвоенной численности населения СССР.

Нет нужды доказывать, что это та печка, от которой надо танцевать, изучая потери в войне. Отсутствие надежных предвоенных данных делает изучение военных потерь наполовину бессмысленным. Предвоенные данные - один из трех китов, на которых стоит изучение проблемы в целом: знать данные предвоенные, знать данные послевоенные, знать все слагаемые потерь военного времени.

Применительно к кануну войны я вижу три главных сюжета: первый - население в границах до сентября 1939 года; второй - население новых республик и областей; третий - изменение в численности населения за два с половиной года от переписи января 1939 года по июнь 1941 года.

Введение в научный оборот материалов переписей 1937 и 1939 годов создает необходимые условия для анализа регионального, национального, половозрастного состава населения. Углубить анализ позволят дискуссии о необходимости внести определенные коррективы в данные этих переписей. Споры о коррективах переписей очень горячо велись, в частности, на специальной международной конференции о населении СССР в Торонто в январе 1995 года.

С численностью населения вошедших в СССР в 1939-1940 гг. западных украинских, белорусских земель, Латвии, Литвы, Эстонии, Бессарабии, Северной Буковины сложностей немало и потому, что население этих районов было в движении, вызванном войной, международными и политическими событиями. Волна беженцев из попавших под фашистскую оккупацию центральных и западных воеводств Польши, польские военнопленные, оптанты, репатрианты - все это создает довольно сложный узел. Сотни тысяч людей, не входивших в предыдущий учет, появились из-за рубежа на этой территории, сотни тысяч, учтенных ранее, отбыли за рубеж. Только из Бессарабии и Буковины в 1940 году в Германию было переселено примерно 125 тыс. этнических немцев. Эшелоны на запад, эшелоны на восток. Историку не просто разобраться в этих встречных пересекающихся потоках.

Еще один поток, о котором мы не можем забыть. Это - политические депортации из западных областей и республик. Конечно, люди, высланные из Эстонии или Бессарабии в Красноярский край или Коми республику, оставались в пределах СССР. Но науке важен не только общесоюзный баланс, но и его региональные, национальные, социальные составные. Только сопоставление и в комплексе, и по регионам и группам населения позволит приблизиться к более или менее адекватному отображению демографической ситуации. Те 85 тысяч человек из западных регионов, которые осенью 1941 года находились на положении спецпоселенцев, не должны затеряться в общем подсчете.

Численность заключенных и спецпоселенцев - особая проблема. Вокруг нее в конце 80-х годов возник большой эмоциональный накал, приведший, к сожалению, к распространению субъективных оценок, сведений, к нарушению

научности. Сейчас, мне кажется, после эмоциональных всплесков, изучение этой болезненно-сложной проблемы становится на прочные научные рельсы. Но всего лишь приближаясь к военной поре, историк встречается с многими нерешенными задачами.

Применительно к послевоенному определению численности населения свои трудности. Репатриация, реэвакуация, депортации, демобилизация - все это на фоне ослабленной, а во многом разрушенной системы учета, скудностью и противоречивостью данных. К тому же, наиболее важные и достоверные документы были недоступны. Сейчас мы получили сводки ЦСУ, подготовленные в начале 46 года, о сокращении населения по областям и республикам, о численности расстрелянных фашистами, угнанных в Германию, погибших по другим причинам, эвакуированных и т.д. Эти данные только что рассекречены и их аналитическое использование значительно приблизит нас к истине.

Что касается самой войны, то и здесь приходится констатировать, что для изучения потерь сделано совершенно недостаточно. не буду вдаваться в причины. Они различны. Напомню лишь снова об объективных трудностях изучения военных лет. Война с невиданной силой всколыхнула людскую массу. Конечно и в первую мировую и в гражданскую войны были миллионы беженцев, была эмиграция, был уход горожан в деревню, но таких гигантских вздыбившихся людских волн наша страна не знала. Лишь одна эвакуация - перемещение более 20 миллионов человек с Запада на Восток перетасовала всю регионально-демографическую колоду страны.

Линии фронтов исполосовали географическую карту. Они были в движении, сначала накатываясь на восток, потом частично в конце 1941 и начале 1942 гг. откатившись обратно, потом снова далеко продвинувшись на юго-восток в 1942 г. и затем шаг за шагом отодвигаясь к западным границам в течение двух с лишним лет. И каждое передвижение фронтов сопровождалось передвижением гражданского населения.

Регулярность перемещения людских масс лишает постоянства данных об их пребывании в тех или иных регионах. С этим связаны огромные сложности для историка-демографа. Но объективные трудности не избавляют нас от необходимости признания того, что за полвека можно было сделать куда больше в изучении демографической ситуации и соответственно демографических потерь. Я вижу при исчислении людских потерь в ходе самой войны пять основных исследовательских массивов.

Это - потери вооруженных сил; убыль населения в районах, не подвергавшихся оккупации; убыль населения в оккупировавшихся районах; потери мирного населения в зоне боевых действий; потери населения в результате репрессий и депортаций.

В отношении потерь вооруженных сил научная ситуация мне представляется парадоксальной. Именно здесь наука продвинулась наиболее значительно. Именно здесь наука располагает наиболее основательной документацией

о потерях по годам, кварталам, месяцам, по боевым операциям, по родам войск, по категориям военнослужащих. И именно здесь возникают наиболее значительные разногласия о численности погибших воинов.

Одни авторы выступают со своими подсчетами и надо убедиться в научности таковых. Другие просто путаются в терминах и понятиях. Например, в печати можно встретить цифры безвозвратных потерь вооруженных сил в 8 миллионов 668 тысяч человек и 11 миллионов 444 тыс. Разница огромна - почти 3 миллиона.Все дело в терминах. Есть безвозвратные демографические потери, т.е. люди погибли для армии и для страны. И есть безвозвратные военно-оперативные потери. Попавшие в плен, в действующую армию уже, как правило, не возвращались. Для армии эти потери безвозвратные, независимо, вернутся эти люди из плена в конце и после войны, или нет. Но часть вернулась. И для страны они возвращены, они не безвозвратны. И получилось так, что 940 тыс. считались пропавшими без вести, были в окружении, осели на оккупированной земле. А после освобождения этих регионов были призваны в армию. И из плена вернулись 1 миллион 836 тыс. Все это довольно просто. Но не сосчитать, сколько авторов путаются в этом и запутывают читателя.

В отношении гражданского населения неясностей и неразработанности гораздо больше. Мы, в частности, недостаточно учитывали территориальную подвижность тыла по обе стороны фронта и соответственно необходимость дифференцированного подхода к понятию "тыл". Фронт, повторюсь, был в непрерывном движении. Иные районы, бывшие глубоким тылом, становились прифронтовыми или оккупированными. И наоборот, оккупированные районы освобождались. Одни подвергались оккупации месяц-два (Подмосковье), другие два-три года. Все это надо иметь в виду при исследовании.

Так или иначе, я думаю, что надо разделять исследовательские задачи по территориям оккупировавшимся и неоккупировавшимся. Несмотря на территориальную подвижность, между ними разница принципиальная. В данном случае имею в виду только демографическую сторону.

Из угрожаемых, а затем подвергшихся оккупации районов люди убывали в результате эвакуации. В глубокий тыл, напротив, прибывали. В оккупированных районах гитлеровцами осуществлялся массовый террор по отношению к мирному неселению, массовый угон молодежи в Германию.

Характерной чертой здесь была депопуляция городов. В основной, неоккупированной части страны численность населения в прифронтовой полосе (Москва, Ленинград) снизилась, а в далеком и среднем тылу резко возросла. Возникла невероятная скученность населения, ухудшились условия труда.

Но наука лишь в минимальной степени изучила как общее для всей страны повышение смертности, особенно детской (на основе, в частности, ухудшения питания и медобслуживания), так и особенности этих процессов в разных регионах - от Украины до Алтая.

В многочисленных книгах по тылу демографическая сторона отражена, мне кажется, слабее всех других. Плохо изучен и процесс реэвакуации, а ведь для того, чтобы иметь итоговое представление о потерях по регионам, надо знать не только, кто куда уехал, но и кто вернулся. Известно, например, что по многим городам сразу после войны людей, эвакуировавшихся в 1941 году и не вернувшихся, заносили в списки потерь, а потом они возвращались откуда-нибудь из Ташкента или Алма-Аты.

Особая проблема, которая изучалась, но попутно, по отдельным местностям, неполно - потери населения в зоне боевых действий. Многие города становились полем боя. Достаточно вспомнить Сталинград, где дрались за каждый дом, уличные бои в Воронеже, Севастополе, Новороссийске, Смоленске и многих других городах. Можем ли мы ответить на вопрос, сколько граждан погибло в ходе уличных боев в городах? Увы, нет. Я не говорю уже о множестве сел, через которые прокатывалась смертоносная линия фронта. Сотни городов и тысячи деревень подверглись бомбардировкам с воздуха сначала авиацией противника, а затем в ряде случаев, по оперативной необходимости и нашей авиацией. Вряд ли и здесь мы ясно представляем численность погибших мирных граждан. В категорию потерь населения в зоне боевых действий, думаю, надо включить и Ленинград. Оборона Ленинграда, блокада Ленинграда, гибель сотен тысяч ленинградцев - героическая и драматическая страница нашей истории. Переводя ее на сухой язык цифр, мы заполняем серьезные пробелы в исторической демографии. Без знания демографической стороны Ленинградской эпопеи подсчет общих потерь будет ущербным.

Наконец, последний исследовательский комплекс - потери населения в результате сталинских репрессий, в том числе в результате депортаций немцев Поволжья, калмыков, крымских татар, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев и других. В опубликованных данных множество неверных сведений. С одной стороны, это объясняется трудностями доступа к архивам, т.е. с объективными сложностями исследования, с другой - как и в отношении предвоенных репрессий, неизбежными и объяснимыми эмоциональными перехлестами.

Итак, проблема людских потерь Советского Союза в Отечественной войне принадлежит к числу не только самых важных, но и самых трудных, многослойных и запутанных проблем нашей истории. Здесь нет ничего такого, что было бы невозможно прояснить, в чем нельзя было бы научно разобраться. Нет Атлантиды, безвозвратно, бесследно погрузившейся в морскую пучину. Конечно, многое утеряно, многое еще не известно, и, главное, по множеству параметров существуют противоречивые данные, противоположные оценки, полярные суждения. Но в принципе все основное решаемо путем вовлечения в научный оборот неотработанных архивных документов, путем анализа, проверки, сопоставления, экстраполяции.

К примеру, 50 лет существует фонд Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников (ЧГК). Он содержит огромнейший материал: 250 тысяч

протоколов опросов свидетелей, 4 млн. заявлений, 27 опубликованных сообщений ЧГК охватывают ничтожную часть этих материалов. И рука исследователя коснулась их малой доли. Многое было просто недоступно. Только что рассекречены трофейные документы из фонда ЧГК о потерях населения.

Памятные годовщины, юбилеи имеют ту особенность, что при всей внешней парадности, шумихе, суете, они стимулируют историческую науку. Каждая отмечаемая годовщина привлекает внимание общественности, заставляет самих историков активизироваться, публиковать приуроченные к этому юбилею статьи, сборники, проводить конференции и т.д.

Наша конференция, организованная в связи с 50-летием победы, не решит, разумеется, всех вопросов. Но она позволит суммировать то, что сделано, и выявить пробелы, еще четче обозначить разногласия, противоречия и в споре приблизиться к истине, а главное, наметить новые проблемы, новые направления, исследовать возможность использования новых методик.

М.А.Гареев
(Академия военных наук)

Факторы, определившие военные потери в Великой Отечественной войне

Изучение проблемы потерь - исключительно важно со всех точек зрения. Из-за значительных потерь СССР сама победа в Великой Отечественной войне ставится под сомнение. Напомню, какими были действительные безвозвратные потери Советских Вооруженных Сил.

Общие безвозвратные потери Советских Вооруженных Сил вместе с союзниками - польскими, чехословацкими, болгарскими, румынскими воинами (75943 чел.) - к концу войны составили 10,3 млн. человек. Потери фашистского блока - 9,3 млн. чел. (7,4 млн. человек фашистская Германия, 1,2 млн. - ее сателлиты в Европе, 0,7 млн. - Япония в Маньчжурской операции), не считая потерь вспомогательных частей из числа иностранных формирований, воевавших на стороне фашистов (по некоторым данным - до 500-600 тыс. человек).

При этом безвозвратные потери Советских Вооруженных Сил, включая войска КГБ, МВД (погибло, умерло от ран, пропало без вести, не вернулось из плена и небоевые потери) за годы войны, с учетом Дальневосточной кампании, составляют 8668400 человек, в том числе армии и флота - 8509300 чел., погранвойск КГБ СССР - 61400 чел., внутренних войск МВД СССР - 97700.

Для выявления подлинных данных о потерях следует иметь ввиду и следующие обстоятельства. Так, при изучении документов военномобилизационных и репатриационных органов выявлено, что при проведении мобилизации на освобожденной от оккупации территории СССР в 1943-1944 гг. в Советскую Армию вторично было призвано 939700 военнослужащих, ранее находившихся в плену, в окружении и на оккупированной территории. Кроме того, 1836000 человек бывших военнослужащих вернулось из плена после окончания войны. Поэтому все эти военнослужащие (общей численностью 2775700 чел.) из общего числа безвозвратных потерь исключены. Исходя из этого, складывается количество потерь 8,6 млн. человек.

По расчетным данным, составленным по трофейным и другим документальным материалам, безвозвратные потери фашистского блока составляют 8649000 чел. (фашистской Германии -7413000, ее сателлитов - 1245000), из них на советско-германском фронте 7168000. После окончания войны из Советского Союза было возвращено из плена 1939000 немецких военнослужащих. Таким образом, боевые потери самой фашистской Германии к концу войны составили около 7,4 млн. чел., а с учетом возвращенных пленных безвовзратные потери составили 5,5 млн. чел., ее союзников 1,2 млн. чел. (всего 6,7 млн. чел.). не говоря уже о том, что в 1945 г. вся фашистская армия в полном составе капитулировала перед Советской Армией и союзными армиями.

Как уже отмечалось, безвозвратные военные потери советских Вооруженных Сил составляют 8,6 млн. человек. Остальные наши потери (более 18 млн. чел.) относятся к мирному населению, больше всего пострадавшему от фашистских зверств и репрессий. Сами немецкие историки пишут о том, что Германия захватила свыше 5 млн. наших военнопленных. Но из них возвратились после войны лишь 1836 тыс. человек. Куда девались остальные, какова их трагическая судьба в фашистском плену - теперь уже хорошо известно. Если бы Советская Армия, придя на немецкую землю, поступала по отношению к мирному населению и военнопленным так же, как фашисты к нашим людям, соотношение потерь было бы другим, но этого не случилось. И не могло случиться.

И теперь "цивилизованный" подход к тому крайне деликатному вопросу довели до того, что нашему народу ставят в вину его же гуманность, да еще пытаются привесить к этой "вине" жертвы фашистских злодеяний. И приходится только удивляться, что люди, исповедающие такую дикую "логику", смеют говорить, что выступают за историческую правду. Нельзя верить и многим сообщениям германского командования о наших потерях и захваченных пленных, как и докладам наших штабов о немецких потерях. Данные о потерях противника по соображениям военного времени всегда завышались, да и определить их точно во время военных действий практически невозможно. Так, германское командование в 1941 г. сообщало о том, что в районе восточнее Киева ими взято в плен 665 тыс. военнослужащих. Но к началу Киевской операции Юго-Западный фронт имел всего в своем составе 627 тыс. человек. Причем вышли из окружения 150 тыс. человек, часть войск успела отойти. по германским данным они и под Севастополем и в некоторых других районах взяли в плен больше людей, чем их было вообще в составе действующих там советских войск. Поэтому все эти данные требуют проверки и критического анализа.

Почему данные о потерях так долго не публиковались? Это было связано с общей системой секретности вокруг документов оперативно-стратегического характера периода Великой Отечественной войны. С приходом на должность начальника Генштаба маршала Ахромеева С.Ф. была создана комиссия Министерства обороны (под председательством М.А.Гареева) по выявлению и уточнению данных о потерях вооруженных сил за 1941-1945 гг. В 1988 г. по итогам работы комиссии был подготовлен доклад в ЦК КПСС за подписью Министра обороны генерала армии Д.Т.Язова с предложением опубликовать данные о наших военых потерях. Доклад Министра обороны разослали всем членам Политбюро ЦК КПСС. Предложение об опубликовании поддержали лишь несколько членов Политбюро (в т.ч. Н.И.Рыжков). А.Н.Яковлев написал резолюцию (см. Источник. 1994. N 5), смысл которого сводился к тому, что дело это важное, но надо привлечь еще и военных историков. Хотя Александр Николаевич не мог не знать, что в комиссии участвовали наиболее знающие это дело военные историки и гражданские демографы. Не дал согласия

и Э.А.Шеварднадзе. Политбюро ЦК КПСС так и не приняло решения по этому вопросу. Генштаб был вынужден в 1990 г. опубликовать в "Военно-историческом журнале" данные, представленные комиссией Министерства обороны, не ожидая когда на это будет получено согласие высших политических руководителей.

Что касается сомнений по поводу подлинности этих данных, то надо иметь ввиду - для выявления и уточнения потерь комиссией была проделана огромная работа, изучены ежедневные, ежемесячные, годовые (а также по операциям) донесения о потерях многих тысяч частей, соединений, объединений, а также различных военных ведомств и архивов (Генштаба, видов ВС, родов войск, медицинского управления и др.).

Какие же факторы определяли потери? Они были различными: военно-поолитические, экономические, географические, демографические, военно-стратегические условия ведения войны, уровень военного искусства, соотношение сил, отношение народа и армии к войне и др. Я остановлюсь лишь на некоторых из них.

Для потерь в Великой Отечественной войне особое значение имел военно-политический фактор. С одной стороны, в стране была проведена огромная работа по созданию индустриального фундамента, что создавало условия для обороны страны. С другой стороны, имеющиеся военные возможности, особенно в начале войны, использовались крайне не рационально. Достаточно сказать, что сталинские репрессии значительно ослабили командный состав и многими частями и соединениями командовали неподготовленные офицеры. Из-за ошибок Сталина в раскрытии планов Гитлера, неправильного определения возможных сроков нападения фашистской Германии, из-за нереальных уже в то время попыток оттянуть начало войны, Красная Армия не была приведена в готовность к отражению нападения противника и была поставлена в крайне тяжелое положение. Сталин даже в директиве, отданной в ночь с 21 на 22.06.41 требовал: "Не предпринимать действий, способных вызвать осложнения". Вследствие неудачного начала войны мы уже в 1941 г. потеряли свыше 3 млн. чел.

Второй фактор - оперативно-стратегический. Ошибка Наркомата обороны, Генштаба состояла прежде всего в неправильной оценке изменившихся условий начального периода войны и недооценке стратегической обороны. Стремление обязательно наступать дало о себе знать и в 1942 г. В условиях, когда устойчивость стратегической обороны была нарушена и образовались опасные прорывы крупных группировок противника на большую глубину, наиболее целесообразным было заблаговременно готовить оборону на рубеже рек Западная Двина и Днепр, отводя войска и подтягивая на этот рубеж резервы. Но такие решения своевременно не были приняты. Стремясь любой ценой удержать каждый рубеж и не допустить отхода, войска ставились в еще более тяжелое положение, что и вынуждало к дальнейшим отступлениям с большими

потерями. Как в 1941 г., так и в 1942 г. большинство резервных соединений направлялось к линии фронта для усиления войск первого эшелона или нанесения неподготовленных контрударов. Это приводило к распылению сил и позволяло противнику наносить им поражение по частям.

Упрямство Сталина и несвоевременный отвод основной группировки войск Юго-Западного фронта за Днепр увеличили наши потери примерно на полмиллиона человек. Просчеты ВГК, неумелое руководство со стороны командующих и командиров на местах привели к большим потерям в Крыму и под Харьковом в 1942 г., в наступательных операциях Западного фронта зимой 1943-1944 гг. и в некоторых других операциях.

К сожалению, в нашей армии существовала и такая практика, когда по указаниям Сталина и других начальников требовали продолжения практически завершившихся наступательных операций, несмотря на то, что наступление уже явно выдохлось, и в таких бесплодных неподготовленных и материально необеспеченных атаках наши войска порой несли больше потерь, чем в основной части успешно проведенной операции. Бои такого характера, конечно, изматывали и противника, не давая ему закрепляться, но наносили в ряде случаев несопоставимый урон своим силам.

Важным фактором, влияющим на потери, было взаимодействие с союзниками. Наши потери могли бы быть сокращены, если бы западные союзники открыли второй фронт в 1942 или в 1943 году. Кстати, когда сравнивают наши жертвы с потерями американских или английских войск, то забывают об одном очень важном обстоятельстве. Судьба войны решалась на советско-германском фронте, где происходили наиболее ожесточенные сражения. Пользуясь скованностью германских войск на этом фронте, командование союзников имело возможность и не спешить, могло из года в год откладывать открытие второго фронта, ту или иную операцию. Но этого не могло себе позволить советское командование, ибо от ряда сражений - под Москвой, Сталинградом, Курском и др. уклоняться было невозможно. Больше заинтересованное в быстрейшем окончании войны, оно более последовательно выполняло и союзнический долг, начиная иногда по просьбе союзников операции ранее установленных сроков, как это было, например, в Висло-Одерской операции в январе 1945 года.

Отрицательное значение имели и некоторые другие факторы, вызвавшие большие потери, но анализировать их нужно грамотно, не устраивая вокруг такой щепетильной проблемы скандальные сенсации.

На совместном совещании историков и литераторов в 1988 г. А.Я.Марков говорил: "Раз мы были обороняющимися, значит должны были в 5 раз меньше потерять. А мы потеряли в 5 с лишним раз больше врага. Как же мы воевали?" Но такие суждения с точки зрения военной не совсем состоятельны. Опыт войн свидетельствует: обороняющаяся сторона несет меньше потерь, когда она ведет успешную оборонительную операцию по отражению наступле-

ния противника. Но оборонительные операции 1941 г. складывались для нашей армии крайне неудачно и она вынуждена была отступать. В таком же - положении были германская армия в третьем периоде войны, Квантунская армия - в августе 1945 г., ведя оборонительные бои, они несли большие потери, чем когда наступали, а в конце войны они оказались в полном составе в плену у нашей армии и союзников.

В ходе успешных операций на заключительном этапе войны наши войска несли значительно меньшие потери. Например, в Маньчжурской наступательной операции японцы потеряли 83 тыс. убитыми, около 700 тыс. чел. пленными. Безвозвратные потери советских войск составили 12 тыс. человек.

При подготовке каждой операции, естественно, тщательно прорабатывались способы возможного уменьшения потерь не только своих войск, но и местного населения. Окруженным войскам под Сталинградом, Бреслау, Кенигсбергом и в других случаях еще до начала штурма (во избежания напрасных потерь) предлагалось капитулировать. Очень бережно обошлись советские войска при взятии Кракова, Вены и некоторых других городов. Перед началом упомянутой выше Маньчжурской операции решением Ставки командующие армиями и командиры соединений войск, находящихся на Дальнем Востоке, были заменены на опытных командиров, прибывших с советско-германского фрронта. Вообще к сбережению людей стали подходить более внимательно. Помню, при взятии Кенигсберга посылали людей в атаку только после длительного огневого подавления противника, стреляли, пока немцы не поднимут белый флаг. Применялись и многие другие меры. Поэтому нельзя дело изображать таким образом, что с людьми во время войны никак не считались. Но правда и то, что за большие потери не было принято строго спрашивать. Все это, конечно, нужно объективно оценивать.

Победа нам досталась очень трудно, но все же не зря люди гибли и страдали. Война закончилась нашей победой и очень дорога для наших народов.

А.К.Соколов
(ИРИ РАН)

Методологические основы исчисления потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны.

Главный вопрос, который должен задавать себе исследователь, обращающийся к этой болезненной теме, - зачем и для чего ее нужно изучать. Это вопрос далеко не праздный, поскольку в последние годы мы наблюдаем многочисленные попытки спекуляций на тему потерь СССР в годы войны, использования данного сюжета для дискредитации советского режима, оправдания нацистов и их пособников, возвеличивания успехов противника. Под предлогом научной объективности, а на самом деле путем разного рода статистических манипуляций и ухищрений, в оборот запускаются самые невероятные цифры, вроде той, что на каждого убитого немца приходилось четырнадцать наших, что воевали мы исключительно плохо, ценою огромных жертв и т.д. Отчасти вина за подобные статистические "упражнения" лежит на наших партийных и государственных органах и официальной историографии, которые долгое время не давали разобраться в этом вопросе по существу, хотя, на наш взгляд, по целому ряду причин, о которых будет сказано ниже, обращение к теме потерь в правильно понятом историческом контексте не столько принижает, сколько, наоборот, подчеркивает значение народного подвига в годы Великой Отечественной войны, какой бы трагический оттенок оно не имело. Будем исходить из того, что сегодня существует возможность подойти к проблеме потерь с позиций объективного научного анализа.

Следует отчетливо представлять, что методологически эта проблема очень трудная и малоразработанная, которая осложняется еще скудностью источников, и первое, что должен понимать каждый исследователь, к ней обращающийся, что в данном случае он имеет дело со статистикой, весьма специфическим источником, а значит, ему необходимо владеть основами статистического анализа, знать его общие положения и приемы работы с данными. Если этого нет, то большинство "трудов" на тему потерь, достойны лишь того, чтобы сдать их в макулатуру. об этой тривиальной вещи не стоило бы, наверное, напоминать, если бы многие авторы не продолжали нарушать элементарные каноны статистического анализа, требования четкого определения единиц учета, правил подсчета средних, процентов, сравнимости, сопоставимости, системности, непротиворечивости статистических показателей. С точки зрения специалиста-источниковеда использование статистических материалов историками или претендующих ими быть авторами выглядит ужасающим, и в последние годы ситуация еще более ухудшилась в связи с вторжением в историю огромного числа дилетантов, в том числе в историю Великой Отечественной войны.

Второе, что нужно, видимо, учитывать, что в настоящее время к изучению потерь обозначились два подхода. Один - демографический, другой - военно-оперативный. К сожалению, эти два подхода зачастую смешиваются, приводя, зачастую неумышленно, к путанице многих категорий и понятий в статистическом анализе. Это относится, например, к сборнику "Гриф секретности снят"[1]. Само по себе опубликование данных о потерях Красной Армии в годы войны было значительным шагом вперед в разработке темы, хотя с позиций статистика-источниковеда в них еще предстоит кое-что уточнить и выяснить. Напомним некоторые из этих данных. Всего через Вооруженные Силы в годы войны прошло по призыву и мобилизации более 31 млн. человек. из них убито и умерло от ран 6 млн. 380 тыс., небоевые потери Красной Армии составили 555 тыс. человек. Пропало без вести (сюда по большей части попали военнопленные) - 4 млн. 560 тыс. человек. В целом же невосполнимые потери среди военнослужащих насчитывают 8 млн. 668 тыс. Эта цифра не намного расходится с принятой в международной статистике оценке боевых потерь Советского Союза в годы Второй мировой войны (7,5 млн.). С точки зрения военно-оперативной к ней бы следовало добавить раненых и искалеченных, которые остались живыми, но не вернулись в строй. В этом смысле упомянутая война отличалась от всех предшествующих. на каждые 100 мобилизованных в ней приходилось 28 инвалидов. Однако ошибки авторов, подходящих к потерям с позиций военно-оперативного анализа, начинаются тогда, когда на этой основе они пытаются сравнивать потери СССР и других стран, нарушая принцип сопоставимости статистических показателей. Например, потери Красной Армии начинают сравниваться с общими потерями Германии и ее союзников в годы войны. В этом случае обязанность исследователя строго придерживаться демографического подхода к проблемам потерь.

Демографический подход реализуется намного сложнее, чем военно-оперативный, и с методологических и источниковедческих оснований. Здесь необходимо усвоение элементарных азов не только демографической статистики, но и так называемой военной демографии, пожалуй, самой неразработанной области демографических исследований. Главным трудом в военной демографии, имеющим методологическое значение, признается книга Ц.Б.Урланиса "Войны и народонаселение Европы", которая в части анализа современных войн выглядит подчас безнадежно устаревшей и нуждается в пересмотре[2].

Однако и этого мало. При анализе потерь надо еще принять во внимание приемы и методы исторической демографии. на наш взгляд, специфика этой дисциплины состоит в том, что она рассматривает демографические процессы в тесной связи с конкретно-историческими событиями и особенностями истории как науки, а от этого во многом зависит оценка потерь в годы Второй мировой войны как в СССР, так и в других странах. Это означает, что исследователь должен хорошо представлять себе отличие этой войны от предшествующих, цели и задачи в ней различных государств, способы и методы воен-

ных действий, их конкретный ход, положение на фронтах, в тылу, политику, проводимую на оккупированных территориях и т.д. Кроме того, для исчисления потерь надо знать демографическую ситуацию как накануне войны, так и после нее с учетом ряда конкретно-исторических факторов. Конечно, в небольшом докладе всех этих сюжетов не охватить, но на отдельные совершенно очевидные и непреложные факты, не требующие особых доказательств, но имеющие важное методологическое значение, хотелось бы обратить внимание.

Касаясь характера современных войн, надо указать на масштабность военных действий, их ареал, подвижность населения, широкое применение оружия массового поражения и т.д. В результате многие категории, которыми оперирует военная демография (убитые, пропавшие без вести, возвратные, безвозвратные потери и др.), приобретают иное качество. Следует указать на нерасчлененность потерь Вооруженных Сил и гражданского населения в период активных боевых действий.

Следующий вопрос, который нужно поставить, как говорят, ребром: какой характер имела война со стороны Германии и ее союзников (в данном случае по отношению к СССР), осуществлял ли гитлеровский режим геноцид в отношении советского населения или нет? Сквозь муть нынешних рассуждений на эту тему пробиваются два неоспоримых факта. Со стороны Германии это была война на уничтожение, со стороны СССР - война за выживание со всеми вытекающими отсюда следствиями. Это хорошо подтверждается соотношением боевых и небоевых потерь в различных странах и относится не только к гражданскому населению, но и военнослужащим. И ничего не меняют в данном аспекте рассуждения отдельных авторов, что, дескать, СССР сам спровоцировал этот геноцид своим сопротивлением, неподписанием конвенции о военнопленных и т.д. А в порядке установления истины следует "уткнуть" указанных авторов в основные положения нацистской доктрины, в демографические аспекты гитлеровских планов в отношении СССР, выполняемых с чисто немецкой точностью и методичностью. Интересно, что бы говорили некоторые нынешние авторы, если бы нечто подобное осуществлялось в отношении Германии и ее сателлитов? Отсюда непреложно вытекает методологическая несопоставимость общих потерь СССР с потерями противника, а также союзников по коалиции.

В связи с этим необходимо затронуть весьма болезненный вопрос о геноциде еврейского народа. Сегодня почему-то считается, что советская историография его замалчивала. Однако, как представляется, официальная точка зрения была направлена против одностороннего выпячивания "еврейского мотива" на фоне геноцида других наций и народов. на наш взгляд, это было правильно. Как известно, нацистский режим уничтожил около 6 млн. евреев, примерно треть из них были евреи советские. Справедливость требует, чтобы в этом ряду упоминались и другие народы. Кстати, тогда яснее станет и подлинная картина "холокаста".

Говоря о демографическом подходе нужно решить вопрос о правильном использовании понятий прямых и косвенных потерь населения. Несмотря на то, что и те и другие непосредственно касаются анализа демографических процессов в отдельных странах, они не имеют общих методологических оснований и обязательно должны рассматриваться отдельно. Тем более недопустимо, когда для одной стороны (имеется в виду СССР) берется итоговая цифра прямых и косвенных потерь, а для другой (Германии) - только минимальная цифра погибших на поле боя, причем только с учетом нынешних, а не тогдашних границ, без учета всех воевавших стран. Что можно извлечь из подобных "изысканий", каких "Зигфридов" или, на худой конец, "Штайнеров", без числа уничтожающих советских солдат, можно себе представить. Далее речь пойдет только о прямых потерях, ибо разговор о демографических последствиях войны - особый.

Прежде чем говорить о прямых потерях СССР в годы войны, надо затронуть ряд источниковедческих вопросов. К сожалению, у нас нет подробных данных о населении СССР как накануне войны, так и после ее окончания, которые могли бы лечь в основу расчетов людских потерь. Все фигурирующие ныне цифры относятся к области демографических оценок. Они базируются на сопоставлении данных переписей населения и текущего демографического учета, который, с одной стороны, не всегда является точным, с другой - далеко не всегда принимает во внимание исторические факты и факторы, влияющие на изменение численности населения. Более надежным источником считаются переписи населения. Для расчетов потерь могут быть использованы две переписи: 1939 г., которая была проведена за 2,5 года до войны, и 1959 г. - спустя почти 14 лет после ее окончания. на основании этих переписей и данных демографического учета была определена приблизительная цифра потерь населения. Сначала говорилось о более 20 млн. (не уточняя, насколько "более") человеческих жизней, унесенных войной, затем специальная комиссия, работавшая в Госкомстате в 1989-90 гг., установила численность людских потерь приблизительно в 27 млн. человек[3]. Однако и после опубликования этой цифры остается ряд вопросов. Первый касается итогов переписи 1939 г. Большинство специалистов сходятся на том, что численность населения СССР по этой переписи преувеличена примерно на 3 млн. человек[4]. Но если мы признаем этот факт, то встает вопрос, где искать в последующем эти недостающие 3 млн.? Не в цифрах ли общих потерь населения в годы войны? Второй вопрос касается определения численности населения на момент нападения Германии на СССР. Считается, что население СССР с присоединением территорий на Западе увеличилось на 23 млн. человек. Интересно бы узнать, откуда была взята эта цифра и насколько она точна? Наконец, учитывала или нет упомянутая комиссия сверхъестественную убыль населения, связанную с массовыми репрессиями, процесс снижения рождаемости, ставший заметным как раз накануне войны? Таким образом, большое сомнение вызывает цифра в 197 млн. человек, которая чаще всего фигурирует в качестве оценки числен-

ности населения СССР накануне войны. не меньше вопросов возникает при оценке динамики населения СССР в послевоенный период.

Из сказанного следует по крайней мере три вывода. Первый состоит в том, что в *ближайшем будущем нам не выйти за пределы приблизительных оценок* людских потерь в годы войны. Однако это вовсе не означает, что тем самым дозволяется произвол для всякого рода цифр. Каждый мало-мальски подготовленный специалист в этой области отлично представляет, о каких допущениях и предельных ошибках может идти речь, чтобы не нарушать взаимосвязи статистических показателей, не выходить за рамки более или менее научного анализа и, наконец, здравого смысла. В этой связи хотелось бы напомнить отдельным авторам, склонным к преувеличениям, что Россия по мировым стандартам и с учетом ее территории - страна в общем-то малонаселенная. Людские потери, тем более крупные, в ней скрыть невозможно. К тому же демографические процессы, происходившие в советский период, отличались крайней неоднозначностью и противоречивостью. Странное представление о неисчерпаемости ее людских ресурсов - миф, на который работает большинство авторов, "разбрасывающихся" направо и налево десятками миллионов жертв. Второй вывод, как об этом ни прискорбно говорить, состоит в том, что война как бы "списала" многие эксцессы довоенного и послевоенного времени, которые связаны с репрессиями, голодом, эмиграцией и т.д. Третий вывод состоит в том, что численность погибших в годы войны все-таки меньше, чем 27 млн. человек. Однако в любом случае масштабы потерь выглядят ужасающими, и совершенно очевидно, что небоевые потери намного превосходили численность погибших на фронтах.

Правомерность подобного вывода подтверждается многими косвенными данными, опубликованными в разное время и основанными на разных источниках. Так, по официальным данным в годы войны было убито и замучено в концлагерях 6,8 млн. советских гражданских лиц и 3,9 млн. военнопленных. Самую недобрую память оставили лагеря уничтожения: Освенцим (4 млн. жертв), Треблинка (800 тыс.), Бельзец (600 тыс.), Кильмхоф (360 тыс.), Себибор (250 тыс.). Кроме них, существовала густая сеть лагерей на территории рейха (в период "расцвета" системы концлагерей - 20 главных и около 500 более мелких), в которых также гибли люди, и прежде всего советские. В их числе всемирно известные Майданек (200 тыс. жертв), Заксенхаузен (120 тыс.), Маунтхаузен (120 тыс.), Равенсбрюк (90 тыс.), Дахау (80 тыс.), Бухенвальд (60 тыс.) и т.д.

Число советских граждан, угнанных на работу в Германию, составило 4,2 млн. человек и, конечно, далеко не все из них уцелели или вернулись обратно. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на опубликованные относительно недавно В.Н.Земсковым данные о репатриации советских граждан: военнопленных, узников концлагерей, угнанных на принудительные работы, ушедших с немцами коллаборационистов и др., поскольку они имеют прямое отношение к оценке потерь населения в годы войны. Согласно этим

данным к 1 марта 1946 г. в СССР было репатриировано 4 млн. 200 тыс. советских людей, в том числе 2 млн. 654 тыс. гражданского населения и 1 млн. 545 тыс. военнопленных[5]. На тот же момент репатриации подлежало еще 550 тыс. человек. В конечном счете, по далеко не полным данным к 1952 г. за рубежом осталось 620 тыс. бывших советских граждан, которых следует отнести к числу невозвращенцев или "второй эмиграции" и включить в общее количество потерь населения в СССР[6].

То, что творилось на территории рейха, с точки зрения демографической должно быть дополнено анализом того, что происходило на оккупированной территории СССР. К сожалению, здесь существуют наибольшие трудности для каких-либо систематических подсчетов. Очень трудно сказать, сколько людей погибло на территории активных боевых действий от бомб, снарядов и пуль. Только перечисление мест, где происходили массовые расправы над населением, заняло бы не одну страницу. Среди них Гродно, Гомель, Рига (Саласпилс), Даугавпилс, Смоленск, Рушаны, Киев (Бабий Яр), Львов, Ровно, Николаев, Симферополь, Ростов и др., отмеченные не одним десятком тысяч жертв. Не следует забывать еврейские гетто, созданные во многих городах, среди которых печально знаменитые гетто в Риге, Львове, Житомире, Минске, Вильнюсе, Каунасе, Смоленске, добавившие счет в общую численность людских потерь.

Около 2 млн. людей сражались против врага в партизанских отрядах или в рядах подпольных организаций. Жертвы среди них по справедливости следовало отнести к боевым потерям, если бы они не сопровождались массовыми убийствами мирных граждан, карательными рейдами, уничтожением сел и деревень, расстрелами заложников и т.д. К чему эти вело на практике, показывает сравнение потерь среди населения различных республик и территорий. Так, Белоруссия потеряла в годы войны более четверти своих жителей. Очень значительными оказались потери населения в западных областях РСФСР, на Украине.

В вину нацистскому режиму следует поставить смерть от голода, от бомбежек и артобстрелов, по разным оценкам, от 600 тыс. до 1 млн. жителей Ленинграда.

По некоторым оценкам, жертвами нацистского геноцида на оккупированной территории СССР в общей сложности стали около 6,8 млн. советских граждан[7] (без военнопленных).

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что по весьма приблизительной оценке общее число потерь среди гражданского населения СССР находится в пределах от 13 до 15 млн. человек. При суммировании этой бесконечной цепи массовых расправ, убийств, гибельных военных эксцессов и т.п. возникает невиданная прежде в истории картина уничтожения людей, повлекшая за собой огромные жертвы среди гражданского населения. Если сюда добавить более точные данные о потерях Красной Армии и исключить почти неизбеж-

ную возможность двойного счета, то можно получить реальное представление о масштабах демографической катастрофы, постигшей СССР в годы Великой Отечественной войны.

Несколько слов для любителей различного рода сравнений и сопоставлений (с Первой мировой войной, с потерями Германии во Второй мировой войне). Очевидно, что любые сравнения могут проводиться только при соблюдении определенных требований. из сказанного выше ясно, что в сущности правомерно только сопоставление боевых безвозвратных потерь с той и другой стороны, да и то с целым рядом оговорок. Конечно, и в этом случае их соотношение выглядит далеко не в пользу СССР, однако исключается возможность всякого рода домыслов и спекуляций. Между прочим, вопрос о подсчетах потерь Германии и ее союзников во Второй мировой войне в том числе и на Восточном фронте, методологически не менее сложен, хотя и по другим причинам, чем исчисление потерь СССР.

Наконец, следует сказать о методолого-источниковедческих аспектах дальнейшей разработки темы. Очевидно, что в последнее время она вступает в новую фазу. Ее можно определить как своеобразное движение "снизу", которое связано с поименным выявлением всех погибших в годы Великой Отечественной войны. Безусловно, подобная работа становится намного более масштабной, объемной и многозначной, выходя из области предположительных оценок и расчетов и приобретая важное не только научное, но и общественно-политическое значение. по идее ее бы следовало начать сразу после войны, по "горячим следам", что в силу ряда объективных и субъективных причин было невозможно. Сегодня провести эту работу намного труднее, несмотря на возможности применения современной компьютерной технологии. Необходимо принять во внимание утрату архивных документов, связанных с учетом населения, уход из жизни военных поколений, размывание исторической памяти и т.д. Тем не менее, ситуация не выглядит полностью безнадежной, если привлечь к этой работе общественность, широкий круг историков, источниковедов, архивистов, демографов и других специалистов.

1. См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и вооруженных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993.

2. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII-XX вв. М., 1960.

3. См.: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Оценка людских потерь населения СССР в период Великой Отечественной войны // Население Советского Союза, 1922-1991. М., 1993.

4. Об этом см.: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 8.

5. Земсков В.Н. Рождение "второй эмиграции", 1944-1952 // Социологические исследования. 1991. N 4. С. 8.

6. Там же. С. 21.

7. Там же. С. 12.

В.Б. Жиромская
(ИРИ РАН)

Людские потери в годы Великой Отечественной войны: точка отсчета

Какую бы мы методику ни использовали при подсчете жертв войны, мы неизбежно столкнемся с вопросом о том, какую же численность населения брать за точку отсчета, какую цифру считать исходной. Чаще всего руководствуются численностью населения Союза в 1940 г., то есть имеют в виду происшедшее к тому времени расширение территории страны и увеличение ее населения. Однако в основе этой цифры лежат данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. Это был последний предвоенный учет населения страны в целом и России (РСФСР), к его итогам и было приплюсовано число жителей присоединенных территорий. Излишне было бы рассуждать в этой ситуации, насколько важно убедиться в достоверности полученных переписью 1939 г. данных о численности населения страны. Исследование этого вопроса было до недавнего времени затруднено, поскольку полных материалов переписи не публиковалось. В настоящее время мы располагаем не только изданием основных итогов переписи, но и оценками их достоверности в литературе. Правда, эти оценки касаются общесоюзных данных. Нас же все в большей степени интересует численность населения собственно России. Этот вопрос был затронут на международной конференции в Торонто (январь 1995 г.), но и там в основном речь шла о населении Союза в целом.

В нашей статье мы сосредоточим внимание на численности населения России и ее основных регионов и предложим, опираясь на материалы переписи 1939 г., варианты нашей коррекции.

Как известно, фальсифицированная цифра общей численности населения СССР составила по официальным данным в Переписи 1939 г. 170,5 млн. человек. Публикация секретной переписки[1] начальника Центрального управления народно-хозяйственного учета при Госплане СССР И.Саутина с ЦК ВКП(б) и СНК СССР позволила огласить подлинный итог по численности населения страны, зафиксированный переписью - 167,3 млн. человек. на наш взгляд, учитывая ситуацию, в которой проводилась перепись, можно принять поправку к этой цифре лишь в 0,2% (0,3 млн. человек), предложенную Андреевым А., Дарским Л., Харьковой Т. по результатам сопоставления с переписью 1937 г. и данными текущей статистики. С учетом этой поправки численность населения СССР на январь 1939 г. составила 167,6 млн.

В настоящее время уже все исследователи переписи пришли к единому мнению, что, хотя фальсификация численности населения и имела в ней место, она незначительна по своей величине: преднамеренная приписка к итогу составила 2,9 млн. человек[2].

Безусловно, общий коэффициент приписки коснулся и России, но при этом необходимо учесть, что этот коэффициент не был одинаковым для всех территорий Союза. Иными словами, было бы неверным просто вычесть общий коэффициент приписки по Союзу из населения каждой республики, в том числе РСФСР. К счастью, процент приписки именно по России возможно определить довольно точно.

В архивах сохранились черновые документы, в которых указана приписка (в абсолютном выражении) по всем регионам России. Если суммировать все эти цифры, то получится, что к ее населению было добавлено 2,5 млн. человек. из этого числа необходимо вычесть число заключенных в 759 тыс. человек, переписные листы на которых перераспределялись между разными регионами России, о чем мы далее поговорим более подробно. по отношению к населению всей России это число припиской не являлось (мы имеем в виду заключенных), так как за ним стояли реально существующие люди, находившиеся на ее территории.

В результате приписка составила 1,7 млн. чел. Возникает вопрос об оправданной приписке предположительно в 0,2%, принятой нами по Союзу. Действительна ли она для населения России?

Из рассуждений сотрудников НИИ и собственных наблюдений в процессе работы над материалами советских довоенных переписей следует, что недоучет в основном касался женщин в возрасте от 12 до 16 лет в мусульманских районах Союза и мальчиков до 2-х лет в Средней Азии и Закавказье[3], а также на Дальнем Востоке у нерусских народов. В целом для Центральной Европы такого рода недоучет не характерен и в основном он сфокусирован в районах Средней Азии и Закавказья. В России это сокрытие могло иметь место в районах Северного Кавказа и у малочисленных нерусских народов Дальнего Востока. Причем сокрытие женщин в ранних возрастах было явлением редким и в этих регионах России. Поэтому мы можем снизить процент обоснованной приписки до 0,1% от населения России, что примерно составит 100 тыс. чел.

Итак, весь объем приписки - 1,7 млн. чел. Опубликованная цифра численности населения России 109,4 млн. чел. за вычетом всей приписки получится 107,7 млн., а с учетом обоснованной поправки - 107,8 млн. чел. К близкому результату по численности населения России пришел Е.М.Андреев, выступавший на международной конференции в Торонто (январь 1995 г.). В итоге от - населения России необоснованная приписка составит 1,6 млн.

Сложнее обстоит дело с очищением от фальсификации численности населения регионов и областей России. Как удалось установить по сохранившимся материалам секретной переписки органов ЦУНХУ, НКВД и НКО с правительственными органами власти, приписка по отдельным регионам, областям, городам и селам состояла из трех слоев.

Первый состоял из собственно приписки к общему итогу по численности населения Союза, разложенной по всем населенным пунктам. Этот расклад

производился неравномерно и больший процент приходился на те районы, где ощутимее были потери населения, связанные с голодом начала 30-х гг.

Второй слой приписки - это перераспределенные заключенные. В опубликованном нами письме И.Саутина на имя В.Молотова и Л.Берия от 10 января 1939 г. говорилось на этот счет, что органы ЦУНХУ полученные от НКВД переписные листы на заключенных объединяют с переписными материалами по общегражданскому населению. "Поскольку это значительно изменит итоги численности населения в Приморско-Хабаровском крае, Архангельской, Новосибирской, Свердловской областях, Бурят-Монгольской, Карельской и Коми АССР, НКВД предлагает значительную часть заполненных переписных листов на контингенты заключенных лагерей, расположенных в указанных выше местах перераспределить между другими республиками, краями и областями". Это предложение было реализовано и на места была разослана секретная инструкция за подписью заместителя начальника ЦУНХУ Д.Бозина от 3 сентября 1939 г., которая гласила: "Все переписные листы, не имеющие адресной части или имеющие неполный адрес (то есть на заключенных - *В.Ж.*), распределяются условно между отдельными территориальными единицами, а в пределах территориальных единиц - между инструкторскими участками в городах и счетными участками в сельской местности районов Крайнего Севера. Распределение производится равномерно, мелкими пачками"[4]. Мы взяли вариант конкретной инструкции, адресованной в районы Крайнего Севера. Но такого рода инструкция лишь с другим адресом была направлена в УНХУ Бурят-Монгольской, Якутской АССР, Омской, Архангельской, Камчатской областей, Красноярского, Хабаровского краев и т.д. Приведем пример ответа на такую инструкцию. Это письмо на имя Д.Бозина от 13 марта 1939 г. (опубликованное нами еще в 1990 г.) за подписью Бартошевича: "Препровождаю переписные листы на контингент "В" (то есть на заключенных - *В.Ж.*), поступившие от Коми АССР на 100 тыс. чел. переписанных, Карельской АССР на 80 тыс. чел. переписанных, Бурят-Монгольской АССР на 30 тыс. переписанных, Хабаровской области на 232 530 чел. переписанных, Новосибирской области на 87 356 чел. переписанных, Свердловской области на 67 750 чел. переписанных"[5]. В примечаниях же к спецпереписи указано, куда они направляются и к каким населенным пунктам приписываются.

В архивах переписи сохранились материалы, по которым можно проследить сложившийся тогда и четко отработанный механизм перераспределения спецконтингентов переписи НКВД. Сначала итоги переписи в нефальсифицированном виде из всех районов направлялись в Бюро переписи ЦУНХУ. Туда же поступали секретные сведения по итогам переписи спецконтингентов. В центре подсчитывали общие итоги и определяли, какое количество спецконтингента подлежало распределению по другим районам, затем определялся общий коэффициент приписки. Эти данные сообщались в местные УНХУ, а их секретные отделы распределяли всю приписку по конкретным городам и селам. Затем эти конечные результаты сообщались в центр. Эти последние письма, к счастью, сохранились. В центре сведения, полученные таким путем

с мест, еще раз корректировались. Приходилось к тому же в центре постоянно сверять полученные итоги с итогами переписи 1926 г., чтобы не получить слишком большой прибыли или напротив убыли населения в отдельных местах.

Всего таким путем было перераспределено 750 тыс. заключенных. Эта цифра дошла до нас в виде примечания к спецпереписи НКВД по заключенным и охране[6]. Сохранились и адреса, по которым перераспределялись переписные листы с указанием их количества. Эти материалы, опубликованные нами, позволяют исчислить население республик, краев и областей, городов и сел и избавить цифры от приписок.

Несмотря на то, что механизм приписок, как мы видели, был продуман и отработан, он все же давал сбои то в одном месте, то в другом. Например, в ходе дела выяснилось, что даже после перераспределения в Ныробском районе Казахстана заключенные составляли 61% наличного населения, а в трех районах Карелии - Медвежгорском, Беломорском и Тунгудском - спецконтингент чуть ли не в два раза превысил местное население (таким образом, обнажилось скопление заключенных на трассе Беломоро-Балтийского канала)[7]. В подобных случаях информация о "накладках" сообщалась в ЦУНХУ и там производилось новое перераспределение спецконтингента.

Такого же типа перераспределение было произведено по отношению к спецконтингенту, переписанному Наркоматом Обороны, то есть военнослужащим, находившимся на военной службе. Делалось это в целях сокрытия мест дислокации вооруженных сил. Это был третий слой приписки на уровне регионов. Военнослужащих по переписи было зафиксировано 2,1 млн., из них перераспределению подлежало 800 тыс. человек. Таким образом, в целом было перераспределено примерно 1,5 млн. переписных листов по территории Союза в целом.

Учитывая механизм приписок и черновые материалы переписи, мы сделали попытку рассчитать подлинную численность населения всех районов и автономий России, в том виде, в каком они были зафиксированы переписью (см. табл. 1).

Рассчеты по автономиям России показали, что процент приписки по ним колеблется в пределах 2,1-2,2% от подлинного населения республики. Например, для Татарии приписка составила 62 тыс. человек, для Мордовской АССР - 20 тыс., для Калмыцкой АССР - 5 тыс. чел.* (Листы на заключенных, находящихся в этих республиках, не изымались). Следовательно, для районов, где не было особо экстремальных условий (сильных последствий голода и т.д.), средняя величина приписки - 2,1%.

В районах же массового выселения, голодного вымирания населения ситуация была другой. Процент приписки здесь резко повышается и колеблется от 2,6 до 10,0% в целях сокрытия убыли населения. Например, в Республике

* Названия автономий и областей России приводятся в соответствии с существовавшими в 1939 г. названиями, население исчислено в границах 1939 г.

Немцев Поволжья коэффициент приписки равнялся 9,4%, в Чечено-Ингушетии - 2,4%, в Северной Осетии - 2,6%. Особенно ярко это видно по припискам к мужскому населению, поскольку потери его были больше, чем женского. Приписка по женскому населению, как правило, не превышала 1%[8]. В основном приписки делались к численности мужского населения. на Северном Кавказе такая приписка составила 3,7%, в Среднем Поволжье - 3,7-3,8%, Воронежской области - 3,7%, Саратовской - 3,8%. В целом же в среднем приписка по мужскому населению в более благополучных районах составила 2,3%. Это показала 10%-ная выборка и фронтальный просчет всех районов России.

Таблица 1

Численность населения краев, областей и автономий России на начало 1939 г. (оба пола)

Территория	Население по данным ВПН . 1939 г	Скорректированная численность населения (СЧН)	Приписка: Абс. число	Приписка: % от СЧН
1	2	3	4	5
Алтайский край	2498597	2445608	52989	2,2
в т.ч.:				
Ойротская АО	162179	159036	3143	2,0
Краснодарский край	3172674	3102757	69917	2,25
в т.ч.:				
Адыгейская АО	241799	237711	4088	1,7
Красноярский край	1960524	1921223	39301	2,1
в т.ч.:				
Хакасская АО	272730	268486	4244	1,6
Орджоникидзевский край	1950887	1908690	42197	2,2
в т.ч.:				
Карачаевская АО	150303	147513	2790	1,9
и				
Черкесская АО	92898	91263	1635	1,8
Архангельская обл.*				
в т.ч.:				
Ненецкий округ	сведения неполные			
Вологодская обл.	1661285	1625723	35562	2,2
Воронежская обл.	3551329	3475945	75384	2,2
Горьковская обл.	3869887	3786413	83474	2,2
Ивановская обл.	2649429	2592769	56660	2,2
Иркутская обл.	1303997	1272141	31856	2,5
Калининская обл.	3213139	3143284	69855	2,2
Кировская обл.	2226193	2184176	42017	1,9
Куйбышевская обл.	2766436	2705567	60869	2,3

Продолжение Таблицы 1

1	2	3	4	5
Курская обл.	3143067	3076410	66657	2,2
Ленинградская обл. (без г.Ленинграда)	3240748	3174332	66416	2,1
г. Ленинград	3191304	3115503	75801	2,4
Московская обл. (без г. Москвы)	4780293	4682748	97545	2,1
г. Москва	4137018	4032496	104522	2,6
Мурманская обл.	291178	282553	8623	3,1
Новосибирская обл.*				
Омская обл.	2378410	2330263	48147	2,1
Орловская обл.	3532713	3457289	75424	2,2
Пензенская обл.	1710517	1700175	10342	0,6
Пермская обл.	2087518	2042627	44891	2,2
Ростовская обл.	2892580	2828423	64157	2,3
Рязанская обл.	2267908	2220805	47103	2,1
Саратовская обл.	1798514	1758017	40497	2,3
Смоленская обл.	2686029	2628140	57889	2,2
Сталинградская обл.	2288139	2238668	49471	2,2
Свердловская обл.*				
Тамбовская обл.	1877900	1837008	40892	2,2
Тульская обл.	2048695	2004090	44605	2,2
Челябинская обл.	2801853	2741608	60245	2,2
Читинская обл.	1158574	1120735	37839	3,4
Чкаловская обл.	1676668	1640558	36110	2,2
Ярославская обл.	2284255	2235470	48785	2,2
Башкирская АССР	3158969	3093337	65632	2,1
Бурят-Монгольская АССР*				
Дагестанская АССР	930416	909883	20533	2,3
Кабардино-Балкарская АССР	359219	351500	7719	2,2
Калмыцкая АССР	220684	215998	4686	2,2
Карельская АССР*				
Коми АССР*				
Крымская АССР	1126429	1100426	26003	2,4
Марийская АССР	579610	567555	12055	2,1
Мордовская АССР	1188004	1163225	24779	2,1

Окончание Таблицы 1

1	2	3	4	5
Республика Немцев Поволжья	606532	553410	53122	9,6
Татарская АССР	2915277	2853295	61982	2,2
Северо-Осетинская АССР	329205	320797	8408	2,6
Чечено-Ингушская АССР	697009	680884	16125	2,4
Чувашская АССР	1076810	1054465	22345	2,1
Удмуртская АССР	1219350	1188239	31111	2,6
Приморский край	906805	884373	22432	2,5
в т.ч.:				
Уссурийская обл.	438947	404715	34232	8,5
Хабаровский край*				
в т.ч.:				
Амурская обл.	448259	438299	9960	2,3
Нижне-Амурская обл.	98480	95231	3249	3,4
Сахалинская обл.	99925	97280	2645	2,7
Еврейская обл.	108938	106870	2068	1,9
Камчатская обл.	сведений нет			

* Приписка в 1939 г. была произведена "особым порядком" (см. текст статьи). РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 280. Д. 283; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М. 1992, С. 23-25, 231-236.

Особую категорию районов составляли районы с "избыточным" населением, то есть обилием заключенных (см. табл. 2). Это районы, из которых изымались листы спецпереписей для перераспределения по другим местностям. Население этих районов в действительности было более многочисленным, чем это было заявлено официально. Так, население Коми АССР, зафиксированное переписью, в результате фальсификации было приуменьшено в среднем на 22,7%, а мужское население - на 32,3%; Карельской АССР соответственно на 12,0 и 18,8% (см. таблицу 2).В абсолютном выражении из населения Коми АССР было изъято 93 тыс. чел., а Карелии - 64 тыс. чел., что не совсем совпадает с количеством переписных листов, изъятых по инструкции, так как в процессе корректировок небольшая часть их была возвращена обратно. Таким образом из Коми АССР должно было по инструкции быть изъято 100 тыс. чел., а было изъято, как мы видели, 93 тыс. чел. из Карелии должно было быть изъято 80 тыс.человек, а изъяли на 16 тыс. меньше[9].

Особым вопросом является выяснение численности городского населения. на сегодняшний день лишь в малом числе работ отмечается факт фальсифика-

ции в переписи 1939 г. численности городских жителей. Этот вопрос поднимался нами еще в 1990 г., когда отмечался сам факт фальсификации численности горожан, но конкретная поправка еще рассчитана не была.

В 1991 г. Исупов В.А. опубликовал расчеты поправок численности населения некоторых городов Сибири, о чем мы упоминали выше. Однако следует отметить, что выявленная им приписка является неполной, так как учитывает один слой приписки, а именно - перераспределение заключенных. Общий процент приписки и приписка военнослужащих остались неучтенными.

Выяснение вопроса об оценке данных переписи 1939 г. по числу горожан невозможно без сопоставления с переписью 1937 г.

Вновь приходится возвращаться к ситуации, в которой проводились обе переписи. Уже от переписи 1937 г. ожидалось, что она окажется ярким показателем грандиозных успехов страны в области индустриализации и урбанизации. Безусловно, индустриализация, развиваясь форсированными темпами, привела к росту городского населения, что должно было отразиться в данных переписи. Но беда была в том, что ей предстояло получить заранее заданный результат. Известно, что в одном из своих выступлений И.Сталин заявил, что численность городского населения удвоилась в 30-е гг. по сравнению с 1926 г.[10]. Перепись 1926 г. насчитала 26 млн. горожан.

В строго засекреченном письме начальника ЦУНХУ И.Краваля И.Сталину, написанного в мае 1937 г. сразу после подведения итогов переписи, фигурирует цифра 51,9 млн. горожан[11], то есть как раз в два раза больше, чем в 1926 г. из письма следует, что этот прогноз вождя переписью 1937 г. подтвердился. Этот факт вызывает сомнение уже потому, что это был единственный прогноз, который подтвердился. Можно ли в самом деле этот "прогноз" принимать на веру? Прежде всего следует учесть, что письмо И.Краваля написано во спасение переписи 1937 г. и связанных с ней людей, над которыми в то время нависла смертельная угроза. Кроме того, в разработочных таблицах переписи, а также записке руководителя спецпереписи НКВД майора госбезопасности В.Цесарского указана другая цифра городского населения - 43,7 млн. человек[12].

В этой цифре не учтены военнослужащие. Однако и с военнослужащими вместе городское население не могло превысить 45 млн. чел. Если экстраполировать эту поправку на городское население России, то необходимо произвести следующие расчеты. Городское население Союза меньше указанного в письме И.Краваля, а, следовательно, и в официальном итоге переписи, сообщенном правительству, на 6,9 млн. чел., что составляет 13,3% от официального итога.

Уменьшив соответственно на тот же процент городское население России, мы получим 30 млн. человек вместо 34,4 млн. официально по итогу. Такая экстраполяция правомерна, поскольку основная масса горожан была сосредоточена в России и преувеличение их численности было сделано за счет ее городов, поскольку там оно выглядело наиболее правдоподобным. Как пока-

Таблица 2

Численность населения регионов России, переписанных в 1939 г. "особым порядком"

Территория	Числ. населения по переписи 1939 г.	Изъято перепис. листов	Возвращено обратно перепис. листов	Скоррект. числен. насел.	% приписки от скор. населения
Архангельская обл.	1216730	100000	55392	1261338	-3,5
Новосибирская обл.	4050260	76000	88577	4037683	0,3
Свердловская обл.	2511309	67550	56089	2522770	-0,5
Бурят-Монгольская АССР	545766	30000	12687	563079	-3,1
Карельская АССР	468898	80000	16342	532556	-12,0
Коми АССР	318996	100000	6594	412402	-22,7
Хабаровский край*	1459729	232530	23120	1669139	-12,6

* Данные по Хабаровскому краю неполные, расчет произведен приблизительно. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 280. Д. 283; Всесоюзная перепись населения; 1939 г. С. 23-25, 231-236.

зывают документы, в частности записка В.Цесарского, в которой имеются два списка городов, утвержденных и неутвержденных, преувеличение городского населения было произведено за счет неутвержденного списка городских поселков, которым официально не был присвоен статус города.

В 1939 г. официально опубликованная численность городского населения СССР составила 55,9 млн. человек[13]. Вопрос о городском населении был еще более политизирован при подготовке этой переписи, чем в 1937 г. на специальном заседании Бюро переписи ЦУНХУ и местных УНХУ было принято решение "проявить большое усердие в учете городского населения". И.Саутин откровенно написал в СНК В.Молотову, что если ряд населенных пунктов (в РСФСР - 1,9 млн. человек, а на Украине - 2,5 млн. чел.) не превратить в города, то мы не досчитаемся 4-5 млн. чел., то есть, по-видимому, до заданной цифры[14].

В связи с этим была проведена большая работа по пересмотру статуса рабочих поселков и сел и превращению их в города. Такая работа проводилась по традиции перед каждой переписью, но в данном случае она происходила в наэлектризованной обстановке и ее результаты поэтому трудно назвать научно обоснованными. Во-первых, она была односторонней, то есть сельские населенные пункты получали статус города, а обратного перевода городов в села, который проводился в таких случаях в связи с подготовкой очередной переписи, не предусматривалось.

Во-вторых, все время из центра на места лихорадочно телеграфировали требование ускорить эту работу. Ранее вопрос об изменении статуса какого-

либо населенного пункта рассматривал и утверждал Верховный Совет СССР. Теперь этот вопрос разрешили решать прямо на местах. Хотя существовали критерии определения границ городского поселения, но в данном случае с городскими границами обращались в ходе изменения статуса достаточно свободно. Например, все дачные поселки, где жили рабочие и служащие, приписывали к городам, хотя те и находились в ведении поселковых советов.

В результате и была получена цифра, которая показала более чем двухкратное повышение численности городского населения по сравнению с 1926 г.

Однако действительную численность городского населения, зафиксированного переписью, можно установить. В письме начальника ЦУНХУ И.Саутина по итогам переписи указана цифра 52,4 млн. человек без армии и заключенных[15]. Правда, туда уже включены те 4-5 млн., о которых он писал в другом своем письме, упомянутом нами выше.

Исходя из этого, можно рассчитать, что без армии и заключенных подлинная численность населения городов СССР составляла 47-48 млн. человек. Заключенных в городах к 1939 г. было мало, они были в массовом порядке перемещены в трудлагеря и спецпоселения, а военнослужащие в значительной степени дислоцировались в сельской местности. Но даже с учетом двух этих групп населения численность горожан едва ли превысит 48-49 млн. Это вполне согласуется с данными по городскому населению переписи 1937 г. При быстрых темпах индустриализации такой рост городского населения между переписями был возможен.

Итак, приписка составила в абсолютном выражении 7-8 млн. или 12-14% от официально опубликованной цифры.

Из того же письма И.Саутина, как мы помним, приписка к городскому населению России была меньше и составляла 1,9 млн. человек. Официально опубликованная цифра, 36,9 млн., с армией и заключенными. В результате простого вычитания этой приписки получаем 35,0 млн. человек. Необходимо учесть еще и разницу между цифрой городского населения в СССР, названной в письме И.Саутина, и официально заявленной численностью горожан в Союзе. Эта разница в 3,5 млн. составит 6% от опубликованной цифры. Частично эта приписка оправдана за счет армии и заключенных, которых в городах, как мы уже говорили, мало. Так, в 1937 г., как показывает перепись, их было в городах примерно 35% от общего числа военнослужащих[16]. Это всего 75 тыс. человек, а вместе с заключенными - не более полутора миллионов человек. Таким образом, неоправданное увеличение числа составит примерно 2 млн. человек (3,6% от официально опубликованного числа). Теперь этот процент может быть экстраполирован на городское население России. Получим 1,3 млн. и на это число еще уменьшим количество российских горожан. В итоге получим, что городское население России составляло примерно 33,7 млн. человек.

Сохранившаяся черновая документация и секретная переписка ЦУНХУ с правительством позволяют рассчитать подлинную численность городского

и сельского населения в каждом регионе России, а также население отдельных городов и сел. Приписка была неравномерной и зависела от расположения в данном населенном пункте армии, заключенных и от людских потерь в начале 30-х гг. от голода. Средних цифр здесь нет и невозможно вывести общий коэффициент приписки, пригодный для всякой местности. В каждом случае необходимо производить, опираясь на документы, специальные расчеты. мы сделали попытку в таблице 2 рассчитать коэффициенты приписок по районам России, в том числе по городу и селу в целом.

В заключение следует подчеркнуть, что перепись 1939 г. содержит богатейший материал по России и может соперничать в этом отношении с переписью 1926 г., одной из самых подробных советских переписей.

Перепись 1939 г. характеризует население Российской Федерации по большому числу параметров: полу и возрасту, национальности, социальному положению, занятиям. Особенно широко представлены в ней сведения по грамотности и образованию населения во всех регионах России, у разных населяющих ее территорию народов.

1. Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания // Социологические исследования. 1990. N 8. С. 50.

2. Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР, 1926-1941 гг. // Вестник статистики. 1990. N 7. С. 38.

3. Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992. С. 8-9.

4. Население России в 1920-1950-е гг.: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 41.

5. Там же. С. 42.

6. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992. С. 9.

7. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 279. Л. 27.

8. Там же. Д. 284 (подсчет автора).

9. Там же. Д. 283. Л. 1-3.

10. Сталин И. Речь на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок с членами ЦК ВКП(б) и правительства 5 декабря 1935 г. М., 1947.

11. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 35.

12. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 77. Л. 17.

13. Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 20.

14. Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 гг.: история проведения и подготовки // История СССР. 1990. N 3; Труды XI Всемирного конгресса по экономической истории. Милан., 1994. С. 276 (на фр. яз.).

15. Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Указ. соч. С. 50.

16. Всесоюзная перепись 1937 г. С. 52.

Е.М.Андреев, Л.Е.Дарский, Т.Л.Харькова
(Отделение демографии ИСЭИ Госкомстата России)

Людские потери СССР во Второй мировой войне: методика оценки и результаты

Людские потери в войне включают всех погибших в результате военных и иных действий противника и вследствие повышения уровня смертности в период войны как в тылу, так и в прифронтовой зоне и на оккупированных территориях. В понятие людских потерь мы не включаем последствия снижения рождаемости в период войны, повышения смертности в послевоенные годы и другие косвенные демографические потери.

С точки зрения многих самым естественным представляется подход, основанный на оценке численностей отдельных категорий погибших и умерших. мы исходили из того, что прямой подсчет не может учесть все людские потери, которые понесло население СССР в результате войны. Помимо некоторых конкретных категорий, относительно которых отсутствуют необходимые данные статистического учета, к людским потерям в результате войны следует отнести также ту часть смертей, которая произошла в период войны в результате общего ухудшения условий жизни и медицинской помощи, физического и нервного перенапряжения людей, их истощения и других, связанных с войной факторов. Вызванные этими обстоятельствами случаи смерти, не могли быть выделены в учете из общего числа смертей, происшедших в годы войны (и вообще не могут быть выделены на индивидуальном уровне).

Полная оценка всех людских потерь может быть получена только методом демографического баланса, путем сопоставления численности и возрастного состава (структуры) населения страны на начало и на конец войны и сравнения реальной убыли населения по каждому поколению родившихся до и во время войны с, так сказать, ожидаемой убылью за тот же период при некотором, принятом в качестве нормального, уровне смертности. Сравнение с "нормальным" уровнем убыли необходимо, потому что иначе мы приняли бы за норму бессмертие.

К сожалению, людские потери, оцениваемые методом демографического баланса, включают также тех людей из населения СССР на 22 июня 1941 года, которые покинули территорию СССР в период войны и не вернулись до конца войны (не включая, конечно, военнослужащих, дислоцированных за пределами территории СССР, и других граждан, работавших за границей и членов их семей).

Для расчета людских потерь необходимо:

- определить численность и возрастной состав населения страны на начало Великой Отечественной войны,

- определить численность и состав населения на конец войны,

- выбрать наиболее естественный "эталонный уровень" смертности, используемый как базу сравнений.

Оценку потерь мы сочли целесообразным проводить за период с конца июня 1941 г. по конец декабря 1945 г. Верхнюю границу периода мы сдвинули от момента окончания войны на конец года, чтобы учесть в расчете число смертей раненых в госпиталях, репатриацию в СССР военнопленных и перемещенных лиц из числа гражданского населения и репатриацию из СССР граждан других стран.

Демографический баланс предполагает сопоставление населения в одних и тех же территориальных границах. Ввиду того, что довоенные и послевоенные границы СССР несколько различны, мы посчитали возможным оценивать потери населения СССР в границах1946 г. Конечно, более правильно было бы вести расчеты в границах СССР на 22 июня 1941 года. Но в этом случае потребовалось бы оценить в тех же границах население страны на начало 1946 г., что весьма непросто. Оценку численности населения СССР в послевоенных границах можно выполнить много тщательней, чем в предвоенных. Несколько упрощается проблема внешней миграции в связи с тем, что все прибывшие в страну и затем выбывшие из страны между сентябрем 1939 и началом 1946 года не участвуют в расчетах.

В качестве базы сравнения мы взяли уровень смертности предвоенного 1940 года. При этом учитывалось, что принятый за "норму" он включает смертность репрессированных (хотя, возможно, и не полностью).

Итак, чтобы правильно оценить людские потери, необходимо заново восстановить историю населения СССР, если не за все время его существования (1922-1991 гг.), то хотя бы за 1939 - 1959 гг.: в эти годы были проведены последняя предвоенная и первая послевоенные переписи. Расчет достаточно подробно изложен в нашей книге[1] и мы остановимся далее лишь на некоторых новых моментах.

1. Расчет населения на середину 1941 г. не был бы сложен, если бы не - невысокое качество данных статистики населения. В конечном счете метод передвижки по возрастам достаточно разработан и именно с его помощью и сегодня в России рассчитывается численность и возрастной состав населения в межпереписной период. Ключевой проблемой оценок является точность переписи 1939 г.

Для нас неожиданностью было изменение точки зрения С.Максудова на масштаб искажений итогов переписи. по его мнению[2], наша оценка двойного счета населения при переписи 1939 года сильно завышена. В отличие от нас, Максудов сопоставляет итоги разработки контрольных бланков не с общими итогами переписи, а с общим числом заполненных контрольных бланков. Рассмотрим и мы результаты переписи с этой точки зрения.

Инструкции переписей 1939 и 1959 годов в части работы с контрольными бланками текстуально почти совпадают. Напомним, что контрольные бланки заполнялись на всех, кто в момент встречи со счетчиком переписи проживал

не там, где находился в критический момент переписи и не имел справки о прохождении переписи. Однако порядок выдачи справок о прохождении переписи в 1939 и 1959 годах различался. Справки о прохождении переписи в 1939 г. выдавались всем, кто прошел перепись вне места постояннного жительства. В 1959 г., кроме того, справка выдавалась тем, кто предполагал в период переписи выехать в другое место (точнее было бы говорить "сменивших место пребывания") хотя бы на 1 день.

Число заполненных контрольных бланков в переписи 1939 года в три раза больше, чем в 1959 г., (в 1959 году контрольные бланки были составлены на 0,67% населения, а в 1939 - на 2,71%) и возникает вопрос - достаточно ли выявленных различий инструкции, чтобы объяснить это расхождение. Если допустить, что переписные инструкции выполнялись "идеально", то окажется, что в 1959 году контрольные бланки составлялись на всех, кто в критический момент переписи находился в месте постоянного жительства и уехал либо до встречи со счетчиком, либо неожиданно (т.е. не информировав счетчика о предстоящем отъезде), а также на выехавших из места временного пребывания после критического момента переписи и до встречи со счетчиком. В 1939 году контрольные бланки составлялись на всех, кто в критический момент переписи находился в месте постоянного жительства и уехал оттуда в период переписи, а также на выехавших из места временного пребывания после критического момента переписи и до встречи со счетчиком. Указанное обстоятельство и делает невозможным соотнесение численности населения, переписанного только на контрольные бланки, с числом контрольных бланков (как это делает С.Максудов), но не препятствует сравнениям с общей численностью населения, учтенного переписью.

Все это не проясняет вопроса о причинах, по которым при переписи 1939 г. было составлено такое огромное количество контрольных бланков. Простая математическая модель позволяет оценить, что в соответствии с переписными инструкциями и данными табл. 1, возможное число поездок в период переписи 1939 года составляет 6085 тысяч, а число поездок в период переписи 1959 года лежит в интервале от 1800 тысяч (все поездки неожиданные) до 2780 тысяч (все поездки планировались заранее). Если допустить, что доля "неожиданных поездок" порядка 10-20%, что правдоподобно для условий бывшего СССР, то окажется, что число поездок в 1959 г. равно 2,5-2,6 миллионов.

Развивая данную модель и введя в рассмотрение число временно проживающих, мы получаем, что среднее число отлучек из места постоянного жительства в 1939 г. составляло 1,46 на человека в год, при средней длительности - 9 дней. Для сравнения 1959 г. дает 0,5-0,6 смен места пребывания на человека, правда при средней длительности 15 дней. Итак в 1939 г. каждый житель СССР проводил вне места постоянного жительства 12,5 дней, а в 1959 - только 8,7. Рассчитанная средняя относится ко всему населению, включая детей, стариков, заключенных и военнослужащих. Если учесть, что расчеты сделаны

для января - периода минимальной подвижности, то станет ясно, что эта оценка фантастически неправдоподобна, и в 1939 г. население СССР не могло быть столь миграционно подвижно. Если учесть, что в разных источниках приводилось разное число контрольных бланков, то станет трудно избежать подозрения, что и эти данные не соответствуют реальности.

Таблица 1

Результаты разработки контрольных бланков по переписи 1939 и 1959 годов (тысяч человек)

	1939	1959
Наличное население	168451	208827
Постоянное население	168364	208247
Временно проживающие	5845	5558
Временно отсутствующие	5758	4973
Разность	87	585
Период переписи (дней)	9,01*	8
Заполнено контрольных бланков	4564	1399
Добавлены в наличное население всего	1140	789
Не были найдены в переписных листах	834	572
из них		
включены в постоянное и наличное население	551	275
только в наличное	283	297
Была вычеркнута запись о временном отсутствии	306	217
Не учтены или не верно учтены в месте постоянного жительства	857	492

* Средневзвешенное для городских поселений (7 дней) и сельских местностей (10 дней)

Таким образом, сомнительным представляется не только число лиц, внесенных в переписные листы с контрольных бланков, но и само число контрольных бланков. Кроме того, как справедливо отмечает А.Г.Волков[3], сомнение вызывает и то обстоятельство, что число лиц, включенных в численность наличного населения из контрольных бланков, практически равно 1/4 бланков, что скорее ассоциируется с экспертной оценкой, чем с дефектами статистической обработки.

Можно согласиться с тем, что значительное число переписанных в 1959 году при контрольном обходе (285 тыс.) говорит о менее тщательной работе счетчиков, чем в 1939 г. (87 тыс.). Но опыт последующих переписей позволяет допустить, что в 1959 г. при контрольном обходе переписывались домохозяйства, членов которых счетчик так и не застал дома за весь период переписи. Данные о таких семьях берутся из картотек паспортного учета. В 1939 г. подобная практика, по-видимому, не стала массовой.

И последнее: разница между численностью наличного и постоянного населения не может быть критерием качества переписи, так как согласно переписным инструкциям иностранные граждане включались в наличное, но не включались в постоянное население.

Следует отметить, что чем детальнее анализируются данные переписи 1939 г., тем больше вопросов возникает. Например, возрастная аккумуляция в переписи 1939 г. существенно меньше, чем в переписи 1937 г. Так индекс возрастной аккумуляции Уипла для мужчин в 1937 г. составлял 115%, а в 1939 г. - 109%, для женщин, соответственно, 132 и 117. Столь кардинальное уменьшение аккумуляции наводит на мысль, что и опубликованная возрастная структура подверглась коррекции.

2. Расчет населения на конец 1945 г. в принципе сложнее, чем на середину 1941 г. - слишком большой период. Однако более высокое качество данных делает его возможным. Когда расчет был закончен, а его итоги опубликованы, мы обнаружили в архивах[4] результаты статистической разработки, выполненной ЦСУ СССР, списков избирателей по выборам в Верховный Совет СССР, Верховные Советы республик и местные советы в феврале 1946 г., в феврале и декабре 1947 г., в марте 1950 и марте 1954 годов.

Сравнительный анализ данных о числе избирателей и результатов наших расчетов по возрастам позволят утверждать, что они достаточно хорошо согласуются (табл. 2). Различия объясняются двумя обстоятельствами.

Первое: число избирателей в списках, подлежащих разработке, значительно меньше, чем по сообщениям Центральной избирательной Комиссии об итогах выборов. по выборам 1946 г. разность составила 7707 тыс. человек[5], 1950 г. - 4276 тыс.[6], 1954 г. - 5539 [7]. Нам не удалось собрать аналогичные данные по выборам в Верховные Советы республик. Это позволяет предположить, что какие-то категории населения, скорее всего армия (см. табл. 2), не вошли в разработку.

Второе: оставшаяся разность, которая в 1946 г. составляла 3369 тыс. человек, в 1950 г. - 4397 тыс., а в 1954 - 3592 тыс., скорее всего приходится на людей, лишенных избирательного права, заключенных и ссыльных.

3. По нашим расчетам, наиболее вероятная величина численности населения СССР на середину 1941 года, равна 196,7 млн. человек. Численность населения СССР на начало 1946 года - 170,5 млн.

Из этого числа до начала войны родилось 159,5 млн. человек (68,8 млн. мужчин и 90,7 млн. женщин). Общее число умерших или оказавшихся за пределами страны за рассматриваемый период из числа родившихся до июля 1941 года составляет, таким образом, 37,2 млн. человек. Однако вся эта численность не может быть, конечно, отнесена к людским потерям, так как и в мирное время за 4,5 года умерла бы некоторая часть живущих. Если бы возрастные коэффициенты смертности населения СССР в 1941-1945 годах оставались такими же, как в предвоенном 1940 году, то число умерших за четыре с половиной года составило бы 11,9 млн. человек. Таким образом, людские потери этих поколений составляют в общей сложности 25,3 млн. человек (37,2 - 11,9).

К 25,3 млн. людских потерь среди родившихся до начала войны следует добавить потери вследствие более высокой, чем перед войной, смертности де-

Таблица 2

Численность избирателей по итогам разработки списков избирателей и по нашей оценке

Годы рождения избирателей	Разработка списков избирателей		Наша оценка		Разность	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Выборы в Верховный Совет СССР, 10 февраля 1946 г.						
1928	348	369	1561	1670	-1212	-1301
1927	1069	2101	1982	2206	-913	-105
1926	765	2037	1817	2147	-1052	-111
1925-1921	2989	8455	6381	8969	-3392	-514
1920-1916	2326	6157	4322	6606	-1996	-449
1915-1911	4253	8119	5108	7942	-855	177
1910-1906	4320	7635	4952	7472	-632	163
1905-1901	3669	6180	4016	6458	-347	-278
1900-1896	2947	5027	3228	5370	-281	-343
1895-1891	2601	3710	2821	3926	-220	-216
1890-1886	2207	3910	2246	3363	-38	547
1885-1881	1767	3081	1649	2798	118	283
1880 и ранее	2776	5194	2529	5133	247	61
Всего	32038	61973	42610	64059	-10573	-2087
Выборы в Верховные Советы союзных республик, 16 февраля 1947 г.						
1929	304	330	264	276	40	53
1928	1945	2210	2068	2215	-123	-6
1927	1089	2080	1975	2200	-886	-121
1926-1922	3844	9157	7183	9593	-3338	-437
1921-1917	3528	6218	4449	6776	-921	-558
1916-1912	4404	7793	4863	7584	-459	209
1911-1907	4570	7595	5066	7690	-495	-95
1906-1902	3965	6500	4205	6590	-240	-90
1901-1897	2950	5029	3301	5655	-351	-625
1896-1892	2655	3921	2889	4109	-235	-189
1891-1887	2209	3823	2320	3446	-111	377
1886-1882	1833	3261	1742	2867	91	394
1881 и ранее	2789	5246	2728	5540	62	-294
Всего	36085	63163	43051	64543	-6967	-1380

тей, которая по нашей оценке составила 1,3 млн. Таким образом, суммарно людские потери по нашим расчетам составили 26,6 млн. человек. В общем объеме людских потерь более 76% или 20,0 млн. человек приходится на мужчин. Наиболее пострадали поколения мужчин, родившихся в 1901-1931 гг.:

из общей величины потерь на их долю приходится более 55%, или 10 млн. преждевременно прерванных жизней.

По расчетам Генерального штаба МО СССР, общие безвозвратные потери (убито, пропало без вести, попало в плен и не вернулось из него, умерло от ран, болезней и в результате несчастных случаев) только Советских Вооруженных сил вместе с пограничными и внутренними войсками составили 8 млн. 668 тыс. 400 военнослужащих[8]. Остальные людские потери приходятся на гражданское население оккупированных и прифронтовых территорий и включают погибших от геноцида, военных действий и других причин, а также не вернувшихся в страну перемещенных лиц и результаты повышения смертности всех категорий населения в тылу из-за ухудшения условий жизни.

Мы склонны думать, что скорее завысили, чем занизили оценку потерь. Слишком трудно очистить перепись 1939 г. от всех "поправок", легко допустить, что кроме централизованных фальсификаций к данным переписи приложили руку специалисты на местах. Столь же трудно оценить сколько умерших в лагерях прошло мимо статистики.

Именно поэтому мы сделали альтернативный вариант расчета, приняв более жесткие гипотезы о точности переписи 1939 г. В этом случае численность населения на середину 1941 г. оказалась бы равной не 196,7 , а 196,1 млн., а людские потери среди родившихся до начала войны - 26,0 млн. человек.

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922-1991. М., 1993.

2. Максудов С. О влиянии новых данных переписей 1937, 1939 годов на расчеты по оценке потерь населения 1926-37 и 1939-1945: Доклад, представленный на конференцию "Population of the USSR in the 1920s and 1930s", Toronto, January 1994.

3. Волков А.Г. из истории переписи населения 1937 года // Вестник статистики. 1990 N 8. С. 45-56.

4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2224, 2639, 3177; Оп. 33с. Д. 1687, 2180, 4461.

5. Сообщение Центральной избирательной Комиссии об итогах выборов в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 г. // Правда, 1946, 14 февр.

6. Сообщение Центральной избирательной Комиссии по выборам в Верховный Совет СССР об итогах выборов 12 марта 1950 года и персональном списке депутатов // Известия. 1950. 15 марта.

7. Сообщение Центральной избирательной Комиссии по выборам в Верховный Совет СССР об итогах выборов 14 марта 1954 года // Известия. 1954. 18 марта.

8. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военнных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 407.

И.Е.Зеленин
(ИРИ РАН)

К вопросу о голоде сельского населения тыловых районов СССР в годы Великой Отечественной войны: историография и источники

В последнее время в работах некоторых историков-аграрников и демографов затрагиваются вопросы, связанные с голодом сельского населения, прежде всего крестьянства ряда тыловых районов страны в годы войны. Это по существу новая тема для российской историографии. И не случайно: только в самые последние годы у исследователей появилась возможность ознакомиться с некоторыми рассекреченными документами местных и центральных архивов по этому вопросу. Одним из первых на эту проблему обратил внимание уральский историк и демограф Г.Е.Корнилов, сначала в общеисторической работе об уральской деревне (1990 г.), а затем в демографической монографии (1993 г.)[1]. В первой из них он отметил, что поскольку в 1943 г. на Урале урожайность зерна упала до 2,5-3 ц с гектара (из-за недорода прежде всего), в регионе "сложилась катастрофическая ситуация с продовольствием", "население уральской деревни провело полуголодную зиму 1943 г. и весну 1944 г.", "резко увеличилась смертность населения деревни", особенно среди детей и стариков. Во второй книге автор, опираясь на демографическую статистику местных и центральных органов (ГА РФ. Ф. 374.; РГАЭ. Ф. 1562), определил динамику смертности городского и сельского населения Урала в целом и всех его регионов, а также причины смерти, в том числе от дистрофии и эпидемических заболеваний[2].

В.Т.Анисков в исследовании, посвященном крестьянству Сибири в годы войны, изданном в 1993 г., впервые для освещения проблем голода привлек документы Сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123). Среди них -письма и донесения с мест о голоде в Сибири, поступившие в НКВД СССР, а затем в форме докладных записок (после первичного обобщения и некоторых комментариев) за подписью главы этого ведомства Л.П.Берия направленные в ЦК ВКП(б) на имя "куратора" сельского хозяйства А.А.Андреева[3].

Обратила на себя внимание газетная публикация историка-аграрника М.А.Вылцана под сенсационным заголовком "Военный голод" накануне Победы. Новые архивные документы из "Особой папки" Сталина"[4]. Речь идет о коллекции документов секретариата НКВД, хранящихся в ГА РФ (Ф. 9401). Это докладные записки Л.Берии Сталину, Молотову, Микояну и Маленкову от 21 апреля 1944 г. и 17 апреля 1945 г. о голоде в некоторых районах страны (Свердловской области, Чувашии, Татарии, Узбекистане, Казахстане, Кабардинской и Бурят-Монгольской АССР). Жертвами голода,

если суммировать приводимые в этой публикации данные, явились 1,3 тыс. человек, а 33,1 тыс. находились на различных стадиях дистрофии. Среди них были жители городов (Свердловская область) и депортированные немцы (Казахстан), но в большинстве случаев крестьяне.

Основная цель этих докладных (как и тех, которые отложились в фонде Сельхозотдела ЦК партии), насколько можно судить по их содержанию, состояла в том, чтобы обратить внимание высшего руководства страны на трагическое положение голодающих, добиться оказания им срочной помощи из центра, поскольку меры, предпринятые местными властями (в частности, ЦК КП(б) Казахстана) оказались недостаточными. И в самом деле, медлить было нельзя: надо было спасать от голодной смерти блее 30 тыс. человек. И такая помощь, порой недостаточная из-за нехватки в стране продовольственных ресурсов, оказывалась. Автор публикации весьма точно определил значение этих документов - они помогают "понять трагизм происшедшего". Данных и выводов обобщающего характера они не содержат.

Совершенно очевидно, что коллекция документов ГА РФ о "военном голоде" крайне неполна. Отсутствуют, например, материалы, характеризующие ситуацию на начальных этапах войны, в 1942-1943 гг., когда сельское хозяйство и крестьянство переживали наибольшие трудности, в том числе и в связи с недородом, охватившим многие регионы страны. В.Т.Анисков и Г.Е.Корнилов четко выделяют именно эти рубежи, когда пишут о голоде крестьян, "катастрофической ситуации" с продовольствием в Сибири и на Урале. "С зимы 1942-1943 гг., - делает вывод Анисков, - география голодных колхозов и целых районов распространилась на всю Сибирь. Наиболее бедственное положение создалось в Читинской области, где средняя урожайность зерна в колхозах в 1942 г. составила 2,9 ц с гектара". Эти выводы автор подкрепляет и материалами докладных записок Берии и Кобулова в ЦК партии. Кобулов, например, в одной из них сообщал, что в Читинской области многие колхозники в 1942 г. "совершенно не имели хлеба". "Наблюдались случаи заболеваний и безбелкового опухания детей колхозников"[5]. На эти записки правительство в той или иной мере реагировало: в 1943 г. были увеличены размеры продовольственной помощи сельским жителям Новосибирской и Читинской областей[6].

Примечательно и другое. Оба названных исследователя приходят к выводу, что с 1944 г. начался постепенный выход сельского хозяйства тыловых районов, в частности Сибири и Урала, из кризиса. Этому несомненно способствовало улучшение стратегической обстановки на фрронте, освобождение от оккупации значительной части территории страны. Учитывая эти обстоятельства, центр пошел на ослабление военно-государственного пресса в тыловых районах, разумную корректировку аграрной политики. В марте, апреле, мае и в августе 1944 г., весной 1945 г., пишет Корнилов, ГКО, правительство СССР, ЦК ВКП(б) принимают ряд постановлений по развитию сельского хозяйства Урала, усилению продовольственной базы промышленных центров его областей и автономных республик. Было разрешено изменить структуру

посевов, снизить обложение налогами части земель, в индустриальных центрах запрещалась мобилизация рабочей силы из колхозов в промышленность, с колхозов была списана задолженность по обязательным поставкам, хозяйствам пригородной зоны разрешалось снижать нормы обязательных поставок зерна и т.п. Автор даже характеризует эти мероприятия как "поворот в аграрной политике, который в кратчайший срок мог дать ощутимый результат. Кризисная ситуация в сельскохозяйственном регионе была преодолена"[7]. Аналогичные постановления принимаются и по другим регионам, в том числе Сибири. По мнению Анискова, центр пошел на эти меры и "под давлением с мест"[8].

Оба автора противопоставляют эти прогрессивные изменения в аграрной политике той жесткой и бескомпромиссной политике хлебозаготовок, которая проводилась на первых этапах войны, резко осуждают жесточайшие репрессии и произвол против колхозов и крестьян. Считают, и не без основания, что такая политика способствовала резкому ухудшению продовольственного положения крестьян[9]. Все это так, но следует все же иметь в виду известную обусловленность этих акций крайне неблагоприятными условиями начального этапа войны. В то же время, изымая из колхозов в период хлебозаготовок практически весь хлеб, произведенный в общественном секторе, власти (в лице партийных органов, сельских и районных советов, работников политотделов МТС и др.) отнюдь не обрекали колхозников на голодную смерть. Исходили из того, что крестьянин должен кормить себя и свою семью продуктами, получаемыми в ЛПХ. Фактически колхозники получили право (вопреки предвоенным постановлениям, в частности майского 1939 г. Пленума ЦК партии) на значительное расширение размеров приусадебного хозяйства. по данным Анискова, во многих районах Сибири, особенно там, где возникала опасность массового голода, проводилась дополнительная нарезка личных участков для крестьянских семей в колхозных полях (от 0,3 до 0,5 га) вследствие чего общие размеры приусадебных земель нередко достигали 1 га[10].

ЛПХ для подавляющего большинства крестьян в годы войны стали не - только основным, но и почти единственным источником их существования, а нередко и выживания. Связь с землей, опора на нее как мать-кормилицу, по-видимому, явилась основной причиной более низкого уровня смертности сельского населения по сравнению с городским. Правда, бытует мнение, что хуже крестьян в годы войны никто не жил и не питался[11], что именно они в тыловых районах стали ее основными жертвами, погибая от голода и болезней. При этом высказывается такой аргумент: жители города, особенно рабочие промышленных предприятий, в отличие от крестьян, получали гарантированные снабжение продуктами питания, а также промышленными товарами по карточкам. Однако твердо гарантировалось только снабжение хлебом, отчасти сахаром (нередко с заменой на сахарин). Перебои и задержки с выдачей горожанам нормированных продуктов носили регулярный характер. Многие из них, в частности, москвичи, вынуждены были менять в пригородных селах полученные на карточки сахар и растительное масло

на картошку, а на городских рынках крестьяне продавали свою продукцию по астрономическим ценам.

Решение проблемы "кто больше пострадал" просматривается на основе данных демографов о динамике смертности городского и сельского населения в годы войны. Вот что сообщают в этой связи сибирские ученые В.В.Алексеев и В.А.Исупов:

Динамика смертности городского и сельского населения Сибири в1941-1945 гг. (число умерших на 1 тыс.чел. населения)*

Годы	городское население	сельское население
1941 г.	24,1	19,7
1942 г.	29,6	21,3
1943 г.	27,2	13,6
1944 г.	17,3	10,6
1945 г.	12,2	7,4

* Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 117.

Примечательно, что в 1943 г. показатели смертности в сибирском селе были в 2 раза ниже, чем в городе, а в 1944 и в 1945 гг. - соответственно в 1,6 и 1,7 раза; тенденция сокращения смертности более четко выражена среди сельского населения этого региона. на Урале в 1941-1943 гг. уровень смертности в городах также был выше, чем в сельской местности, а в 1944-1945 гг. ситуация стала меняться в худшую для села сторону. Корнилов не анализирует причины этого явления. Возможно, это связано с реэвакуацией - возвращением части трудоспособного сельского населения в места их прежнего поживания[12].

Одна из важнейших причин сравнительно небольшого уровня смертности сельских жителей в годы войны с тенденцией ее заметного сокращения состоит в том, что в тыловых районах, в частности, на Урале и в Сибири, удалось сохранить и поддерживать на достаточно высоком уровне систему санитарно-медицинского обслуживания. И в этом несомненно большая заслуга местных и центральных властей, Наркомата здравоохранения. об этом писал еще Ю.В.Арутюнян[13] и полностью подтвердили Г.Е.Корнилов и В.Т.Анисков. "Несмотря на трудные условия жизни и быта, - делает вывод Корнилов, - в деревне не было ни массовых эпидемий, ни повальной детской смертности... в самые тяжелые годы любой житель имел возможность пользоваться медицинскими учреждениями. Это достигалось бесплатностью и расширением сети здравоохранения и частично нейтрализовало неизбежное ухудшение условий жизни сельских жителей в военные годы".

"Каждый из современников колхозной жизни военных лет, - пишет Анисков, - ...непременно расскажет о тяжелом труде, о том, что голодали, недо-

едали, но все отдавали фронту. И никто не сошлется на какие-либо массовые эпидемии, тем более повальный мор - их просто не было"[14].

Опираясь на работы названных авторов, можно сделать некоторые выводы. Поскольку научная разработка данной темы только еще началась, обобщающие, широкомасштабные выводы делать преждевременно. Современная российская историография к этому еще не готова. В то же время работы историков и демографов Урала и Сибири, на мой взгляд, приводят убедительные аргументы, свидетельствующие о том, что применительно к данным регионам можно говорить лишь о локальных проявлениях голода крестьян на протяжении всей войны (что, видимо, неизбежно в условиях такой войны, какой была наша Великая Отечественная), принимавших порой широкие масштабы в отдельных районах. А пик их приходится на 1942-1943 гг., крайне неблагоприятные для сельского хозяйства по погодным условиям. Наиболее надежным источником определения числа голодных смертей являются книги районных ЗАГСов и отчетность сельсоветов. Причем демографы отмечают, что качество работы ЗАГСов в предвоеные и военные годы было "довольно высоким"[15]. Однако освоение этих источников только начинается. Приводимые же на этот счет данные в различных донесениях и сводках, включая и "Особые папки", в целом носят характер отдельных примеров и иллюстраций и не свободны от неточностей и погрешностей, некорректных оценок.

Возникает опасность (я имею в виду прежде всего публицистов) в погоне за сенсациями и "новыми подходами" выдвижения скороспелых заключений и выводов. Например, приравнять по масштабам и последствиям "военный голод" к голоду 1932-1933 гг. М.А.Вылцан в комментариях к документам "Особой папки" Сталина с полным основанием предостерегает от такого рода оценок.

На мой взгляд, крестьянство в годы войны своим самоотверженным, фактически безвозмездным трудом в общественном хозяйстве не допустило широкомасштабного голода в стране, в целом почти бесперебойно обеспечивало снабжение армии и горожан продовольствием, а промышленность - сырьем. И этим внесло неоценимый вклад в нашу Победу. А само выжило только благодаря приусадебному ("личному подсобному") хозяйству.

1. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Свердловск, 1990; его же. Уральское село и война (проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993.

2. Корнилов Г.Е. Уральская деревня... С. 74, 86; его же. Уральское село... С. 64-68, 75-83.

3. Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993. С. 144-147.

4. Сегодня. 1995. 14 марта. С. 9.

5. Анисков В.Т. Указ. соч. С. 145.

6. Там же. С. 147.

7. Корнилов Г.Е. Уральская деревня... С. 87-88.

8. Анисков В.Т. Указ. соч. С. 222.

9. Там же. С. 211-213; Корнилов Г.Е. Уральская деревня... С. 60-61, 67, 201.

10. Анисков В.Т. Указ. соч. С. 115-116.

11. Отчасти эта точка зрения нашла отражение и в книге Корнилова Уральская деревня... (С. 179).

12. Корнилов Г.Е. Уральское село... С. 68.

13. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 359-363.

14. Корнилов Г.Е. Уральская деревня... С. 185-186; Анисков В.Т. Указ. соч. С. 162.

15. См.: Корнилов Г.Е. Уральское село... С. 13.

А.Л.Перковский
(Институт экономики Украины НАН Украины)

Источники по национальному составу населения Украины в 1939-1944 гг.

Следует сказать, что данные учетов национального состава населения Украины военного времени до сих пор практически не учитываются исследователями, занимающимися изучением общеисторической проблематики, этнической демографии, политической географии населения, междисциплинарной проблемы изучения людских потерь в годы Второй мировой войны. Введение в научный оборот данных о национальном составе населения Украины (как и других оккупированных регионов бывшего СССР) позволит получить не только более правильный научный синтез исторического процесса в ретроспективе, но и выявить необходимый материал для научного стратегического прогнозирования на перспективу.

Знание источников по актуальному национальному составу населения в годы Второй мировой войны необходимо и для сбалансированного подхода при разработке такого важного аспекта, как структура этнических потерь населения. Вокруг этого вопроса накопилось немало недоразумений, основанных прежде всего на узости источниковой базы, когда во внимание принимались прежде всего переписи населения довоенного и послевоенного времени, и таким образом часть эпюры этнических потерь населения в военные годы как бы срезалась или деформировалась иным образом.

Следует сказать, что готовясь к захвату Польши и дальнейшему наступлению на СССР, германское правительство, руководство национал-социалистической партии уделяли огромное внимание вопросу о национальном составе подлежащих захвату территорий. Интерес этот был неслучаен и диктовался стратегическими задачами преобразования геополитической ситуации в Восточной Европе в пользу Германии. В связи с этим германская статистическая служба выполнила свою, весьма тенденциозную разработку материалов польской переписи населения 1931 г., которая проводилась и для определения территориального разграничения в результате раздела Польши между Германией и СССР в 1939 г. В этой разработке, изданной для служебного пользования, главное внимание обращено на язык и вероисповедание населения многонационального тогда польского государства[1]. Текст представляет собой справочное издание в табличной форме, изданное типографским способом и весьма трудоемкое по своему исполнению. Можно поэтому утверждать, что упомянутое издание готовилось заранее, задолго до нападения Германии на Польшу. Во всяком случае подготовка разработки могла быть начата не позднее начала 1939 г. и представляет этностатистическое обеспечение проектировавшегося раздела Польши между Германией и СССР. Этностатистическая разработка

немцами данных польской переписи 1931 г. выполнена и на ту часть территории Польского государства, которая отошла к СССР "Область советско-русских интересов"* насчитывала 201,3 тыс. кв. км с населением 11965,4 тыс. чел., среди них (в тыс.) римо-католики - 4023,8 (33,6%), греко-католики - 3028,2 (25,3%), православные - 3508,3 (29,3%), лютеране - 98,9 (0,8%), иудеи - 1210,7 (10,1%), другие - 95,5 (0,8%); по языку (в тыс.) - польский - 4794,5 (40,1%), украинский - 4939,3 (41,3%), белорусский -986,6 (8,2%), немецкий - 83,9 (0,7%), литовский - 78,5 (0,6%), чешский - 31,8 (0,3%), еврейский - 1035,4 (8,6%). Приведенная очередность наименований вероисповеданий и языков дана по: Statistisches Gemeindeverzeichnis...(Berlin, 1939)* Данные статистического характера соответствуют Договору о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. В дальнейшем государственная граница корректировалась в договорном порядке между Германией и СССР, однако на украинском участке она не изменялась. Поэтому материалы немецкой разработки польской переписи 1931 г. могут до известной степени служить ориентиром при оценках изменения национального состава западноукраинских земель в ходе Второй мировой войны.

Сразу же после нападения на СССР, в июле 1941 г. территория четырех областей УССР (Львовской, Дрогобычской, Станиславской и Тернопольской) была объединена в так называемый дистрикт Галичины и включена в состав Генеральной губернии, т.е. этнически польских земель, отошедших к Германии после раздела Польши. Сделано это было с тем, стобы создать этнический противовес из украинцев против польской стихии в Генеральной губернии, а также для того, чтобы взять под жесткий контроль территорию, снискавшую себе известность, как украинский Пьемонт, и тем самым обуздать самостийныцкие аспирации коренного населения.

В этом, собственно говоря, состоял геополитический смысл включения Галичины в состав Генеральной губернии, как интегральной части Германской империи. Для усиления этнического антагонизма между поляками и украинцами вполне инструментально использовались и оценки национального состава населения дистрикта Галичины, проведенные немецкой администрацией в 1941 и 1942 гг., а также перепись населения Генеральной губернии 1943 г.

Наибольший интерес представляет оценка численности населения и его национального состава 1942 г., поскольку методология этой оценки представляет попытку построения этнической пирамиды населения, на самой вершине которой размещен весьма незначительный по своей численности слой немецкого населения, а в самом низу - еврейское население. Как в разработке итогов польской переписи 1931 г., так и в последующих учетах национального состава германские статистики стремились к занижению общей численности лиц польской национальности.

---

* Формулировка источника (Statistisches Gemeindeverzeichnis..., S.15)

Так, в германской разработке польской переписи 1931 г. и в последующих учетах национального состава населения в Галичине исчезла многочисленная группа "латинников", т.е. лиц римско-католического вероисповедания с родным украинским языком. Их к началу 1939 г. по оценке западноукраинского демографа В.Кубийовича, насчитывалось более 0,5 млн. чел.[2]. "Латинники" были исторически сложившейся буферной этнической группой между поляками и украинцами, тяготевшей к полякам. Характеризуя "латинников", тот же Кубийович писал: "Только фермеры принадлежат к этой группе, язык и образ жизни которых был языком и образом жизни украинцев, но религия была идентична вероисповеданию поляков. Их национальное самосознание не выкристаллизовалось в течении длительного времени.

Генезис "латинников" неясен. Они, по всей вероятности, были потомками поляков, которые давно пришли с запада, живя среди украинцев, они украинизировались в отношении языка и образа жизни, но не в отношении их вероисповедания. Некоторые также несомненно произошли от украинских крестьян, ранее принадлежавших к греческой отродоксальной и греко-католической вере, которых во время крепостного права польские помещики заставляли переходить в польскую веру - римский католицизм.

Во время австрийского господства национальное самосознание "латинников" было малоразвито. Но в период польского господства, особенно в 30-е годы (XX ст.) они начали все в большей и большей степени отождествлять себя с той или иной этнической группой, наиболее часто - с поляками, значительно реже - с украинцами"[3].

Цитируемый автор совершает существенную ошибку в отношении генезиса "латинников" поскольку ему остались неизвестными архивные документы и материалы, связанные с борьбой римско-католической и греко-католической церквей за души прихожан в XVIII в., т.е. тогда, когда формировалась упомянутая этническая группа. На самом деле "латинники" в основном формировались за счет выходцев из греко-католического вероисповедения, из числа богатых и зажиточных сельских хозяев-украинцев, которые хотели сравняться по своему социальному статусу с представителями господствовавшей тогда в Галичине польской нации. не случайно поэтому источники греко-католической (униатской) церкви, фиксируя переходы своих прихожан в римо-католическое вероисповедание, называют свое вероисповедание "русским (так! - А.П.) обрядом", "русинским обрядом", а римско-католические - "латинским" или "польским обрядом", а в ряде случаев в униатских документах можно встретить записи *"перешел с русина на поляка"*[4].

Таким образом, термин "латинники" является вовсе не искусственным и малоупотребительным словом, как это представлялось Кубийовичу; сам термин возник в XVIII в., создан в среде греко-католического духовенства и отражал конкретную этнореальность, описывая группу населения, которая вышла из украинского этноса, но еще далеко не ассимилировалась вполне с поляками.

Следует сказать, что и в современной польской этнодемографической литературе отсутствует достаточно четкое, вполне согласное с историческим генезисом и дальнейшими историческими судьбами, представление об этой национальной буферной группе. Так, П.Эберхардт утверждает: "Некоторые украинские демографы искусственно выделяли из римско-католического населения так называемых латинников, полагая их особой группой украинского народа. События 1939-1946 годов показали, что все римо-католическое население, живущее на юго-восточной окраине Второй Речи Посполитой* однозначно высказалось за свою принадлежность к польской национальности, что имело трагические последствия (репрессии со стороны украинских националистических группировок в рамках этнических чисток, а также выселение в Польшу)"[5]

Легко можно убедиться, что первое предложение цитаты содержит неточность качественого порядка, а второе - погрешность количественного характера. Поясним последнее: если бы все "латинники" выселились в Польшу в 1945-1946 гг., то общая численность переселившихся из Украины поляков могла составить не 0,8 млн. чел., как это имело место в действительности, а в максимальном пределе приблизительно 1,5 млн. чел. Латинников, по нашему мнению, следует в основном искать на територии бывшего СССР, в том числе, в западноукраинских областях, а также среди безвозвратных потерь депортированного из западноукраинского региона в 40-х годах XX ст. населения и т.д.

Особое внимание на территории СССР германская государственная статистика уделяла лицам немецкой национальности. Они подразделялись на две категории: 1) рейхсдойче - имперские немцы, куда зачислялись и лица, сохранившие документы о том, что они являлись подданными Германской империи; 2) фольксдойче - лица немецкой национальности или лица немецкого происхождения, являвшиеся подданными Российской империи, а затем гражданами СССР.

Характерно, что при причислении к рейхсдойче или к фольксдойче определяющим критерием была отнюдь не "чистота крови", а приверженность германскому духу, как объяснял один из циркуляров А.Розенберга - главного идеолога Третьей империи. В этом смысле желанным объектом германизации выступали этнически смешанные семьи. Если один из родителей был немец, а другой - не немец и имелись подтверждающие германское гражданство документы по восходящей линии, достаточно было подписать германизационную карту и стать таким образом рейхсдойче. Особое внимание уделялось тем смешанным семьям, где мать была немкой и где следовало поэтому ожидать большего присутствия германского духа у детей (недаром все немецкие переписи населения определяли родной язык, как "материнский язык" - "Muttersprache").

---

* Польская республика (1918-1939 гг.).

А что могло ожидать семью, которая не пожелала германизироваться? Последствия могли быть самыми трагическими. Профессор С.Боровский (1921-1977), председатель Демографического комитета Польской Академии Наук, рассказал мне (1973 г.), что поскольку его отец был поляком, а мать немкой, их семья подлежала германизации. за отказ подписать германизационную карту отец и старший брат профессора Боровского были расстреляны, а сам он, будучи юношей 18 лет, арестован и заключен в концентрационный лагерь Штутгоф, где и пробыл оставшиеся четыре года войны.

Следует сказать, что на данных о численности немцев в германских учетах населения оккупированной УССР весьма заметно сказался трансфер* этнических немцев из западноукраинских областей, осуществленный правительством Германии по согласованию с правительством СССР в рамках акций "Zuruck nach Reich" (назад в империю). К февралю 1940 г. из Львовской, Дрогобычской, Станиславской, Тернопольской, Волынской и Ровенской областей выехало 20113 хозяйств немецких колонистов с населением 86743 чел. (общая численность хозяйств немецких колонистов в указанных областях перед началом трансфера составила 21863 единиц с населением 95929 чел.)[6]. Таким образом, Галичину и Волынь покинуло в целом 92% немецких крестьянских хозяйств и 90% колонистов.

Акция трансфера этнического немецкого населения, в том числе из западноукраинских земель, предполагала оторвать немецких колонистов от освоенных в течении многих десятков лет месторазвитий** в странах Восточной Европы, перегруппировать их в стратегических целях для дальнейшего освоения "жизненного пространства" на Востоке. Созданный таким образом демографический резерв, был лишен собственной экономической базы и поэтому целиком зависел от благорасположения фашистского германского государства, которое направляло трансфер этнических немцев прежде всего на захваченные в 1939 г. польские этнические земли (Генеральная губерния), где создавались военизированные немецкие земледельческие поселения. Однако этого показалось мало. Для закрепления своей сферы влияния в оккупированных регионах СССР, гитлеровское руководство предполагало построить две магистральные автострады стратегического назначения: широтную Краков-Львов-Житомир-Киев и меридианальную Санкт-Петербург-Могилев-Киев-Житомир-Одесса. Вдоль этих стратегических автострад для их безопасности предполагалось разместить цепь военизированных земледельческих поселений немецких колонистов. Этот план получил название "Perlenkette" (план "Жемчужная цепь")[8]. Однако план "Жемчужная цепь" не являлся с точки зрения геополитической

---

* Трансфер населения как дифиниция охватывает следующие элементы: добровольное или принудительное удаление определенной группы людей из постоянного места проживания и организованное переселение ее на территорию другого государства, на основе государственных договоров, с целью создания национально однородных организмов. См., например, сноску [7].

** Месторазвитие - антропогеографическая категория, обозначающая систему взаимодействия региональной географической среды и населения. Ср.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1. С. 33, 59, 62.

теории чисто немецким изобретением. Еще в начале XX в. украинский антропогеограф С.Л.Рудницкий, впоследствии академик Всеукраинской академии наук, высказал мысль о геополитическом значении украинских поселений, расположенных вдоль Великой Сибирской железнодорожной магистрали, для связи украинской матери-родины с украинским земледельческим анклавом на Дальнем Востоке (так называемый Зеленый Клин). по нашему мнению цепь украинских поселений вдоль Великой Сибирской железнодорожной магистрали в значительной мере облегчила победу советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке, разгром Колчака.

Так что немецкий вариант так называемой "Жемчужной цепи" вовсе не был военно-стратегической утопией. Другое дело, что он мог быть реализован только при применении государственного принуждения к самим этническим немцам, противоречил их жизненнным интересам.

Поражение германских вооруженных сил на Восточном фронте и их общее отступление обусловило поголовную эвакуацию немецкого населения из УССР в пределы рейха, организованную СС в 1943-1944 гг. Всего за годы Второй мировой войны фашисткое германское государство вывезло с современной территории Украины по нашей оценке 0,5 млн. немцев (включая в это число и членов национально смешанных семей). Наш расчет основан на следующих материалах: 1) монографии польского исследователя Я.Собчака[9]; 2) сведениях из архивного источника о выезде немецких колонистов в 1939-1940 гг. из Галичины и Западной Волыни в границах УССР, данных о довоенной численности и национальном составе населения Измаильской области УССР, опубликованных В.Кубийовичем[10].

Ранее мы опубликовали заметно меньшую цифру (см. статью В.Кубийовича): более 0,4 млн. чел. Цифра эта была минимальной, поскольку в нее не были включены немцы, покинувшие Измаильскую область (данные источника, использованного Собчаком, касались только Бессарабии в целом), а также мы исключили из подсчета позицию "Волынь", поскольку не было известно, идет ли речь о Западной Волыни или о Волыни в целом, и возникла опасность двойного счета. Таким образом, подсчет дал цифру 426,7 тыс. чел., однако при публикации была допущена опечатка: 447,6 тыс.[11]

Террористическая политика Гитлера обрекала евреев на полное уничтожение. Учеты национального состава населения оккупированых областей УССР, однако показывают неравномернось "окончательного решения еврейского вопроса".

Так имелись существенные отличия в решении "еврейского вопроса" в румынской зоне оккупации Украины и вновь присоединенных к Румынии территориях Черновицкой и Измаильской областей УССР. Здесь ограничились передислокацией евреев в гетто (например, в Черновицкой области), или выселением евреев из Бессарабии в румынскую оккупационную зону на территории УССР - Транснистрию, которая охватывала пространство между Днестром и Южным Бугом. Выселение евреев из Бессарабии охватило

и территорию Измаильской области как составной части Бессарабии. В немецкой же зоне оккупации - рейскомиссариате Украины - евреи уничтожались почти поголовно, хотя нескольким тысячам евреев удалось спастись.

Та весьма малая часть еврейского населения, что уцелела в зоне немецкой оккупации УССР состояла примерно из двух категорий: 1) лиц, которые выкупили свою жизнь и жизнь членов своих семей у гитлеровских палачей; 2) лиц, спасенных и укрытых в семьях нееврейского населения. Следует сказать, что лица еврейского происхождения, но показавшие в советских паспортах и анкетах другую национальность, не уничтожались немцами. Сюда относилась (по возрасту) и категория так называемых выкрестов, которые до победы советской власти на Украине перешли из иудейской религии в православие или другие христианские конфессии. Иногда евреям удавалось скрыть свою национальность и даже работать по специальности. Все сказанное выше, однако, не отменяет того факта, что в целом еврейское население на территории, оккупированной германскими вооруженными силами, было почти полностью уничтожено. Сохранилось не более одного процента евреев (если иметь в виду их довоенную численность). Разумеется, части евреев удалось эвакуироваться, однако на западноукраинских землях, ввиду того, что они были быстро захвачены противником, еврейское население практически полностью оказалось во власти оккупантов.

Германская официальная оценка национального состава населения одного из ключевых регионов Украины отразила не только принципиальные этностатические установки оккупационных властей, но и реальные сдвиги, происшедшие в ходе Второй мировой войны в связи с численностью основных национальностей (см. табл. 1).

Таблица 1

Национальный состав населения дистрикта Галичины на 15 сентября 1942 г. (чел.)*

	Рейхсдойче	Фольксдойче	Украинцы	Поляки	Евреи	Другие	Всего
абс.	14366	29076	3247353	955821	278132	3575	4528323
%	0,3	0,7	71,7	21,1	6,1	0,07	100

* См.: Госархив Львовской области. Ф. Р-35. Оп. 9. Д. 47. Л. 5.

В Генеральной губернии, в том числе и в дистрикте Галичина 1 марта 1943 г. была проведена перепись населения. Отчасти ее результаты по дистрикту Галичины опубликованы, но они касаются только 76% ее населения[12], поэтому не сопоставимы с данными таблицы 1. В публикации выделены следующие нацинальности: украинцы, поляки, а все остальные объединены в категорию "другие", которых насчитывалось всего 68 тыс. чел., или 1,9%. Поскольку в категорию "другие" входили и евреи, то это говорит о том, что "окончательное решение еврейского вопроса" быстро подвигалось "вперед".

В том же 1943 г. была проведена перепись населения рейхскомиссариата Украины. В рейсхкомиссариат Украины входили территории западноукраинских областей Волынской и Ровенской, восточноукраинские области, кроме прифронтовых, а также Брестская область БССР и Крым. Данные о национальном составе населения по этой переписи не публиковались. Вероятно в рейхскомиссариате Украины могли иметь место переписи населения и крупных городов. Так например, в г. Киеве такого рода перепись была проведена по состоянию на 1 апреля 1942 г. и названа "перезаявкой населения" (см. табл. 2).

Таблица 2

Национальный состав населения г. Киева на 1 апреля 1942 г. (чел.)*

Национальности	Абсолютно	в %
Украинцы	281613	80,0
Русские	50262	14,2
Поляки	7884	2,2
Белорусы	5133	1,5
Немцы	2797	0,8
Другие	4450	1,3
Всего	352139	100

* См.: Малюженко Л. Київ за 1942 р.//Наше минуле. N 1. С. 157-158.

Всего было учтено 32 национальности, в том числе две национальности, которые подлежали полному уничтожению, т.е. евреи и цыгане; евреев было всего 20 чел. (так!), а цыган 40. Традиционно малочисленная в Киеве община караимов насчитывала 131 чел. Перепись охватила гражданское население г. Киева, однако из немцев учитывались только фольксдойче. Проводилась эта перепись по распоряжению германских властей статистическим отделом Киевской городской управы (руководитель отдела Л.Малюженко) и ее результаты опубликованы в статистическом сборнике "Київ за 1942 рік" в количестве 10 (так!) экземпляров: половина отпечатана на немецком, а половина - на украинском языке (источник указан в табл. 2). Таким образом, сборник был практически засекречен. Судьба немецких экземпляров невыяснена, сохранился вероятно только один украинский экземпляр, который и был опубликован впервые в открытой печати С.И.Белоконем.

Население украинских земель, входивших в состав Венгрии и Румынии, переписывалось как интегральные части этих государств-союзников гитлеровской Германии в годы Второй мировой войны. Так население будущей Закарпатской области, вошедшей в состав УССР только в 1945 г., учтено общевенгерской переписью 31 января 1941 г., а даннные переписи опубликованы уже после войны[14]. В августе 1941 г. общерумынской переписью учтен и национальный состав населения образованных в 1940 г. Черновицкой и Изма-

ильской областей УССР, вновь присоединенных к Румынии в ходе нападения на СССР 22 июня 1941 г. Однако население этих областей переписывалось, естественно, не в рамках советского административно-территориального деления, а в составе более крупных румынских провинций - Буковины и Бессарабии. Поэтому пересчет данных общерумынской переписи 1941 г. на советское административно-территориальное деление еще ждет своего исследователя. Тем не менее, данные общерумынской переписи населения 1941 г. в целом по Бессарабии, опубликованные В.С.Зеленчуком[15], могут служить некоторым ориентиром в понимании тех существенных сдвигов в национальном составе населения, которые вызвала Вторая мировая война в поясе земель, примыкающих к Поднестровью.

Практически не исследована проблема учетов национального состава населения в румынской зоне оккупации Украины - так называемой Транснистрии, которая охватывала территорию между Днестром и Южным Бугом: Одесскую область и отчасти Винницкую и Николаевскую.

Советские учеты национального состава населения освобожденных областей УССР

Политическое руководство УССР по мере освобождения территории Украины также проявляло интерес к изменениям в национальном составе населения освобожденных территорий. В связи с этим представляет интерес учет национального состава населения г. Харькова (см. табл. 3).

Таблица 3

Национальный состав населения г. Харькова на 1 - 24 сентября 1943 г. (чел.)*

Всего населения обоего пола	из них							
	украинцы	русские	белорусы	поляки	евреи	армяне	немцы	прочие
248752	160038	79379	1314	2202	278	1801	178	3562
% 100	64,3	31,9	0,5	0,9	0,1	0,7	0,07	1,4

* См.: Центр. Гос. Архив Высших Органов Власти и управления Украины (далее - ЦГАВО Украины). Ф. Р-582. Оп. 11. Д. 2. Л. 76.

Национальный состав определялся на основании перерегистрации советских паспортов. Национальность детей до 16 лет определялась по национальности родителя, в паспорт которого они были вписаны. При перерегистрации запрещалось проводить опрос населения. Методика харьковской регистрации характерна и для последующих учетов национального состава населения на освобожденных территориях УССР.

По итогам разработки Харьковской облстат выделил 7 национальностей, очевидно исходя из указания Статуправления УССР (так тогда называлось ЦСУ республики).

В сентябре - октябре 1944 г. в связи с освобождением западноукраинских областей по требованию Совнаркома УССР был проведен учет национального состава населения региона. В связи с этим облисполкомы разослали в районы типовое распоряжение, в котором указывалось, что сведения о национальном составе населения составляются на основе всех имеющихся в распоряжении райисполкомов и РК КП(б)У документов по состоянию на начало месяца (сентября - октября 1944 г.). Категорически запрещалось составлять сведения на основе опроса населения (подчеркнуто нами. *А.П.*). Сведения предписывались высылать в облстаты телеграммой по следующему шифру: первое - украинцы, второе - русские, третье - поляки, четвертое - молдаване, пятое - белорусы, шестое - евреи, седьмое - немцы, восьмое - греки, девятое - болгары, десятое - чехи, одиннадцатое - словаки, двенадцатое - другие, тринадцатое - всего населения. "В телеграмме вместо названия национальности проставляйте шифр"[15].

Данные по ключевой области западноукраинских земель - Львовской - показывают весьма приблизительный и неточный характер проведенного исчислениия (см. табл. 4).

Таблица 4

Национальный состав населения Львовской области на 1 октября 1944 г. (чел., в границах на 1944 г.)*

	Украинцы	Русские	Поляки	Молдаване	Белорусы	Евреи	Немцы	Греки	Болгары	Чехи	Словаки	Прочие	Всего
	615226	11062	215633	9	101	2579	49	1	11	114	5	482	845272
%	72,8	1,3	25,5	0,0	0,01	0,3	0,0	0,0	0,0	0,01	0,0	0,05	100

* См.: ЦГАВО Украины. Ф. Р-582. Оп. 11. Д. 2. Л. 135.

Так проведенная затем в целях трансфера специальная регистрация польского населения выявила во Львовской области 259963 поляков, или на 20,6% более, чем число лиц этой национальности, учтенных на 1 октября 1944 г. в порядке общего учета национального состава населения[16]. Весьма неполно было учтено и украинское население в сельской местности из-за того, что еще только приступали к закладке похозяйственных книг - основы сельсоветского учета сельского населения. УПА (Украинская Повстанческая Армия) активно противодействовала налаживанию учета сельского населения в западноукраинских областях. об этом в частности свидетельствует объяснительная записка райинспектора ЦСУ по Владимирецкому району Ровенской области П.П.Бабченко "О расхождении численности населения, проживающе-

го на территории Владимирецкого района, по данным 1945 и 1946 гг.", датированная 13 августа 1946 г. Цитируем документ с соблюдением орфографии оригинала: "Проверкой похозяйственных книг и выборкой учета населения в 1946 г. установлено, что на территории Владимирецкого района поживает 26033 человека. Эти данные считать основными. Сведения за 1945 г. считать неверными потому, что они не соответствуют данным. Эти сведения подавались по данным довоенного времени, а за период немецкой оккупации на территории Владимирецкого района уничтожено украинско-немецкими националистами 8 сельских советов и к ним прилегавших 9 населенных пунктов польского населения. Это население частично погибло, а часть выехала в Польшу. Также выехало (так !) и часть еврейского населения. Поэтому данные, находящиеся у Вас (имется ввиду руководство Ровенского облстата - А.П.) о численности населения по Владимирецкому району, данные довоенного времени"[17].

А вот другой документ "Из объяснительной записки Луцкого райинспектора ЦСУ Госплана СССР Алфимова при проведении всесоюзной переписи скота и закладки похозяйственных книг на 1.1.45 г." (синтаксис и лексика оригинала: "В сельсовете Лавров, где имеется до 500 дворов, когда секретарь с учителями проводил перепись и закладку похозяйственных книг, его бендеровцы (просторечие - правильно: бандеровцы - А.П.) предупредили, чтобы он оставил это, но несмотря на угрозы секретарь сельсовета с учителями продолжал свою работу. на 3-й день перед вечером приехало 4-е верховых, взяли его из квартиры, вывели на край села и убили и бросили в колодец. Списки заканчивал председатель сельсовета с учителями"[18].

Данные по национальному составу Черновицкой области отражают с одной стороны значительно меньшую остроту межэтнической борьбы, с другой - официальную фальсификацию этнического состава, вследствие того, что всех румын записали молдаванами, и в-третьих, недостаточным учетом сельского населения (см. табл. 5).

Таблица 5

Национальный состав населения Черновицкой области на 1 сентября 1944 г. (чел.)*

	Украинцы	Русские	Поляки	Молдаване	Белорусы	Евреи	Немцы	Греки	Болгары	Чехи	Словаки	Прочие	Всего
	342877	5992	10234	123143	8	36516	203	1	-	67	-	2551	521592
%	65,7	1,15	2,0	23,6	0,0	7,0	0,04	0,0	-	0,0	-	0,5	100

* См.: ЦГАВО Украины. Ф. Р-582. Оп. 11. Д. 2. Л. 130.

Несмотря на недостатки, учет национального состава населения западноукраинских земель 1944 г. -необходимый источник для изучения весьма слабо исследованной проблемы этнодемографических потерь эпохи Второй мировой войны. Применительно к Украине ее пытался решать В.Кубийович (1948 г.), однако в силу закрытости источников не мог сколько-нибудь верно установить военные демографические потери украинцев и вынужден был в основном придерживаться схемы общих потерь населения украинских земель. не смог выйти из этой схемы и последний автор, писавший на эту тему - Т.Гунчак[19].

Основные принципы успешного, на наш взгляд, изучения проблемы этнодемографических потерь населения Украины таковы. Первое. Необходимо на первом этапе решить более узкую задачу - выяснить этнодемографические потери Украины в пределах ее современной территории. Второе. Для этого следует использовать возможно более полно совокупность архивных источников и ввести их в научный оборот. Третье. Проблема научно может быть решена только методом составления этнодемографического баланса, где пробелы информационного характера могут быть до известной степени восполнены демографическим моделированием.

1. Statistisches Gemeindeverzeichnis des bisherigen Polnischen Staates. Mit Berucksichtung der am 28 September 1939 festgelegten Grenze der deutschen und sovjetrussische Reichsinteressen. Berlin, 1939. S. VLIII, 187, karte.

2. Кубійович В. Етнографічні групи Південно-західноі Украіни (Галичини) на 1.1.1939 року. Частина І: Етнографічна карта Південно-західноіУкраіни (Галичини). Видано коштом і заходами Об'єднання бувших Вояків-Украінців у Великій Британіі. Лондон; Мюнхен; Нью-Йорк; Париж,1953. Таблица национального состава населения дана врезкой на карте).

3. Kubijovjc W. Western Ukraine within Poland 1920-1939 (ethnic Relationships) Chicago, 1963. P. 12.

4. Центральный Исторический Архив во Львове. Ф. 201. Оп. 1. Д. 69-76. Списки прихожан деканатов греко-католической церкви, 1763 г.

5. Eberhardt P. Przemisny narodowosciowe na Ukraine XX wieku. Warszawa, 1994. S. 109-110.

6. Российский государственный архив экономики РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 3. Д. 3. лл. не нумерованы.

7. Kersten K. Miedzypanstwowe przesiedlenia Ludnosci w XX wieku // Kwartalnik Historyczny. 1966. N 1. S. 3-32.

8. Kamenetsky I. German Colonization Plans in Ukraine during World Wars I and II // German-Ukrainian Relation in Historical Perspective. Edited by H.J. Torke, I.P.Himka. Edmonton-Toronto, 1994. P. 95-109.

9. Sobczak J. Hitlerowskie przesiedlenia ludnosci niemeckiej w dobie II wojny swiatowej. Posnan, 1966. 372 s.

10. Кубійович В. Національні відносини // Енциклопедія украінознавства. Загальна частина. Перевидання в Украіні. Киів, 1994. С. 170.

11. Перковський А.Л., Пирожков С.І. Демографічні втрати народонаселення Української РСР в 40-х рр. // Український Історичний журнал. 1990. N 2. С. 18.

12. The Supplement of (2): Ethnographic Map of the South-Western Ukraine. Introductory notes. P. 12.

13. Az 1941 ev nepszamlalas. Demografik adatok. Budapest, 1947. 543 p.

14. Зеленчук В.С. Население Молдавии (демографические процессы и этнический состав). Кишинев, 1973. С. 40.

15. ЦГАВО Украины. Ф. Р-582. Оп. 11. Д. 2. Л. 132.

16. Евсеев И.Ф. Сотрудничество Украинской ССР и Польской Народной Республики (1944-1960 гг.) Киев, 1962. С. 128.

17. ЦГАВО Украины. Ф. Р-582. Оп. 11. Д. 91. Л. 337.

18. Там же. Д. 46. Л. 554.

19. Гунчак Т. Втрати українців під час другої світової війни // Сучасність, 1992 N 7. С. 32-37.

Н.В.Щербань
(МГУ)

Англо-американская историография людских потерь Советского Союза в Великой Отечественой войне

В англо-американской литературе, посвященной исследуемой проблеме, как и в нашей, можно условно выделить две основные тенденции:

1) политизированный подход: отражение ложно понимаемого патриотизма, конъюнктурная реакция на меняющуюся политическую ситуацию в мире и странах, наконец - прямое выполнение социально-политического заказа;

2) стремление непредвзято, объективно, научно осветить проблему.

Взаимодействие этих двух подходов за 50 лет претерпело определенную эволюцию. В годы Второй мировой войны антифашистские тенденции, союзнические обязательства питали стремление к объективности. по мере того, как менялось соотношение сил на Восточном фронте в пользу СССР, усиливался в либеральных трудах критический накал против фашизма. В большинстве трудов того времени, вышедших в Англии, Франции, Канаде, главным виновником жертв объявлялся фашизм.

В годы "холодной войны" господствовал политизированный подход. В то время как в советской историографии апологетика сопровождалась занижением количества жертв и умалчиванием негативных явлений в стране, в англо-американской литературе преобладал обвинительный тон в адрес СССР, число жертв завышалось, широко использовались аргументы фашистской пропаганды, в частности, тезисы о "советской угрозе", о "превентивной войне", о "победе числом, а не уменьем", выдвигались тезисы о "равной ответственности" и даже об СССР как главном агрессоре и виновнике жертв[1].

В трудах А.Кларка ("Барбаросса". Лондон, 1966), Дж.Стоксбери ("Краткая история II мировой войны". Нью-Йорк, 1980), Э.Ю.Крепкшоу ("Россия и русские". Лондон, 1947) и многих других лишения и потери советского народа связывались не с фашизмом, а с "марксистским доктринерством, смешанным с беспомощностью и враждебностью революции Западу и также русским климатом"[2]. В книге Г.Солсбери "900 дней. Осада Ленинграда", недавно изданной на русском языке, проводится идея о коммунистической заданности высоких жертв[3]. Это вполне соответствовало настрою в начале войны таких западных плитических деятелей, как Черчилль: "Я вижу кучку злодеев, которые навлекают на человечество...лавину бедствий"[4].

Эта тенденция получила новый импульс сегодня: как заявлял в своей публикации "Великий провал" (Нью-Йорк; Лондон, 1989) Зб.Бжезинский, ссылаясь на Р.Конквеста, "Сталин был большим убийцей, чем Гитлер. Он уничтожил 20, а может быть, 40 млн..."[5].

В то же время, справедливости ради следует отметить, что именно в этот период в западной историографии поднимались темы, запретные в СССР - репрессий, депортаций, репатриаций, коллаборационизма и т.д.[6] Безусловно, положительным уже в этот период был выход на международные аспекты: сравнение жертв в связи с балтийскими и польской проблемами периода Второй мировой войны; сравнение потерь на различных фронтах; разработка критериев прямых и косвенных потерь и т.д.

После распада СССР происходит поляризация обеих тенденций. С одной стороны, под влиянием разоблачительного синдрома в России, на Западе активизируются идеи "холодной войны", переводятся на русский язык и рекламируются политизированные труды тех лет. С другой, благодаря расширению гласности все больше используется иной подход.

Политизация оценок как за рубежом, так и в России привела к существенным расхождениям в цифрах потерь. Так в англо-американской литературе общие потери в СССР колеблются между 20 и 27 млн. и эта "неряшливость" отмечалась на международных конференциях[7]. Существенны различия оценок в советской и англо-американской литературе потерь среди отдельных народов: украинцы потеряли по нашим данным 1,3 млн., О.Субтильного - 5,3; прибалты - менее 1% населения по данным Росстатистики, Р.Мисюнаса - 20%; потери евреев наша статистика оценивает 1,6% населения (сомнительная цифра), Б.Пинкус, Р.Левин - 15%[8]. Некоторые цифры не стыкуются, например 3 млн. погибших евреев и данные статистики о их численности в СССР накануне войны - более 2-х млн.[9]

Сегодня на разоблачительной волне всплыла тема коллаборационизма. Так К.Андреева в монографии "Генерал Власов"[10] представляет его борцом против сталинизма, но умалчивает о действиях на стороне Гитлера, а это - главное.

В связи с этим сегодня особенно важно уметь отделять пшеницу от плевел, плитическую историю от полицейской, изучать объективные научные труды, восстанавливая правду о жертвах войны.

Подход, который одни называют цивилизационным, другие -научным, проявился в следующих аспектах:

1. Опора на широкую палитру источников - документов Международного Красного Креста, других общественных организаций, Нюрнбергского процесса, опубликованные на английском, французском, русском и немецком языках[11]. Это документы Конгресса США[12], переписка руководителей 3-х держав, документы и материалы Советского посольства в Англии[13], публикации военных мемуаров и дневников, в том числе гитлеровских[14], статистика и мн. др.

2. Вместо политизированной оценки войны только как столкновения государств и их армий (с позиций того или иного государства) - подход к войне как ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ БЕДСТВИЮ, влиявшему на все общество и каждого человека; вместо бесстрастного подсчета десятков миллионов убитых и манипулирования цифрами - понимание, что каждая человеческая жизнь священна и каждый убитый - это "колокол, который звонит по тебе"

(в этом виден вызов современному легкому подходу к человеческим жертвам). В связи с этим показательны международные конференции и симпозиумы, например, "Влияние II мировой войны на Советский Союз" (Нью-Джерси, 1983, изд. - 1985), "Вторая мировая война и советский народ" (Харрогейт, 1990, изд. Нью-Йорк, 1993), "Начальный период войны на Восточном фронте" (Лондон, 1993)[15], в которых изучаются всесторонне не только физические, но и психологические потери, что также крайне важно для современности.

3. В анализе причин и уроков потерь - более глубокое и всестороннее раскрытие всех факторов (социально-экономических, политических, духовных, международных, конкретно-исторических), взвешенный подход к победам и поражениям. Критикуя, например, на протяжении ряда лет односторонность некоторых советских и зарубежных оценок репрессий (в том числе и в годы войны), А.Ноув отмечал, что при подсчете жертв зачастую проявляется непрофессионализм: не учитывается весь комплекс факторов, особенности периодов (например 1942 и 1945/46), не различаются политические и уголовные репрессии, не учитывается повторяемость процессов и т.д.[16]

Объективный подход к оценкам потерь появился в английской и американской литературе раньше, чем у нас. Проф. Габриэль Городецкий справедливо объясняет это тем, что западная наука не имела многих наших ограничителей (моноидея, недоступность мировых архивов и др.). Так, ни один из российских специалистов по Второй мировой войне не был допущен в Германские архивы[17]. Кстати, процесс открытия архивных документов носит сегодня мировой характер: так, в России опубликован в 1992 г. материал "Гриф секретности снят", в Англии в 1993 году - "Указатель материалов Государственного архива Великобритании "Вторая мировая война"[18] и т.д.

Объективный подход проявился уже в начале войны. Так, Ф.Рузвельт в 1942 г. отмечал героическую, действенную (а не жертвенную) роль советского народа: "русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем остальные 25 государств Объединенных наций, вместе взятые"[19]. Это же признавал и У.Черчилль: "Именно русская армия выбила дух из немецкой армии...в мире не существовало другой силы, которая смогла бы это сделать"[20]. Большую роль в уяснении правды сыграли публикации Международного Красного Креста, разоблачавшие зверства фашизма, которые были использованы Нюрнбергским трибуналом. В выступлениях на трибунале главных обвинителей от США (Роберта Джексона) и Англии (Хартли Шоукросса) прозвучало разоблачение квазиаргументации Вермахта о причинах уничтожения советских военнопленных ("неподписание Советским Союзом Женевской конвенции"). Говорилось: этого документа недостаточно, тем более "План Барбаросса" аннулировал подход к российским военнопленным с позиций Гаагской конференции 1907 г. и Женевской 1919 г. В действительности с XVIII века в мировой практике действуют законы и военная традиция, квалифицирующие убийство беспомощных людей как грубое нарушение военной этики, "нерыцарское ведение войны"

(приводились в подтверждение меморандум Канариса 15.09.1941 г., высказывания Кейтеля и др.). К тому же, отмечалось, не случайно судьбы военнопленных были переданы в руки СД[21]. Думается, неправомерно забвение материалов Нюрнбергского процесса -этого важнейшего источника международного права. В нем приводились многочисленнные высказывания Гитлера, Бормана, Розенберга и других ведущих нацистов о глобальном истреблении фашистами славян и захвате их территории. К сожалению, сегодня в нашей публицистике подчас можно встретить некритическое изложение фашистской аргументации.

К наиболее полным, аргументированным, достоверным и всесторонним исследованиям проблемы следует отнести труд Александра Даллина "Германское правление в России, 1941-1945 гг. Исследование оккупационной политики" (Лондон и др., 1957), неоднократно преиздававшийся[22]. В нем на огромном статистическом материале исследуются потери в целом, по периодам, по видам и регионам. Выявлены основные направления колонизаторской политики Гитлера, которые вели к геноциду гражданского населения. Тогда же группа историков-ученых дала материал для опровержения ходячих профашистских версий. Так, версию "Сталин страшнее Гитлера" опровергал И.Каменецкий в труде "Гитлеровская оккупация Украины, 1941-1944" (Мильвоке, 1956): он проводил четкую грань между фашистской политикой геноцида и сталинскими репрессиями, цитируя высказывание Гиммлера о намерении "создать на Востоке тевтонскую империю", в связи с чем "сделать Россию в военном и биологическом отношении импотентной, дабы предотвратить какие-либо попытки вернуть территорию..."[23]. Автор указывает, что политика уничтожения населения России велась по трем направлениям: 1) биологическое истребление; 2) рассеивание коренного населения как рабской силы по всей Германии; 3) широкое переселение коренного населения на Восток[24]. Автор приводит слова Риббентропа в апреле 1943 г.: "Во всяком случае, русская проблема может быть решена только военным путем, но не политическим. мы уже уничтожили 14 млн. русских. Однажды население России так уменьшится, что больше не будет представлять опасности"[25].

В трудах Дж. Эриксона ("Путь на Сталинград". Т. 1-2. Лондон, 1975), Мартина Кейдина ("Тигры горят". Нью-Йорк, 1974), Эрнста Мандела ("Значение II мировой войны". Лондон, 1986), Н.Верта ("История Советского государства". 1917-1991. М., 1992)[26] и других показано, как техническое отставание СССР в 1941 г. сменилось паритетом под Сталинградом и превосходством в Курской битве. А главное - все они наглядно подтверждают: НЕЛЬЗЯ В СОВРЕМЕННОЙ, ОСНАЩЕННОЙ ТЕХНИКОЙ ВОЙНЕ ПОБЕДИТЬ ТОЛЬКО ЛЮДСКОЙ СИЛОЙ. Можно временно задержать врага, как это было в первый период войны, но не выиграть войну. Характерен, в связи с этим, вывод Алека Ноува, которого никто не сочтет за коммуниста: система, несмотря на тяжелые потери, выдержала испытания войной[27].

Тем не менее, серьезный, профессмиональный анализ людских потерь в Великой Отечественной войне только разворачивается по мере открытия архивных материалов. В связи с этим, суммируя выше сказанное, справедливо сделать вывод: в англо-американской научной литературе довольно полно освещен комплекс причин, вызвавших повышенное число людских жертв СССР в Великой Отечественной войне:

I. То, что связано с действиями фашисткой Германии: особо агрессивные, человеконенавистнические цели фашизма, направленные на истребление славянского и особенно русского населения; высокий убойный уровень немецкой военной техники уже в начале войны и особенно - фашистская "индустрия уничтожения" людей в концлагерях, которую, равно как и изуверские методы, пришлось прежде всего испытать на себе советским людям;

II. То, что связано с особенностями расстановки сил на мировой арене: германо-советский фронт был основным в борьбе с фашизмом; длительно отсутствовал второй фронт и т.д. (об этом пишут немногие).

III. То, что обусловлено особенностями политического режима в СССР:

в экономике - нецивилизованное использование труда узников ГУЛАГа;

в социально-политической сфере - репрессии: знаменитый приказ N 227, насильсттвенные депортации народов, потери при репатриации и т.д. (при либерализации режима в годы войны);

в организационной сфере - стихийные миграции (беженцы из оккупированнных земель в первый период войны, потери при эвакуации и т.д.);

в военной политике - грубые просчеты в стратегии и тактике, во многом связанные с истреблением квалифицированных военных кадров перед войной, с политическим волюнтаризмом и т.д.

За все это и многое другое люди платили дополнительными жертвами.

Таким образом, как можно убедиться, правду ищут честные ученые всего мира и, думается, важно объединять их усилия.

1. Clark A. Barbarossa. L.; 1966; Stokesbury G. A short History of World War II. N.Y., 1980; Baldwin H. Battles, Lost snd Won. Great Campaigns of World War II. N.Y., 1966 a.o.

2. Crankshaw E. Russia and Russians. L., 1947. P. 173.

3. Salisbury H.E. The 900 Days. The Siege of Leningrad. N.Y., a.o., 1969. P. 268, 337, 512 a.o.

4. Вторая мировая война в воспоминаниях У.Черчилля, Ш.де Голля и др. М., 1990. С. 110.

5. Brzezinski Zb. The Great Failure. N.Y., 1989, P. 7, 24, 27.

6. Conguest R. The National Killers. L., 1970. P. 67; Subtelny O. Ukraine. A History. Toronto a.o., 1988; Tolstoy N. Victims of Jalta. L. a.o., 1977; Elliot M.R. Pawus of Jalta. Urbana, London, 1982; Misiunas R.J., Rein T. The Baltic States: Jears of Dependence, 1940-1990 (2-d ed.) Berkeley; Los Angeles, 1993 (I-d ed. 1982); Pinkus B. The Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority. N.Y. a.o., 1988.

7. Gazzard J. and Carol (eds.). World War II and the Soviet People Selected Papers from Fourth World Congress for Soviet and East European Studies. N.Y., 1993. P. 35, 127.

8. Гриф секретности снят. М., 1992. С. 19; Subtelny O. Op.cit. P. 479; Misiunas R.J. Op.cit. P. 72; Pinkus B. Op.cit. P. 261; Lewin R. Hitler's mistakes. L., 1984. P. 43.

9. Schwarz S.M. The Jews in the Soviet Union. Siracuse, 1951. P. 220.

10. Андреева К. Генерал Власов. М., 1993.

11. Report of International Committee of the Red Cross on its Activities during the Second World War. Geneva, 1948; Trials of War Criminal before the Nuremberg Military Tribunals under Counsil Law. Wash., 1949; United Nations Archives Section. Guide to Records of War Crimes Trials Held in Nuremberg // U.N.Archives Reference. Guide N 7 (ref. N 1) - Lane Succes 7 Oktober 1949; Latvia under German Occupation, 1941-1943. Wash., 1943 a.o.

12. War Department. The World of War 1939-1944. Wash., 1945; Genozide: Report of U.S. Representative BCOSOC Committee // Department of State Bulletin. 1948. 18. Yune 6. P. 723-727.

13. Roosvelt and Churchill. Their secret Wartime Correspondence. L. a.o., 1975.

14. Очень много изданий дневников Геббельса, Иодля фон Паппена, Розенберга; мемуары невозвращенцев: Bahrianyi I. Chomu ja ne khochu vertuty na "Rodinu". L., 1946; Komorowski B. Tagensz. The Secret Army. N.Y., 1951; Petrov Vl. My Retreat from Russia. N.Haven, 1950 a.o.

15. Linz Sysan I. (ed.). The Impact of World War II on the Soviet Union. Univ. of California. N.Jersy, 1985; Cazzard J. a.o. Op.cit.; The Initial period of War on the Eastern front, 22 Iune-August 1941. L., 1993 a.o.

16. Nove Alec. An Economic History of the USSR. 22d ed. L., 1986. P. 286; Idem. How many victims in the 1930's // Soviet Studies. 1990. V. 42. N 2. P. 369-373; Idem. Victims of Terror. Is the Evidence Complete? Europe-Asia Studies. 1994. N 3. P. 535-539.

17. Книжное обозрение. 1955. 21 февраля.

18. Contwell J.D. The Second World War. A guide to documents in the Public Record Office. L., 1993.

19. N.-Y. Times. 1955. Oktober 20. P. 10.

20. Mandel W. A Guide to Soviet Union. 1946. P. 136, 137.

21. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. М., 1961. Т. 7. С. 125.

22. Dallin A. German Rule in Russia, 1941-1945: A Study of Occupation Police. L. a.o., 1957. P. 305-306, 310-317.

23. Kamenetsky Jhor. Hitler's occupation of Ukraine (1941-1944): Study in Totalitarian Imperialism. Milwaokee, 1956. P. 63.

24. Ibidem. P. 38.

25. Trials of war Criminals. 35. P. 444-445.

26. Erickson J. The Road to Stalingrad. L., 1975. P. 149, 563; Caidin M. The Tigers are Burning. N.Y., 1974. P. 149; Mandel E. The Meaning of the Second World War. L., 1986. P. 126, 134; Верт Н. История советского государства, 1917-1991. М., 1992. С. 278.

27. Nove Alec. An Economic History of the USSR. L., 1986, P. 288.

М.В.Ларин, В.Д.Банасюкевич
(ВНИИДАД)

Информационный потенциал автоматизированного банка данных о безвозвратных потерях в годы Великой Отечественной войны.

В соответствии с программой подготовки и издания книг Памяти в сентябре 1990 г. во Всероссийском НИИ документоведения и архивного дела на средства Советского фонда Мира был образован компьютерный центр для издания Центрального автоматизированного банка данных (ЦБД) по безвозвратным потерям Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны.

В настоящее время создание ЦБД находится на завершающей стадии и поэтому важно сейчас оценить и осмыслить результаты этой большой работы. Учитывая уникальность полученных данных, нужно проанализировать полноту и достоверность Банка как необходимое условие корректности использования его информации, для чего охарактеризовать первичные источники и содержание сведений, методы формирования Банка.

После этого уже можно рассматривать вопросы вовлечения Банка данных как синтетического источника в исторические исследования и оценивать его информационный потенциал с точки зрения содержания, а также программные средства как инструментарий выявления и реализации содержательного потенциала.

На сегодняшний день в ЦБД введено около 19 млн. персональных записей о погибших, пропавших без вести, умерших в плену и от ран военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны.

Формирование Банка данных еще не закончено; по нашим примерным оценкам, исходя из объема оставшихся необработанных документов, в ЦБД необходимо ввести еще около 500 тыс. записей и тогда общее их число достигнет 19,5 млн.

Исходная информация вводилась в ЦБД из архивных документов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО) г. Подольск, Центрального архива Военно-Морского флота (г. Гатчина), Военно-медицинского архива в Петербурге; кроме того, были получены данные из других архивов.

Документы представляют собой донесения и списки погибших, пропавших без вести и попавших в плен из действующих войсковых частей, журналы регистрации смертей от ран в госпиталях, картотеки умерших военнопленных в фашистских лагерях, копии извещений о гибели и другие виды документов, в которых фиксировались сведения о безвозвратных потерях.

Введенные в информационный массив записи сортировались по месту призыва военнослужащих или по месту их рождения и распечатки этих сведений рассылались в областные военкоматы, где они сверялись с данными, которые имеются в военкоматах и собранными группами по подготовке местных Книг Памяти, дополнялись и уточнялись, а затем возвращались в компьютерный центр ВНИИДАД, который корректировал информацию, вносил изменения в этом информационном массиве.

При вводе информации в ЦБД из архивных документов была предусмотрена определенная система контроля качества ввода. Осуществлялся логический контроль программными средствами; работа оператора проверялась бригадирами, практиковалось дублирование ввода информации.

Для обеспечения правильности заполнения оператором экранного формата карточки были разработаны ретроспективные справочники административных и областных центров, республик, воинских званий, а также адресов рассылки по современному административно-территориальному делению.

В настоящее время проводится корректировка ЦБД на дублирование информации, идет работа по выверке данных и уточнению некоторых полей формы записи. на полноту и точность записей влияет и то, что небольшая часть документов повреждена. Имеются документы с выцветшим текстом, крайне неразборчивыми записями, затертыми буквами, надорванные документы.

В институте создана группа экспертов, которая занимается сложными с этой точки зрения текстами, проводит уточнение фамилий по косвенным источникам и актирует результаты экспертизы в том числе и отмечая документы, восстановить которые не представляется возможным.

Все вышесказанное позволяет судить о составе источников и объективности вводимой информации, о методах формирования информационного массива записей, направленных на максимально возможное обеспечение полноты и достоверности Банка данных.

Безусловно, нет гарантии того, что выявлены абсолютно все архивные документы, содержащие сведения, профильные БД, требуется еще некоторая чистка Банка от ошибочных и дублирующих записей. Однако, по нашему убеждению, эта корректировка не внесет существенных изменений в выявленное количество безвозвратных потерь.

Банк данных создавался и уточняется сейчас не для того, чтобы установить общую цифру потерь в годы войны. Он создавался для того, чтобы поименно установить и увековечить память погибших. Общая цифра потерь в этом смысле - косвенный результат. Но мы хотели бы подчеркнуть, что этот результат - наиболее приближен к истине; он может совпадать или не совпадать с логическими построениями, умозаключениями и экстраполяциями тех, кто занимается этой темой. мы с глубоким уважением относимся к этим исследованиям, но считаем, что более точных данных нельзя получить сейчас никаким иным путем.

В вводимых в БД записях содержатся сведения о фамилии, имени и отчестве военнослужащего, дате и месте рождения, дате и месте призыва в армию, воинском звании и должности, дате, месте и причине смерти, месте захоронения, архивные шифры первоисточников. Эта сконцентрированная в Банке данных информация при проведении научно-исследовательской работы источниковедческого характера, разработке правил статистической обработки информации, разработке соответствующих программных средств, часть из которых уже сделана, становится чрезвычайно ценной для изучения истории Великой Отечественной войны. В результате комбинаций показателей (реквизитов) записи можно получить следующие данные:

- география и хронология потерь на всех территориях боевых действий и на каждый день войны или определенный временной период;
- количество потерь по родам войск, фронтам, воинским частям и соединениям;
- количество погибших по воинским званиям и занимаемым должностям;
- причины безвозвратных потерь (количество убитых на поле боя, пропавших без вести, погибших в плену, умерших от ран в госпиталях);
- количество уроженцев той или иной местности, погибших на войне;
- списки воинских формирований и частей, активно участвовавших в боях на определенной местности и в определенный период;
- возрастной состав погибших.

Этот перечень максимально обобщен и может быть дополнен и детализирован в ходе выполнения конкретных работ.

Кроме того, по информационному массиву БД можно выявить такие важные для исторической науки сведения, как материалы по истории административно-территориального деления и изменению географических наименований, историко-демографические данные и т.д.

Нам представляется, что существование Банка данных с такими возможностями может и наверное должно стимулировать разработку и принятие программы создания историко-статистического труда или сборника, где можно было бы рассмотреть историографию потерь и жертв войны (а она достаточно обширна), подвергнуть критическому анализу методы получения данных, провести анализ ЦБД как своеобразного источника информации и источниковедческий анализ архивной документации, послужившей основой БД, а также (и это центральная задача программы) - дать статистические данные, обосновав их корректность.

Это довольно трудоемкая работа, но она может внести заметный вклад в историографию Второй мировой войны и возможно, скорректирует многие принятые версии и разрешит некоторые споры о ходе и характере военных действий, основываясь на новой, достаточно объективной и полной источниковой базе.

РАЗДЕЛ II
ПОТЕРИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

Г.Ф.Кривошеев
(МО РФ)

Об итогах статистических исследований потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне.

По своим масштабам и стратегическому значению четырехлетняя битва на советско-германском фронте стала главной составной частью Второй мировой войны, так как основная тяжесть борьбы с немецко-фашистской агрессией выпала на долю нашей страны. В исторических сражениях под Москвой и Ленинградом, под Сталинградом и на Курской дуге, на Днепре и в Белоруссии, в Прибалтике и Восточной Пруссии, в странах Юго-Восточной, Центральной и Северной Европы Советские Вооруженные силы нанесли врагу решающие поражения.

Отечественная война была ВЕЛИКОЙ как по своему размаху, так и по привлекаемым силам и средствам. Достаточно сказать, что протяженность линии фронта в отдельные периоды достигала от 2-х до 6-ти тыс. километров. Германия и ее союзники против Советского Союза выставляли от 190 до 266 дивизий. на различных этапах войны в действующей армии с обеих сторон участвовало от 8 до 13 млн. чел., от 84 до 163 тыс. орудий и минометов, от 6 до 20 тыс. танков и САУ, от 6,5 до 19 тыс. самолетов. из 1418 суток войны 1320 суток приходилось на наступательные действия той или иной стороны.

Из всех 767 дивизий и 131 бригады, имевшихся в Германии, за годы войны на советско-германском фронте было использовано 560 дивизий и 85 бригад, или 72% всех ее соединений.

Помимо немецких войск на советско-германском фронте в годы войны действовало 141 дивизия и 60 бригад Финляндии, Венгрии, Румынии, Италии, Словакии и Испании.

На советско-германском фронте фашистская Германия понесла наибольшие потери в дивизиях и бригадах. Они составили 508 расчетных дивизий, в то время как на Западном и Южном театрах военных действий эти потери составили 179 дивизий. Перед советскими войсками капитулировали 87 дивизий и 8 бригад, перед войсками союзников по антигитлеровской коалиции - США, Англии и Франции - 49 дивизий и 9 бригад. Фактически на советско-германском фронте были разгромлены, уничтожены, пленены, принуждены к капитуляции почти три четверти (около 72%) вооруженных сил Германии, более 60% (166 из 275,5) соединений, армий ее союзников.

К началу нападения фашистской Германии на СССР в Советских Вооруженных Силах имелось 303 дивизии и 22 бригады (из них 198 - стрелковых, 13 - кавалерийских, 31 - моторизованная, 61 - танковая. Танковые и механизированные дивизи входили в состав 29 механизированных корпусов).

В годы Великой Отечественной войны было сформировано 661 дивизия (490 - стрелковых (СД), 37 - народного ополчения, 13 - НКВД, 18 - воздушно-десантных (ВДД), 91 - кавалерийских (КД), 1 - моторизованная (МД), 11 - танковых (ТД) и 666 бригад (313 - стрелковых (СБР), 22 - воздушно-десантных (ВДБР), 48 - мотострелковых (МСБР), 32 -моторизованных (МБР), 251 - танковых (ТБР).

В годы войны Советские Вооруженные Силы потеряли разгромленными и уничтоженными 297 дивизий (215 - СД, 45 -КД, 12 - МД, 25 - ТД) и 85 бригад (51 - СБР, 2 - ВДБР, 6 -МСБР, 2 - МБР, 24 - ТБР).

Эта война втянула в свою орбиту многомиллионные армии. Только Советский Союз и Германия привлекли в свои вооруженные силы около 56 млн. чел. А все воевавшие страны вместе с кадровым личным составом, мобилизованными и призванными резервистами - около 120 млн. чел.

Исходя из размаха стратегических операций и войны в целом, привлеченных сил и средств, высокой технической оснащенности войск воюющих сторон, большой огневой мощи и разрушительной силы оружия, а также ожесточенности боевых действий потери с обеих сторон были велики.

До недавнего времени как у нас в России так и в других странах статистические данные о потерях были закрыты, поэтому некоторые историки и публицисты стремились самостоятельно определить масштабы военых утрат. При этом в основу брались отрывочные данные, не подкрепленные документами.

В средствах массовой информации, в том числе российских, наряду с правдивой оценкой, опирающейся на достоверные источники, многими печатными органами, радио и телевидением пускаются в оборот сомнительные материалы, в которых дается искаженная характеристика потерь Красной Армии в ходе войны и неправильно оценивается соотношение с потерями Германии. Приводимые в некоторых средствах массовой информации сенсационные цифры о числе безвозвратных потерь Красной Армии намного превышают не только общее количество служивших в армии и на флоте за все годы войны, но и численность всего населения СССР, занятого трудовой деятельностью к началу войны.

Принимая во внимание негативные последствия подобных фальсификаций при оценке итогов Великой Отечественной войны, министерством обороны СССР материалы о потерях были рассекречены, а результаты исследования по ним были опубликованы в книге "Гриф секретности снят", которая вышла в Военном издательстве в 1993 году.

Мой доклад был бы неполный, если бы я не сказал о методе нашей работы. Прежде всего в работе были использованы уже установленные классификации видов потерь. К "безвозвратным" потерям отнесены: убитые, умершие

от различных причин, пропавшие без вести и попавшие в плен. К “санитарным” потерям отнесены все раненые, больные, обожженные, обмороженные, контуженные и др., т.е. все случаи госпитализации.

К “демографическим” потерям отнесены все случаи смерти независимо от их причин, а также без вести пропавшие и попавшие в плен, а после войны не вернувшиеся на Родину.

Число потерь личного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота определено путем анализа и обобщения статистических материалов Генерального штаба, донесений фронтов, флотов, армий, соединений, военных округов и отчетов военно-медицинских учреждений. Исследовались и другие документы, имеющиеся в архивах Министерства обороны, центральных государственных архивах. Полученные цифры сверены с учетными данными о списочной численности Вооруженных Сил и балансом использования людских ресурсов, призванных (мобилизованных) в период Великой Отечественной войны. Потери войск действующих фронтов и армий, в тех случаях когда донесения от них не поступали, определены по донесениям ранним.

Помимо этого нам нужно было собрать материал для ответа на следующие вопросы:

- Число кадрового личного состава Красной Армии на 22.06.1941 г.
- Общее число привлеченного личного состава (мобилизованного, призванного, народного ополчения и добровольцев) за весь период войны.
- Количество личного состава, оставшегося после войны в строю и в госпиталях.
- Численность действующей армии на различных этапах войны.
- Число убитых в ходе боевых действий и умерших на этапах санитарной эвакуации.
- Число умерших от ран и контузий в лечебных учреждениях.
- Количество пропавших без вести.
- Количество попавших в плен.
- Число небоевых потерь.
- Общее число раненых.
- Количество уволенных по ранению и болезни.
- Количество заболевших.
- Общее количество вернувшихся в строй после ранения и болезни.
- Количество дезертиров.

А также количество дважды призванных во внутренних округах и на освобожденной территории и отчисленных по неблагонадежности, количество осужденных, отправленных в лагеря НКВД и количество приговоренных к высшей мере.

А теперь давайте рассмотрим основные цифры потерь Красной Армии и Военно-Морского флота за период с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года.

Я прошу обратить внимание на следующее.

На начало войны, т.е. на 22 июня 1941 года в Армии и на Флоте (без пограничных и внутренних войск) - состояло по списку 4826900 чел. В том числе в Западных округах (Ленинградском, Особом Прибалтийском, Особом Западном, Особом Киевском и Одесском) и Флотах (Северном, Балтийском, Черноморском) -2900000 чел.

Кроме того находилось:

- на учебных сборах военнообязанных - 767800 чел.;

- в формированиях других ведомств - 74900 чел.

Штатная численность была более 5 млн. чел. (5217902 чел.)

В ходе войны (за весь ее период) было мобилизовано (призвано) - 31812200 чел., в том числе повторно призвано -2237300 чел., за вычетом повторно призванных - 29574900 чел.

Таким образом всего привлечено в Армию, на Флот и формирования других ведомств за годы войны вместе с кадровым составом (и женщинами) - 34476700 чел., из них женщин - 490000 чел. и офицеров женщин - 80000 чел.

На укомплектование Вооруженных Сил и других формирований в годы войны была изъята многомиллионная масса самых жизнедеятельных и трудоспособных людей, равных по численности всему населению Дании, Нидерландов, Норвегии, Швеции и Финляндии вместе взятых.

Чтобы яснее представить, насколько эта цифра огромна, достаточно сказать, что численность всего населения была на июнь 1941 г. в СССР 196,7 млн. чел. , из них трудовой деятельностью занималось 63 млн. чел. (33,9 млн. рабочих и служащих, 29 млн. колхозников). Одевали шинели 55% всех занятых в сфере материального производства и в непроизводственных отраслях народного хозяйства, при этом 2237300 чел. одевали шинели дважды.

В Российской Федерации почти каждый четвертый одевал шинель в годы войны (25 млн. из 110,1 млн. чел.).

Итак, если бы не было убыли в ходе войны, то численность личного состава Вооруженных Сил СССР к 9 мая 1945 года была бы 34476700 человек.

Но к сожалению война есть война.

По состоянию на конец мая - начало июня 1945 года, когда установилась определенная стабильность в дислокации войск, осталось из этого числа только 12839800 чел.

Из них:

а) состояло по списку в Армии и Флоте - 11390600 чел.

б) находилось в госпиталях на излечении - 1046000 чел.

в) находилось в других формированиях - 403200 чел.

Следовательно, убыль за годы войны составила - 21636900 чел.

А теперь рассмотрим, что представляла собой эта убыль:

- уволено по ранению и болезни - 3798200 чел.;

Таблица 1

Безвозвратные потери Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны (в тыс. чел.)

	Виды потерь	Всего (в тыс. чел.)
1	а) Убито и умерло от ран на этапах санитарной эвакуации (по донесениям войск)3	5226,8
	б) Умерло от ран в госпиталях (по данным военно-медицинских учреждений)	1102,8
	Итого:	6329,6
2	Небоевые потери: умерло от болезни, погибло в результате происшествий и несчастных случаев, осуждено к расстрелу	555,5
3	Пропало без вести, попало в плен (по донесениям войск и данным органов репатриации)	3396,4
4	Неучтенные потери первых месяцев войны: погибло, пропало без вести в войсках, от которых не поступило донесений	1162,6
	Итого потеряно военнослужащих:	11444,1
5	Кроме того погибло в пути, захвачено противником военнообязанных, призванных по мобилизации, но не зачисленых в списочную численность войск	500,0
	Всего потерь:	11944,1
Исключено из числа потерь:	а) Призвано на освобожденной от оккупации территории и направлено в войска из числа военнослужащих, ранее попавших в окружение или пропавших без вести	939,7
	б) Вернулось из плена по окончании войны (по данным органов репатриации)	1836,0
	Итого:	2775,7
	Фактическое число безвозвратных потерь вместе с 500 тыс. чел. военнообязанных	9168,4
	из них военнослужащих списочного состава	8668,4

- передано для работы в промышленность в МПВО и ВОХР -3614600 чел.;

- направлено на укомплектование органов и войск НКВД и др. формирований - 1174600 чел.;

- передано в польские, чехословацкие и румынские соединения и части - 250400 чел.

Из числа осужденных (994,3 тыс. чел.):

- направлено в места заключения - 436600 чел.;

- оставлено в войсках (в штрафных п-ях) - 422700 чел.

Отчислено по другим причинам:

- по неблагонадежности - 206000 чел.;

- не разыскано дезертиров, а также отставших от эшелонов, пропавших без вести во внутренних округах - 212400 чел.

11944100 чел. составили безвозвратные потери, в том числе 11444100 чел. списочного состава и 500 тыс. чел. военнообязанных, не дошедших до частей и не попавших в списки.

Как же распределились безвозвратные потери? Они делятся на боевые и небоевые.

а) Боевые потери:

- убито и умерло от ран на этапах санитарной эвакуации (по донесениям из войск) - 5226800 чел.;

- умерло от ран в госпиталях (по данным ЦМУ) - 1102800 чел.;

- пропало без вести и попало в плен - 3896400 чел.;

- неучтенные потери первых месяцев войны (пропало без вести, погибло в операциях. Определено по отдельным архивным документам) - 1162600 чел.

б) Небоевые потери:

- умерло от болезней, погибло в результате происшествий и несчастных случаев, осуждено к расстрелу - 555,5 чел.

Всего без вести пропало и попало в плен - 5059000.

За все годы войны по докладам войск безвозвратные потери составили - 11944100 чел.

Но, однако, при освобождении захваченной немцами территории Украины, Белоруссии, Молдавии и Прибалтики вторично были призваны (ранее попавшие в окружение, а по документам о них доложено как о пропавших без вести) - 939,7 тыс.чел.

По окончании войны вернулось из плена (по данным органов репатриации) - 1836000 чел.

Таким образом фактическое число демографических потерь составляет 11944100 - 2775700 (939,7 тыс. + 1836 тыс.) = 9168400 чел.

Из них:

- списочного состава - 8 млн. 668 тыс. 400 чел.

- непопавшие в список - 500 тыс. чел.

Из всех демографических потерь списочного состава

Красная Армия и ВМФ потеряли - 8509300 чел.

Пограничные войска - 61400 чел.

Внутрение войска - 97700 чел.

Характеризуя безвозвратные потери, следует отметить, что нами изучен и такой источник, как книги военкоматов по учету поступивших извещений на погибших, умерших и пропавших без вести военнослужащих. В них значится 12400900 чел. Это на 456,8 тыс. больше, чем определено по донесениям из войск и военкоматов во время войны (11944,1 тыс. чел.). Как показали

Таблица 2

Людские потери Красной Армии и Военно-Морского Флота (без пограничных и внутренних войск НКВД) по периодам и кампаниям Великой Отечественной войны

Периоды войны	Кампании	Людские потери (тыс. человек)					
		Безвозвратные		Санитарные		Всего	
		Число	%	Число	%	Число	%
ПЕРВЫЙ (22.6.41-18.11.42)	Летне-осенняя (22.6-4.12.41г.)	2841,9 17,1	25,2	1145,8 6,9	6,2	3987,7 24,0	13,5
	Зимняя (5.12.-30,4.42 г.)	1249,0 8,5	11,1	1602,7 10,9	8,7	2851,7 19,4	9,6
	Летне-осенняя (1.5-18.11.42 г.)	2064,1 10,2	18,3	2258,5 11,2	12,3	4322,6 21,4	14,6
	Итого в первом периоде	6155,0 12,0	54,6	5007,0 9,7	27,2	11162,0 21,7	37,7
ВТОРОЙ (19.11.42-31.12.43)	Зимняя (19.11.42-31.3.43 г.)	967,7 7,3	8,6	1865,9 14,0	10,2	2833,6 21,3	9,5
	Оперативно-стратегическая пауза (1.4.-30.6.43 г.)	191,9 2,1	1,7	490,6 5,4	2,7	682,5 7,5	2,3
	Летне-осенняя (1.7.-31.12.43 г.)	1393,8 7,6	12,3	3628,8 19,7	19,8	5022,6 27,3	17,0
	Итого во втором периоде	2553,4 6,3	22,6	5985,3 14,7	32,7	8538,7 20,9	28,8
ТРЕТИЙ (1.1.44-9.5.45 гг.)	Зимне-весенняя (1.1.-31.5.44г.)	801,5 5,3	7,1	2219,7 14,6	12,1	3021,2 19,9	10,2
	Летне-осенняя (1.6.-31.12.44 г.)	962,4 4,5	8,5	2895,0 13,5	15,8	3857,4 18,0	13,0
	Кампания в Европе (1.1.-9.5.45 г.)	800,8 6,2	7,1	2212,7 17,2	12,1	3013,5 23,4	10,2
	Итого в третьем периоде	2564,7 5,2	22,7	7327,4 14,8	40,0	9892,1 20,0	33,4
Итого за войну на советско-германском фронте		11273,1 7,9	99,9	18319,7 12,9	99,9	29592,8 20,9	99,9
Кампания на Дальнем Востоке (9,8.-2.9.1945 г.)		12,0 0,5	0,1	24,4 0,97	0,1	36,4 1,5	0,1
Всего за Великую Отечественную войну		11285,1 7,8	100,0	18344,1 12,7	100,0	29629,2 20,5	100,0

Примечание: в числителе показаны все потери, в знаменателе - в т.ч. среднесуточные.

исследования, расхождения объясняются дублированием учета людских потерь в тех случаях, когда на одного и того же погибшего, без вести пропавшего посылалось в разные военкоматы два и более извещений с соответствующей регистрацией, а также умершие во внутренних округах.

В оборонительных боях 1941-1943 гг. мы потеряли 4673,1 тыс. чел. или 51% всех демографических потерь, и 4495265 чел. потеряли в ходе наступательных операций, или 49% всех демографических потерь.

Если брать только нашу территорию, т.е. СССР, то в оборонительных боях на нашей территории потеряли 4673,1 тыс. чел. или 58% от потерь на нашей территории, и 42% (3395,8 тыс. чел.) от всех демографических потерь в наступательных боях по освобождению нашей территории.

При исследовании потерь за годы войны выявилось следующее: 42,4% всех безвозвратных потерь составили без вести пропавшие (всего - 5 млн. 059 тыс. чел.). за 1941 год без вести пропавшие составили 77,4% (в 1941 г. без вести пропало 2 млн. 938 тыс. 900 чел.).

Безусловно, трудно было определить в ходе боя: в плен солдат попал или пропал без вести. Так за всю войну всеми командирами было доложено о 36,2 тысячах, попавших в плен. Все же остальные числились пропавшими без вести.

По возрасту все потери распределились в следующем порядке:

- 20 лет и моложе	1560,3 тыс.чел.;
- 21-25 лет	1907,0 тыс.чел.;
- 26-30 лет	1517,0 тыс.чел.;
- 31-35 лет	1430,3 тыс.чел.;
- 36-40 лет	1040,2 тыс.чел.;
- 41-45 лет	693,5 тыс.чел.;
- 46-50 лет	433,4 тыс.чел.;
- 51 и старше	86,7 тыс.чел.

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что за время войны каждые сутки на советско-германском фронте выбывало из строя в среднем 20869 чел. При этом самые большие среднесуточные потери отмечаются в летне-осенних кампаниях 1941 г. (24 тыс. чел.) и 1943 г. (27,3 тыс. чел.).

Наибольшие потери наши войска несли в летне-осенней кампании 1941 г. (22.6.41 - 4.12.41 г.) и летне-осенней кампании 1943 г.

Так в летне-осенней кампании 1941 г. безвозвратные потери составили 2841900 чел. или 17,1 тыс. ежесуточно мы теряли безвозвратно.

Санитарные потери в этой кампании составили 1145800 чел. или 6,9 тыс. ежесуточно. (Общие потери в этой кампании составили 3987700 чел. или 24 тыс. ежесуточно).

В летне-осенней кампании (1.7-31.12.1943 г.) безвозвратные потери составили 1393800 чел., или ежесуточно теряли 7,6 тыс. человек. Санитарные по-

тери составили 3628800 чел. или 19,7 тыс. ежесуточно. (Общие потери в этой кампании составили 5022600 чел., или 27,3 тыс. ежесуточно).

Итого за всю войну на советско-германском фронте ежесуточно теряли безвозвратно около 8 тыс. (7,9 тыс.) чел. Санитарные потери составили ежесуточно 12,9 тыс. чел. (Общие - 20,9 тыс. чел.).

За всю войну ежемесячно (47 м-цев) на фронт в среднем направлялось для восполнения потерь около 600 тыс. чел. из них 500 тыс. в составе маршевых подразделений и около 100 тыс. чел. в составе частей и соединений.

Численность Красной Армии постоянно росла особенно в первые два года войны. Так на первое января каждого года численность составляла:

1941 г. на 22.6. - 4826907
1942 г. 1.1. - 9004300
1943 г. - 10455700
1944 г. - 11149200
1945 г. - 11655200

Если взять Российскую Федерацию, то 22,7% ее граждан за годы войны одевали шинели (призывались через военные комиссариаты), т.е. почти каждый четвертый. Граждане Украины - около 12,5%, Белоруссии - около 12%, республиках Средней Азии - около 17%, республиках Закавказья - около 17%.

За годы войны военными комиссариатами было призвано 490 тыс. женщин и 80 тыс. было женщин-офицеров, т.е. в армию за всю войну было призвано 570 тыс. женщин. на 1-е января 1945 года их было в строю 463503.

Еще один момент хотелось отметить - это процент погибших военнослужащих, призванных из России:

1941 г. - 2471400 чел., или 65% от всех погибших в 1941 г.
1942 г. - 2512400 чел., или 77,1% " " " " 1942 г.
1943 г. - 1607800 чел., или 69,5% " " " " 1943 г.
1944 г. - 913200 чел., или 51,8% " " " " 1944 г.
1945 г. - 408100 чел., или 50,9% " " " " 1945 г.

Итого 66,3% (7913 тыс. чел.) за всю войну на советско-германском фронте - безвозвратные потери военнослужащих из Российской Федерации.

По национальному составу жертвами войны стали все национальности и народности, населявшие Советский Союз.

В их числе:

- русские - 5747100 чел., или 66,3%
- украинцы - 1376500 чел., или 15,9%
- белорусы - 251400 чел., или 2,9%
- татары - 188300 чел., или 2,2%
- евреи - 138700 чел., или 1,6%
- казахи - 130000 чел., или 1,5%

- узбеки - 121400 чел., или 1,4%
- армяне - 83200 чел., или 0,96%
- грузины - 79700 чел., или 0,92%
- мордва - 63300 чел., или 0,73%
- чуваши - 63100 чел., или 0,73%
- азербайджанцы - 58100 чел., или 0,67%
- молдаване - 53700 чел., или 0,62%
- прибалтийцы (эст.,лат.,лит.) - 44200 чел., или 0,51%
- башкиры - 32100 чел., или 0,37%

и др.

Демографические потери военнослужащих, призванных из России, составили 6537100 чел. или 71,3% от всех демографических потерь Вооруженных Сил СССР (9168400).

Несколько слов о судьбе наших военнослужащих, находившихся в немецком плену. по документам определено, что в плену находилось 4559 тыс. чел. В мае 1945 года в немецких лагерях для военнопленных было учтено 2016 тыс. чел. Однако, из них вернулось на Родину только 1836000 чел., а 180 тыс.чел. по-видимому эмигрировали.

Всего не вернулось из плена около 2,7 млн.чел., т.е. из каждых пяти не вернулось три человека.

Дорогой ценой заплатил советский народ и за освобождение своей территории от оккупантов и за освобождение стран Европы от немецкого нашествия. Так при освобождении республик СССР безвозвратные потери составили:

РСФСР	- 1843200 чел.
Белоруссии	- 213600 чел.
Украины	- 994400 чел.
Латвии	- 130200 чел.
Литвы	- 137200 чел.
Молдавии	- 18700 чел.
Эстонии	- 67100 чел.

При освобождении стран Европы от фашистского порабощения мы безвозвратно потеряли 1099465 чел. из них:

В Польше	- 600212 чел.
В Чехословакии	- 139918 чел.
В Венгрии	- 140004 чел.
В Германии	- 101961 чел.
В Румынии	- 68993 чел.
В Австрии	- 26006 чел.
В Югославии	- 7995 чел.

В Норвегии - 3436 чел.

В Болгарии - 977 чел.

В Китае - 9272 чел.

В Корее - 691 чел.

По далеко неполным данным, опубликованным в немецкой печати, безвозвратные потери немецких войск и союзников Германии составили 8649500 человек.

Из них:

безвозвратные потери Германии - 6923700 чел.

союзников Германии - 1725800 чел.

Такова правда о потерях в кровопролитной войне. Она свидетельствует, что наибольший вклад в Победу над фашизмом внес советский народ и его Вооруженные Силы. В год 50-летия Великой Победы мы склоняем головы перед павшими защитниками Отечества, сложившими головы за нашу мирную жизнь.

С.Н.Михалев
(ИВИ МО РФ)

Великая Отечественная: демографические и военно-оперативные потери

Проблема военных потерь населения Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. включает, во-первых, оценку демографических потерь населения страны и, во-вторых, оценку потерь Вооруженных Сил. Последняя, в свою очередь, распадается на оценки: военно-оперативных безвозвратных потерь, понесенных войсками в ходе военных действий и включающих убитых, пропавших без вести и попавших в плен (независимо от дальнейшей их судьбы); демографических безвозвратных потерь, включающих окончательно установленную гибель военнослужащих (в том числе невозвращение из плена по окончании войны); санитарных потерь вооруженных сил (статистику ранений, контузий, обморожений, отравлений, а также заболеваний людей в боевой обстановке).

I

Оценки демографических потерь населения СССР за период войны 1941-1945 гг. в течение последующих 50 лет объявлялись официальными лицами и вводились в научный обиход в весьма широком диапазоне: от 7 до 27 млн. человек[1]. В большинстве своем они либо намеренно преуменьшались по конъюнктурным политическим соображениям, либо опирались на недостаточно прочную научную базу. Лишь начиная с 1990 г., с момента публикации ранее засекреченных и изъятых из научного оборота документов всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг., возникла возможность максимально приближенного к истине исчисления демографических потерь страны. Однако, как будет показано ниже, назвать однозначно точную итоговую цифру по сей день не представляется возможным по причине значительного разброса исходных расчетных данных.

Прежде чем назвать конкретные итоги, остановимся на общей методике расчетов. Исходными данными для определения размеров демографических потерь следует считать:

а) численность населения страны к началу войны - к середине 1941 г.;

б) оценку ожидаемой численности его к концу войны (в дальнейших расчетах принимаем за эту дату конец 1945 г., когда, как правильно отметили исследователи этой проблемы[2], стало возможным подвести итоги смертности военнослужащих, находившихся к концу войны на излечении в госпиталях);

в) оценку реальной численности населения к концу 1945 г.

Для того, чтобы выйти на первую исходную цифру, следует оценить размеры естественного прироста населения в период между завершением послед-

ней предвоенной переписи (январь 1939 г.) и началом войны, а также учесть увеличение численности его в результате вхождения в состав государства новых территорий в 1939-1940 гг.

Для определения величины ежегодного естественного прироста населения исходными данными являются итоги двух упомянутых выше переписей, которые представлены:

а) в подлинных архивных документах (162039,5 тыс. человек к началу 1937 г. и 167306 тыс. к началу 1939 г.[3]);

б) в современной интерпретации - в энциклопедическом словаре "Народонаселение" (соответственно: 162500 и 168524 тыс.[4]);

в) в ряде оценок ученых-демографов, расходящихся с официальной публикацией (например, соответственно: 162400 и 167600 тыс.[5]).

Очевидно, что в каждом случае (а, б, в) получаем различные оценки значения среднегодового естественного прироста населения в 1937-1939 гг.: от 2,59 до 3,012 млн. человек (соответственно - от 1,58 до 1,82% от средней численности населения в этот период).

На основании полученных таким образом данных определяем численность населения страны к середине 1941 г. (в границах до сентября 1939 г.) в 174,05 - 176,3 млн. человек.

Не меньшим разбросом характерны оценки численности населения территорий (республик и областей), вновь вошедших в состав СССР в период 1939-1940 гг. Суммарно она измеряется в пределах от 17,4 до 20 млн. человек, что к середине 1941 г., с учетом величины естественного прироста, свойственного каждому из этих регионов[6], дало прибавку в 17,7 - 20,1 млн.

Итого численность населения страны к началу войны следует оценить в пределах от 191,8 до 196,4 млн. человек.

Заметим, что определить более или менее точно количество населения вновь вошедших в состав СССР территорий (кроме, пожалуй, республик Прибалтики) вряд ли когда-либо представится возможным, прежде всего из-за условий, в которых происходило воссоединение областей Украины и Белоруссии: военные действия на территории Польши в сентябре 1939 г., обусловленная ими миграция населения, интернирование контингентов польской армии (180 тыс. человек), значительная часть которых вскоре была обращена на формирование новых польских соединений (сперва армии генерала В.Андерса, а в дальнейшем, с убытием ее из СССР, 1-й и 2-й армий Войска Польского), - все это исключает однозначное решение задачи. В официальных советских изданиях численность населения этих областей указывается 8, 16, 10 и 12 млн.[7]

Но последняя оценка представляется крайне преувеличенной, так как до 3 млн. человек из числа поляков, оказавшихся на територии СССР после установления новой границы, после войны были репатриированы в Польшу или убыли на Запад в составе армии Андерса[8]. Таким образом, оценка в 10 млн. должна рассматриваться в качестве максимальной.

Немалые трудности связаны и с исчислением населения Бессарабии и Северной Буковины (современная Черновицкая область Украины) в 1940 г. В справочной литературе встречаем оценки в 3,5 - 3,75 млн., а официальная оценка, прозвучавшая с трибуны 7-й сессии Верховного Совета СССР в 1940 г., составила 4 млн. человек[9].

Вторая исходная величина - оценка ожидаемой численности населения страны к концу 1945 г. - исчисляется с помощью нахождения значения возможного естественного прироста за 4,5 года. При этом процентное выражение этой

Таблица 1

Численность населения страны и изменения ее (тыс. чел.)	Исходные данные		
	Минимальный вариант: итоги переписей 1937и 1939 гг	Максимальный вариант:оценка переписей по СЭС 1994	Средний вариант: оценки демографов
Численность населения страны к: 1.1.1937 г.	162039,5	162500	162400
1.1.1939 г.	167306	168524	167600
Естественный прирост населения за 2 года	5266,5	6024	5200
Средний ежегодный естественный прирост к началу 40-х гг. (%%)	1,59	1,82	1,58
Численность населения СССР в границах 1939 г. к середине 1941 г.	174049,9	176304	174253
Численность населения вновь включенных в состав СССР территорий - к середине 1941 г.	17739	20100	19865
Итого к середине 1941 г.	191790	196404	194118
Средний ежегодный естественный прирост в период 1941-1945 гг. (возможный,%%)	1,64	1,75	1,63
Ожидаемая численность населения к концу 1945 г.	206368	212370	208785
Реальная численность населения к концу 1945 г.	170550	170550	170550
Дефицит (демографический ущерб)	35818	41820	38235
В т.ч. нереализованный естесвеный прирост1941-1945 гг.	14578	15966	14667
Прямые военные потери населения СССР	21240	25854	23568

величины взято как среднее между соответствующими показателями к концу 40-х и к началу 50-х гг. (значение последнего - 1,68% - публиковалось в справочной литературе[10]). В соответствии с полученными выше тремя различными значениями естественного прироста к началу 40-х гг. (в процентах) получаем оценки возможного ежегодного естественного прироста в 1941-1945 гг. в пределах от 1,63 до 1,75%.

Определение третьей исходной величины - оценка реальной численности населения к концу 1945 г. - производится на основе итогов первой послевоенной всесоюзной переписи 1959 г. В дальнейших расчетах использована цифра, полученная коллективом авторов труда "Население Советского Союза 1922-1991." - 170,55 млн. человек[11].

В таблице 1 приведены три варианта расчета демографических потерь населения СССР в Великой Отечественной войне, основанные на исчисленных указанным выше образом исходных данных. Приведенные в ней расчеты убеждают, во-первых, в преувеличении утвердившейся ныне оценки демографических потерь страны в 27 млн. человек; во-вторых, в трудности (вернее - невозможности) однозначной оценки этих потерь; в-третьих, в целесообразности искать истину в пределах полученных верхней и нижней границ[12]. Так, близка к полученным результатам оценка авторов упомянутого выше труда "Население Советского Союза, 1922-1991." - 25,3 млн.

Отметим также неоднократно публикуемые на страницах популярных изданий неоправданно преувеличенные оценки демографических (прямых военных) потерь населения СССР, превышающие 30 и даже 40 млн. человек; авторы таких публикаций, как правило, включают в число прямых потерь величину нереализованного естественного прироста ("неродившихся детей").

Итак, прямые военные потери народов Советского Союза в Великой Отечественной войне составили от 11 до 13 % численности его населения к началу войны.

Для сравнения приведем оценки жертв населения ряда других стран, принимавших участие во Второй мировой войне:

- Великобритания потеряла 375 тыс. человек (0,9% общего числа населения);

- Соединенные Штаты Америки - 405 тыс. (0,3%);

- Япония - 2,5 млн. (3,4%)[13].

В странах Восточной Европы, явившихся главным объектом гитлеровской агрессии, больше всего пострадало население Польши, потерявшей 6 млн. (17,2%) и Югославии (1,7 млн. -10,9%).

Актуальным вопросом, не получившим по сей день окончательного решения, является определение демографических потерь Германии. Трудности решения заключаются в первую очередь в изменениях границ государства, произведенных как непосредственно перед войной, так и после нее. Называют различные оценки - от 6,5 до 13,5 млн. (9,3 - 19,5%)[14].

II

Военно-оперативные потери Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне согласно публикации Генерального штаба достигали: безвозвратные - 11273,1 тыс., санитарные -18319,7 тыс., итого - 29592,1 тыс. человек (только на советско-германском ффронте, не считая потерь в кампании 1945 г. на Дальнем Востоке - 36,4 тыс. человек). Демографические безвозвратные потери армии и флота (с учетом дважды призванных в ходе войны и возвратившихся из плена по окончании ее) составили 8668,4 тыс. человек[15]. К этому итогу необходимо добавить еще 500 тыс. человек - военнообязанных, призванных в первые дни войны и захваченных противником в пути следования в свои части, судьба которых неизвестна.

Поскольку исчисление потерь вооруженных сил служит оценке их боеспособности и уровня военного искусства, возникает необходимость, во-первых, определить размеры потерь противника - вооруженных сил Германии и ее союзников, действовавших на советско-германском фронте; во-вторых, проанализировать динамику потерь, то есть изменение их по периодам войны, и, наконец, установить соотношение потерь сторон. Решение этих задач затруднено нехваткой подлинных документов, характеризующих потери противника.

Опубликованные в последние годы оценки вражеских потерь на советско-германском фронте (имеющие, кстати, единый источник) варьируются в значительных пределах. Так, приведем для сравнения данные двух публикаций, в которых безвозвратные потери противника оцениваются следующим образом:

Национальная принадлежность вооруженных сил	Оценки потерь (тыс. чел.)	
	Справка министра обороны СССР от 16 декабря 1988 г.	Труд "Гриф секретности снят..." М., 1993. С. 392
1. Германия (вермахт, включая инонациональные и добровольческие формирования)	6046	6923,7
Из них возвратились из плена	1939	2118
2. Союзники Германии:		
- Финляндия	85	86,4
- Италия	90	93,9
- Венгрия	350	863,7
- Румыния	480	681,8
Итого	7051	8649,5

Отметим: данные о безвозвратных потерях союзников Германии, приведенные в труде "Гриф секретности снят..." увеличены по сравнению с соответствующими оценками в справке министра обороны СССР путем дополнительного включения в них сведений о количестве попавших в плен. Но понятие "безвозвратные потери" в военно-оперативном значении содержит суммарные данные о количестве убитых, умерших от ран и пропавших без

вести, причем в число последних входят и попавшие в плен. Поэтому оценку потерь противника в указанном труде нельзя признать корректной.

В сообщении В.В.Гуркина, посвятившего много времени исследованию проблемы вражеских потерь на Восточном фронте, на научной конференции в Институте российской истории РАН (14-15 марта 1995 г.) были представлены новые расчетные данные, призванные служить уточнению ранее опубликованных оценок: безвозвратные потери вермахта и армий стран - союзников Германии (соответственно: 6550 и 1468,1 тыс., итого - 8018,1 тыс.) - на 641,4 тыс. меньше итоговой цифры труда "Гриф секретности снят..." Уточнены также оценки потерь противника пленными и сведения об их дальнейшей судьбе: общее количество пленных, взятых войсками Красной Армии, названо на 987 тыс. больше, чем в указанном труде, а количество умерших в плену - больше на 67,4 тыс.[17]

Однако приведенные выше данные о потерях противника на советско-германском фронте не соответствуют ряду официальных зарубежных публикаций, равно как и оценкам, сделанным на основе имеющихся в отечественных архивах трофейных документов. Ниже следует краткий обзор этих источников.

Для исчисления потерь противника в распоряжении российских историков имеется фонд трофейных немецких и румынских документов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны РФ. Эти материалы до сего времени недостаточно вовлекаются в научный оборот, не в последнюю очередь по причине содержащихся в них многочисленных пробелов и противоречий. Но внимательное изучение этих источников дает возможнось приблизиться к объективному решению задачи.

Трудности в исчислении вражеских потерь определяются рядом причин. Одной из них является неоднородный состав вооруженных сил, противостоявших Красной Армии. Наряду с войсками вермахта, составлявшими от 75 до 90% всех сил противника, контингенты войск союзников Германии на разных этапах военных действий на советско-германском фронте насчитывали до 70 и более дивизий. Кроме того, в составе армейских объединений вермахта в "крестовом походе на Восток" участвовали инонациональные соединения (250-я испанская и 600-я пехотная дивизии), ряд "добровольческих" частей и соединений СС (французский легион, в дальнейшем дивизия "Шарлемань", легион, в дальнейшем моторизованная дивизия "Нидерланды", хорватские дивизии "Хандшар" и "Кама", дивизия "Богемия и Моравия", бригада СС "Валлония" и др.)[18]. Согласно зарубежным публикациям, количество иностранных "добровольцев", служивших в рядах вермахта (не считая "фольксдойч" - этнических немцев, проживавших до войны вне пределов Германи) достигало 3,05 млн. - более 17% от общей численности призванных на военную службу в годы войны[19].

Исчисление потерь вермахта осложняется также наличием в его соединениях значительного количества вспомогательного персонала, набранного

из гражданского населения и военнопленных. Имеются сведения о численности этого контингента только из числа русских, украинцев и белорусов - до 560 тыс. человек[20]. Эти люди не включались в списочный состав войск, и потери их в соответствующих сводках и донесениях немецких штабов не учитывались.

Сведения о потерях вермахта содержатся в ряде архивных источников; в их числе:

месячные сводки штаба оперативного руководства германского верховного главнокомандования (ОКВ), в которых учитывались потери по видам вооруженных сил, с уточнением их по театрам военных действий, за каждые два месяца ко времени составления сводки, а также суммарные потери с июня 1941 г. и среднемесячные потери за каждый предшествующий год войны[21];

декадные донесения и месячные сводки начальника медико-санитарной службы сухопутных войск, в которых учитывались потери за каждую армию, нарастающим итогом с 22 июня 1941 г. по день составления сводки[22];

обзор убыли и пополнения действующей армии на Востоке за период с 1 декабря 1941 г. по 31 мая 1944 г., оформленный в виде диаграммы, раскрывающей суммарные потери войск убитыми, попавшими без вести и ранеными помесячно, за каждую группу армий, а также структуру (источники) пополнения, поступавшего в войска[23]. Этот документ подкреплен рядом донесений и справок генерального штаба сухопутных войск, в которых уточнены некоторые показатели диаграммы.

В Центральном архиве Министерства обороны хранятся фотокопии этих документов (первой группы - с марта 1944 по январь 1945 гг., второй - с 10 июля 1943 г. по 20 апреля 1945 г.); подлинники их находятся в архивах ФРГ, довольно полно изучены немецкими историками и публиковались в ряде работ.

Наряду с перечисленными первоисточниками большое значение имеют дневниковые записи бывшего начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта генерала Ф.Гальдера за период с 22 июня 1941 г. по 10 сентября 1942 г., в которых систематически фиксировались потери на советско-германском фронте, а также сведения по этому вопросу, опубликованные в труде генерала Б.Мюллер-Гиллебранда "Сухопутная армия Германии: 1933-1945"[24].

Общей особенностью немецких отчетных документов является подход к учету раненых и заболевших: в сводках и донесениях отражалось лишь количество эвакуированных из районов боевых действий для последующего излечения в тыловых госпиталях рейха. Таким образом, оставался неучтенным контингент раненых и больных, проходивших излечение во фронтовых и армейских лазаретах. Приблизительная оценка численности этой категории потерь содержится в упомянутом обзоре убыли и пополнения, где указано помесячно количество выздоровевших военнослужащих, поступивших на попол-

нение войск из внутренних ресурсов действующей армии. В среднем эти контингенты составляли от 30 до 70% общего числа раненых и больных.

Следует обратить внимание на расхождения итоговых цифр в перечисленных здесь документах высших штабов вермахта. Так, общие потери сухопутных войск на Востоке (без учета раненых и больных, остававшихся в районах боевых действий) по состоянию на 31 декабря 1944 г. оценивались: начальником медико-санитарной службы от 5523131 чел. (в итоговой сводке за декабрь) до 5544045 чел. (в очередном декадном донесении), а главным штабом вермахта - в 5634475 чел. от одной сводки к другой, очевидно, по мере поступления новых данных, уточнялись показатели среднемесячных потерь за прошлые годы. Ряд других, более или менее существенных отклонений от - истины отмечали немецкие комментаторы этих документов[26].

Сопоставление сведений о немецких потерях, приведенных в труде Б.Мюллер-Гиллебранда, с данными итоговых (месячных) сводок ОКВ и ОКХ выявляет расхождения, значительно превосходящие отмеченные выше неточности. Так, общее количество убитых на всех ТВД по состоянию на 31 декабря 1944 г. по данным, приведенным Б.Мюллер-Гиллебрандом, превышает соответствующую оценку ОКВ на 113,2 тыс. чел., а разница в оценках той же категории потерь сухопутных войск на 30 ноября того же года согласно этим источникам составляет 322,6 тыс.[27] (В то же время оценки количества пропавших без вести к концу 1944 г. в разных источниках практически совпадают).

Еще более значительные расхождения в цифрах встречаются при сопоставлении месячных сводок ОКВ и декадных донесений ОКХ, с одной стороны, и упомянутого выше обзора убыли и пополнения, с другой; судя по последнему документу, суммарные потери (включая убитых, пропавших без вести, раненых и заболевших, эвакуированных из районов боевых действий) превысили данные штабных сводок на 1,3-1,4 млн. чел.![28] Отметим при этом, что цифры Обзора подтверждаются оценками убыли личного состава сухопутных войск, приведенными в труде Б.Мюллер-Гиллебранда[29]. Можно предположить, что эти расхождения объясняются различиями в методике исчисления боевых потерь, с одной стороны, и убыли личного состава действующей армии, с другой.

Комплексное исследование перечисленных источников дает основание для следующих итоговых оценок: потери вермахта на Востоке за период с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1944 г. составили (в тыс. чел.) убитыми 1221, пропавшими без вести - 1111, итого безвозвратно - 2332, ранеными (включая расчетную оценку количества неэвакуированных в тыловые госпитали) - 5551; всего 7883 тыс.[30]

Определение полного числа потерь вермахта на советско-германском фронте за четыре года войны затруднено крайней недостоверностью сведений о потерях в заключительной кампании войны в Европе (1 января - 11 мая 1945 г.).

С началом 1945 г. сведения, поступавшие из войск и обобщавшиеся в сводках ОКВ и ОКХ, страдали все большим количеством ошибок и "белых пятен".

Обобщение данных, содержащихся в декадных донесениях начальника медико-санитарной службы за период с 1 января по 20 апреля 1945 г.[31] дает следующие результаты: потери сухопутных войск на Востоке за 4 месяца 20 дней составили убитыми 114,9 тыс., пропавшими без вести 258,8 тыс., ранеными и заболевшими (эвакуированнными из районов боевых действий) 532,7 тыс. С учетом расчетных данных о потерях за две последние декады войны (с 20 апреля по 10 мая), а также о количестве умерших от ран и болезней в госпиталях и раненых, не эвакуированных в тыл, показатели потерь сухопутных войск в кампании 1945 г. возрастают до:

- убитыми и умершими от ран - 144,0 тыс.
- пропавшими без вести - 310,4 тыс.
- ранеными и заболевшими - 980,7 тыс.

Итого - 1435,1 тыс.

Потери флота и авиации определяются, за неимением отчетных документов, также ориентировочно, расчетным способом на основе сведений за декабрь 1944 г. и январь 1945 г.[32]:

Потери:	ВМС	ВВС	Итого
- убитыми	0,7 тыс.	3,5 тыс.	4,2 тыс.
- пропавшими без вести	10,8 тыс.	8,6 тыс.	19,4 тыс.
- ранеными и заболевшими	1,7 тыс.	9,0 тыс.	10,7 тыс.
Итого:	13,2 тыс.	21,1 тыс.	34,3 тыс.

В целом, судя по приведенным данным, потери немецких войск в последней кампании на Востоке достигли 1469,4 тыс. человек. Но полученный таким образом результат решительно расходится со сведениями о количестве пленных, взятых советскими войсками в этой кампании. по данным учета Генерального штаба за период с 1 января по 9 мая было взято в плен 1940,9 тыс.чел. (не считая 1284 тыс., сдавшихся по капитуляции после 9 мая)[33]. Но следует учесть, что определенную часть общего числа пленных составили военнослужащие венгерской армии[34]. Кроме того, в число пленных включались упомянутый выше "вспомогательный персонал" и ряд других категорий (например, фольксштурм), формально не входившие в состав вермахта. Но даже с учетом этих обстоятельств количество пленных немецких солдат и офицеров составило не менее 1 млн., то есть втрое больше исчисленного по сводкам ОКХ количества пропавших без вести.

В оценке немецких потерь за последние месяцы войны также явно преуменьшено количество убитых. Если судить по соотношению этой категории потерь и общего числа раненых и заболевших в предшествовавших кампаниях, количество убитых в 1945 г. должно было составить не менее 200-250 тыс. чел.

Возможность приблизиться к объективной оценке потерь вермахта в 1945 г. дает сопоставление данных о численности его войск на Востоке к началу и концу этой кампании. Эта численность составляла: к 1 января 1945 г. 3781 тыс., а к 9 мая - 1492 тыс.[35] Но полученный таким образом дефицит - 2289 тыс. - не исчерпывает решения проблемы, так как численность группировки войск на Востоке в ходе кампании наращивалась путем ввода резервов ОКВ и переброски соединений с Западного театра. за период с января по май Восточный фронт получил 54,5 расчетной дивизии и (только в январе-марте) 186 тыс. чел. пополнения из Армии резерва[36]. Таким образом, дефицит личного состава вермахта на Востоке за четыре последних месяца войны достиг 3,1 млн. человек.

Итак, оценка потерь немецких войск в последней кампании войны в пределах 3 млн. человек представляется достаточно близкой к истине. Большую часть этих потерь составили безвозвратные, в том числе более 1,8 млн. попавших в плен и до 250 тыс. убитых.

Общее число потерь вермахта на советско-германском фронте на основании приведенных выше данных и расчетов оценивается:

- безвозвратных - 4382 тыс.,
- санитарных - 6551 тыс.,

итого - 10933 тыс.

Но эту оценку следует считать минимальной. Принимая во внимание многочисленные расхождения данных в немецких документах относительно количества потерь и общей убыли личного состава войск на Востоке, а также недоучет количества раненых (за счет легко раненых, проходивших излечение в войсковых лазаретах), оценку количества санитарных потерь следует увеличить до 7,9 млн., а итог числа общих потерь - до 12,9 млн., в том числе безвозвратных - до 5 млн.

Исчисленная на базе имеющихся в нашем распоряжении немецких документов за 1941-1944 гг. и расчетных данных за кампанию 1945 г. оценка безвозвратных потерь совпадает с таковой, содержащейся в справке министра обороны СССР от 16 декабря 1988 г., где эти потери определены в 5151 тыс. чел. Но строкой ниже эта оценка дополнена цифрами потерь контингентов австрийцев, судетских немцев, эльзасцев и лотарингцев, а также инонациональных формирований СС (всего 895 тыс.). Таким образом, суммарная оценка безвозвратных потерь вермахта на Востоке доведена до 6046 тыс. Но во всех отчетных документах немецких штабов данные о потерях войск приводились без деления по национальному признаку; поэтому итоговую цифру в 6 млн. следует считать завышенной.

Для исчерпывающего обзора потерь союзников Германии на Восточном фронте имеющихся в нашем распоряжениии архивных источников недостаточно. В немецких штабах централизованный учет потерь союзников велся крайне неполно. Финский генеральный штаб вообще не представлял соответствующих сведений германскому командованию[37], а отчетность остальных

союзников, судя по сохранившимся немецким сводкам, далеко не всегда соответствовала действительности. Так, по данным генерального штаба сухопутных войск вермахта общие потери союзников Германии на Востоке к концу 1944 г. составили: Италии - 112,2 тыс., Венгрии - 148,5 тыс., Румынии - 320,2 тыс., Словакии - 4,45 тыс. чел.[38] Даже беглая сверка этих сведений с приведенными ниже данными убеждает в их недостоверности. Итак, отчетные документы штабов вермахта не могут служить основой для выявления потерь армий союзников Германии.

Судя по некоторым архивным документам и, главным образом, по послевоенным зарубежным публикациям, реальные потери этих воинских контингентов достигали:

- Финляндии - 205, в том числе безвозвратных 50-55 тыс. чел.;

- Италии - 133,1, в том числе безвозвратных 89,8 тыс. чел.;

- Румынии - 624, в том числе безвозвратных 381 тыс. (но имеются также данные, значительно превышающие эту оценку: 676,8 тыс., из них безвозвратных 361,1 тыс.);

- потери двух словацких дивизий (не входивших в состав вермахта) составили всего 8,7 тыс., из них безвозвратных около 6 тыс. чел.[39]

Наименее достоверны сведения о потерях венгерских войск. Публикации в зарубежной печати ограничены лишь числом убитых (136-150 тыс.)[40] По-видимому, близка к истине оценка безвозвратных потерь венгров, приведенная в справке министра обороны СССР: 350 тыс., а количество раненых могло составить 400-500 тыс. чел.

Итак, общие потери союзников Германии, исчисленные на основе доступных источников, оцениваются в пределах 1,8 млн. чел., в том числе безвозвратные - до 900 тыс., что примерно соответствует названной в справке министра обороны сумме безвозвратных потерь этих контингентов - 1005 тыс. чел.

Бросающиеся в глаза резкие различия в соотношениях размеров безвозвратных и санитарных потерь (например, для Финляндии 1:3, тогда как для Италии 2:1, а для Румынии 1,1-1,6:1) объясняются особенностями хода боевых действий на разных участках советско-германского фронта. Так, окружение крупных вражеских группировок под Сталинградом, на Верхнем Дону, под Яссами и Кишиневом приводило к резкому увеличению числа безвозвратных потерь (прежде всего, за счет роста количества пленных).

Следует также заметить, что исчисление людских потерь армий союзников Германии (как и самой Германии) немало затруднено в связи с изменением государственных границ ряда стран Восточной Европы как накануне, так и в ходе войны, и после нее. Отмечается и тенденция некоторых государств к занижению потерь - определению их в "минимальных" по размерам территории регионах. Но на итоговые цифры потерь вооруженых сил это не должно распространяться: численный состав армий являлся самодавлеющей величиной. Трудности в этом вопросе заключаются в степени сохранности

и доступности для исследования штабных документов и умении оперировать их данными.

Таким образом, анализ и сопоставление различных по своему характеру источников позволяет судить о суммарных потерях противника на советско-германском фронте за четыре года войны: общих - до 14-15 млн., в том числе безвозвратных -5,9-6 млн. человек. С учетом возвращения после войны из плена 3,3 млн. человек демографические безвозвратные потери вооруженных сил Германии и ее союзников определяются в 2,7 млн. человек. Соотношение потерь советских войск и войск противника (в млн. чел.):

- общих военно-оперативных - 29,6 : 14,5 - 2 : 1
- безвозвратных военно-оперативных - 11,3 : 6 - 1,9 : 1
- безвозвратных демографических - 8,7 : 2,7 - 3,2 : 1[1]

Но приведенные в представленном здесь обзоре цифры нельзя считать окончательным итогом исследования проблемы. Завершение ее (по крайней мере, дальнейшее приближение к истине) требует дальнейшего поиска, в первую очередь в зарубежных архивах, что возможно при условии сотрудничества с историками Германии и других стран, принимавших участие в войне.

В заключение остановимся на вопросе динамики потерь вооруженных сил в ходе войны. Среднемесячные потери советских войск и противника соотносились (в тыс. чел.):

- в первом периоде войны - 656,6 : 181,3 или 3,2 : 1
- во втором периоде - 642,0 : 238,5 или 2,7 : 1
- в третьем периоде - 606,9 : 440,3 или 1,4 : 1

Важным показателем процесса явилось соотношение безвозвратных потерь в третьем периоде войны: потери противника превысили потери советских войск (2564,7 : 3547,3 тыс. или 1 : 1,4).

Эти цифры раскрывают устойчивые тенденции, присущие динамике потерь сторон на протяжении четырех лет войны: поступательное снижение потерь советской стороны и одновременный рост потерь противника.

Причины, обусловившие размеры потерь вооруженных сил противоборствовавших на советско-германском фронте сторон и изменение их в ходе войны, охватывают широкий круг проблем экономики, политики, военного искусства. Изучению и анализу их посвящена обширная литература.

Победа СССР в Великой Отечественной войне была оплачена непомерно высокой ценой. Жестокий урок, который преподнесла нам история, невозможно забыть. Но спекулировать на нем, как это порой делается в сиюминутной политической суете, причем в целях далеко не благовидных -неуместно и, более того, безнравственно.

1. См.: Сталин И.В. по поводу речи У.Черчилля в Фултоне // Правда. 1946. 14 марта; Хрущев Н.С. Письмо премьер-министру Швеции Т.Эрландеру // Международная жизнь. 1961. N 12; Горбачев М.С. Уроки войны и Победы // Известия. 1990. 9 мая.

2. См.: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922-1991. М., 1993. С. 73-79.

3. См.: Социологические исследования. 1990. N 6. С. 18; N 8. С. 51; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 7-8.

4. Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 618.

5. Так, оценка численности населения к началу 1937 г. основана на данных переписи (Социологические исследования. 1990. N 7. С. 53, 67; N 8. С. 37, 47) с вводом поправки на недоучет в размере 0,2%. Оценку численности населения к началу 1939 г. в размере 167,6 млн. чел. предложила В.Б.Жиромская (Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 8).

6. Величина годового естественного прироста населения взята: для Латвии - 0,36%, для Литвы - 1%, для Эстонии -0,11%, для Западной Украины и Западной Белоруссии - как для Польши на 1938 г. - 1,05%, для Бессарабии и Северной Буковины - как для Румынии на 1940 г. - 0,71%, см.: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 218, 335, 383, 540.

7. См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941-1945. М., 1958. Т. 1. С. 23; Большая советская энциклопедия (далее БСЭ). 2-е Изд. М., 1957. Т. 50. С. 233; История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945. М., 1963. Т. 1. С. 248.

8. См.: Парсаданова В.С. Формирование национального фронта в Польше 1944-1946. М., 1972. С. 243; Kot S.Listy z Rosiji do gen. Sikorskiego. London, 1955. S. 84.

9. См.: Седьмая сессия Верховного Совета СССР, 1-7 августа 1940: Стенографический отчет. М., 1940. С. 25; БСЭ. 2-е Изд. М., 1950. Т. 5. С. 83; М., 1951. Т. 6. С. 251.

10. Население мира: Демографический справочник. М., 1989. С. 10.

11. Андреев Е.М. Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922-1991.

12. Попутно укажем на ошибку, допущенную в ранее опубликованных расчетах демографических потерь СССР, выполненных автором настоящей публикации (Военно-исторический журнал. 1992. N 6-7. С. 31), заключавшуюся в преувеличенной оценке населения страны в 1937 г., в результате чего величина среднегодового естественного прироста населения к началу 40-х гг. была определена в 1% (вместо 1,5%).

13. См.: Поляков Л.Е. Цена войны: Демографический аспект. М., 1985. С. 44; Итоги Второй мировой войны. Пер. с нем. М., 1957. С. 594. Народонаселение стран мира. М., 1978. С. 22, 38; Хаттори Т. Япония в войне, 1941-1945. Пер. с яп. М., 1973. С. 606.

14. См.: Военно-ист. журн. 1989. N 9. С. 38-39; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии, 1933-1945. Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 340; Итоги второй мировой войны... С. 599. Потери населения Германии соотнесены с численностью его на 17.5.1939 в границах страны к началу 1937 г. - 69310 тыс. чел., см.: Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 202.

15. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 130-131, 158. из последней цифры необходимо вычесть 12 тыс. убитых в ходе кампании 1945 г. на Дальнем Востоке, последствия которой не рассматриваются в настоящей статье.

16. См.: Источник. 1994. N 5. С. 91.

17. Отметим весьма противоречивые итоговые оценки количества пленных, взятых советскими войсками в ходе Великой Отечественной войны на советско-германском фронте: по данным Генерального штаба в 1941-1945 гг. было взято в плен 4540,9 тыс. чел., в том числе в период с 1 по 10 мая 1945 г. - 1958,86 тыс. (Центральный архив Министерства обороны РФ, далее ЦАМО. Ф. 13. Оп. 928. Д. 1-4; Оп. 929. Д. 1-14; Оп. 930. Д. 1-15; Оп. 931. Д. 1-9); в докладе начальника Генерального штаба генерала армии А.И.Антонова общее количество пленных оценено в 3777,85 тыс. плюс 1284 тыс. капитулировавших после 9 мая 1945 г. (ЦАМО. Ф. 13. Оп. 3028. Д. 10. Л. 3-6); по данным учета УПВИ НКВД СССР в лагеря поступило 3438,5 тыс. человек, не считая 639,6 тыс., взятых на Дальнем Востоке; см.: Воен.-ист. журн. 1990. N 10. С. 39-46.

18. Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 393, 407, 408.

19. См.: Ready J.L. The Forgotten Axis: Germany's Partners and Foreign Volunteers in World War II. Jefferson; North Carolina; London, 1987. P. 510.

20. Ibidem.

21. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12526. Д. 1199-1352, 1820, 1828.

22. Там же. Д. 1815, 1816, 1824, 1862, 1895.

23. Там же. Д. 1166.

24. Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск, 1939-1942. М. 1971. Т. 3. Кн. 1-2; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 17, 103, 129, 174, 198, 271, 334-344.

25. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12526. Д. 1820., 1834, 1877.

26. См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 334-336; Schustereit H. Vabangue: Hitlers Angriff auf die Sowietunion 1941. Herford; Bonn, 1988. S. 69.

27. Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 343-344; ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12526. Д. 1820.

28. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12526. Д. 1166, 1296, 1862.

29. Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 98, 103, 129, 174, 271.

30. Источники: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12526. Д. 1217-1352, 1817-1895; Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 120, 240, 343; Shustereit H. Op.cit. S. 70.

31. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12526. Д. 1815, 1834.

32. Там же. Д. 1820, 1828.

33. ЦАМО. Ф. 13-А. Оп. 3028. Д. 10. Л. 3-6.

34. В кампании 1945 г. на советско-германском фронте действовали от 13 (на 1 января) до 1 2/3 (к 1 мая) расчетных дивизий венгерской армии (несмотря на то, что Венгрия вышла из войны в 1944 г.).

35. См.: Вторая мировая война: Цифры и факты. ИВИ МО РФ. Материалы и документы. Инв. N 1459. С. 351; ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 455. Л. 5.

36. См.: Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941-1945 гг. М., 1957. Вып. 5. С. 29, 49, 75, 105, 129; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 245, 248.

37. Единственной информацией о потерях финского союзника в немецких документах является запись в Дневнике военных действий штаба оперативного руководства ОКВ: "С начала войны 1941 г. по 31 октября 1943 г. Финляндия потеряла: убитыми - 28650 чел., умершими в госпиталях - 10936, пропавшими без вести - 1449, итого - 41037 чел.; ранеными 93754 чел. Потери в зимней кампании 1939/40 г. убитыми 20 тыс., инвалидов 10 тыс. О потерях с конца 1943 г. до перемирия данных у ОКВ нет". (KTB OKW. Bd. 4. S. 913).

38. ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12526. Д. 1833, 1851.

39. Suomen sota 1941-1945. Kuopio, 1960. T. 9. S. 348; Le operationi della unita italiane al fronte russo, 1941-1943. Roma, 1977. P. 487; Gosztony P. Deutschlands Waffengefahrten an der Ostfront: 1941-1945. Stuttgart, 1981. S. 123, 228; Ready J.L. Op.cit. P. 509; ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12518. Д. 18. Л. 1-15; Вторая мировая война: Цифры и факты. С. 658.

40. Crosztony P. Op.cit. S. 186; Ready J.L. Op.cit. P. 508-509; Вторая мировая война: Цифры и факты. С. 309.

41. Попутно отметим: муссируемые в нашей печати оценки соотношения потерь советских войск и противника как 1:5, 1:10 и даже 1:14 (см., например: Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война. М., 1994. С. 355; Соколов Б. Славный наш маршал // Независимая газета. 1994. 5 марта; Геллер Ю. Неверное эхо былого // Дружба народов. 1989. С. 242) опровергаются нехитрыми расчетами. Так, если принять соотношение потерь противоборствовавших сторон как 10:1, то либо безвозвратные потери противника составляли не более 1,2 млн. чел., что совершенно не соответствует приведенным выше документальным данным; либо безвозвратные потери советских войск достигали 50-60 млн. чел., что явно выходит за границы здравого смысла.

А.И.Круглов
(МО РФ)

О некоторых причинах больших потерь Советских Вооруженных Сил в первом периоде Великой Отечественной войны.

В предвоенные годы укомплектование Красной Армии происходило в сложных условиях. В 20-30-е годы она являлась территориально-милиционной, что ограничивало возможности готовить призывные контингенты, военные кадры. Только 1 сентября 1939 года был принят Закон о всеобщей воинской обязанности, позволивший развертывать армию в широких масштабах. В связи с угрозой войны (а ее опасность нарастала с 1933 года) предстояло в сжатые сроки сформировать большее количество дивизий, корпусов и армий на новой основе комплектования. 22 июня 1941 года была объявлена всеобщая мобилизация. Армия по штатам военного времени увеличивалась почти вдвое, а по сравнению с 1939 годом - более чем вчетверо.

Это потребовало резкого повышения количества командного состава, военных специалистов различного назначения. А времени на их качественную подготовку практически не было.

Сейчас много говорят и пишут об ущербе, нанесенном военным кадрам сталинскими репрессиями. Да, это был жестокий ущерб. Но его влияние на качество укомплектования и развертывание армии военного времени вряд ли следует преувеличивать. Ведь подавляющая часть командиров дивизий, корпусов, командующих армиями, войсками фронтов служили в Красной Армии к началу Великой Отечественной войны 10-15 и более лет, они вынесли на своих плечах всю тяжесть военного лихолетья. Главное было в другом - их быстрые продвижения по службе в период развертывания армии не дали возможности приобретать необходимый опыт командования подчиненными им частями, соединениями, службами.

Немецкая армия перед нападением на СССР не только была отмобилизована, укомплектована, слажена и подготовлена, но и обладала определенным боевым опытом, который в различных масштабах приобретался ею с 1935 года.

Красную Армию война застала, когда в ней происходил широкий процесс формирования, доукомплектования, развертывания боевой подготовки большинства соединений и частей, которые были вынуждены вступать в сражения с войсками уже подготовленной немецкой армии. Запоздалое развертывание кадровой армии по численности и подготовленности до штатов военного времени явилось одной из главных причин больших ее потерь в начальном периоде войны.

Не все благополучно обстояло в техническом оснащении Советских Вооруженных Сил. Начавшееся в конце 20-х и начале 30-х годов развитие инду-

стриальной и научно-технической базы страны не позволяло сразу конструировать и производить наиболее перспективные образцы вооружения. за 10-12 лет до войны было выпущено большое количество оружия и техники, которые быстро отставали от требований времени, устаревали, их необходимо было снимать с производства и заменять новыми. Оборонные отрасли промышленности Раздел IIне справлялись с этим. При формировании большого количества соединений и частей использовались все имевшееся вооружение, в том числе и те образцы, которые следовало бы снять с оснащения армии.

Особенно неблагоприятное положение сложилось в танковых войсках. из 22,6 тыс. танков Красной Армии одна треть (7,2 тыс. единиц) имели противопульную броневую защиту (6-13 мм), а половина из них - лишь пулеметное вооружение. Основу танкового парка составляли Т-26 и БТ-7, однако и они перед войной в 1939-1940 гг. были сняты с производства как не имеющие перспективы. Новых же танков - КВ и Т-34 к началу войны в войска поступило всего 1,4-1,5 тыс. единиц.

Естественно, оснащенные устаревшими образцами танков развертываемые механизированные корпуса не могли обладать высокой боевой устойчивостью и возможностями. Они не выдержали ударов немецко-фашистских танковых группировок. В июле-августе 1941 года все механизированные корпуса были или разгромлены, или расформированы из-за понесенных больших потерь. Красная Армия в первые месяцы войны лишилась своей ударной и маневренной силы. Основу группировок войск фронтов стали составлять лишь стрелковые дивизии и бригады, которые несли большие потери в противоборстве с немецко-фашистскими ударными группировками.

Значительные потери в начальном периоде войны наносила советским войскам немецкая авиация. Фактически она господствовала в воздухе. Ей на первых порах не могла успешно противостоять авиация Красной Армии. 76% бомбардировщиков были устаревших типов. 60% истребителей, в том числе и новых предвоенных модификаций, имели лишь пулеметное вооружение, которое было недостаточно эффективным в воздушных боях с авиацией противника.

На повышение потерь советских войск в первом периоде войны оказало влияние и то, что стрелковые дивизии Красной Армии почти в 3 раза уступали по боевым возможностям немецким пехотным. В них было меньше автоматического стрелкового оружия, артиллерии, особенно противотанковой и зенитной, автомобилей, что резко снижало их маневренные возможности.

Все эти и ряд других причин были устранены лишь к концу 1942 - лету 1943 года, когда в Красной Армии были сформированы и начали успешно применяться в операциях танковые и механизированные корпуса, отдельные танковые и самоходно-артиллерийские бригады и полки, артиллерийские дивизии, воздушные армии, когда командные кадры приобрели опыт ведения оборонительных и наступательных боев и операций. Потери советских войск

стали сокращаться, а немецких, наоборот, возрастать. Война завершилась победой над Германией.

В печати, по радио и на телевидении очень много нареканий идет в адрес Министерства обороны по разным вопросам, в том числе и по учету потерь. В то же время Министерство Обороны произвело тщательный подсчет потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне.

Подробно об этом можно прочитать в уже изданном труде "Гриф секретности снят..." Однако, такого нельзя сказать о других ведомствах - наркоматах внутренних дел, путей сообщения, связи, морского и речного флотов, строительства и других. В Генеральном штабе нет данных о их потерях во время войны. А ведь может быть это помогло бы "расшифровать" неопределенные потери СССР, численностью в 2,5-3 млн. человек.

О неизвестных захоронениях и увековечении памяти погибших воинов. не вполне оправдано сейчас говорить, что миллионы защитников Родины периода Великой Отечественной войны до сих пор не захоронены. по Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1946 года было проведено захоронение и перезахоронение павших воинов (с учетом хозяйственной деятельности) на всей территории, где велись боевые действия. В 1944-1946 гг. осуществлялось повсеместное разминирование этой местности.

Тем не менее, останки незахороненных воинов обнаруживались, особенно в труднодоступных местах. В Генеральном штабе в 1989-1990 гг. было проведено документальное исследование мест неизвестных захоронений воинов. Это относилось, главным образом, к территории, где советские войска попадали в окружение или быстро отходили и где захоронение погибших воинов осуществлялось немецкими оккупационными властями. В то время были составлены карты, которыми обеспечивались военные округа и военные комиссариаты с таким расчетом, чтобы они оказали помощь поисковым группам, местным органам власти по обнаружению и захоронению, а если потребуется, то и перезахоронению останков воинов. Конечно, нельзя исключать, что где-то могут обнаруживаться незахороненные, но это единицы, может быть десятки, но никак ни сотни и даже тысячи.

К сожалению, сейчас большим вопросом остается установление личностей захороненных, учет и паспортизация захоронений, увековечение памяти захороненных. И эта работа не только и не столько Министерства обороны, а государства. Воины служили и служат государству, во имя защиты его интересов они проливали и проливают кровь, погибали и погибают. И долг, в первую очередь, государства (естественнно не без участия военного ведомства) с почестями предать земле, достойно увековечить память воинов, отдавших жизни за Отчизну.

А.А.Печенкин
(Вятский государственный технический университет)

Потери советского генералитета в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. - 9 мая 1945 г.)

В 1963 году авторский коллектив под руководством генерала армии А.П.Белобородова на основании материалов Главного управления кадров Министерства обороны СССР опубликовал справочно-статистическое исследование о советских военых кадрах в Великой Отечественной войне[1]. В этой книге были подведены итоги кропотливой работы по установлению потерь офицерского состава и приведен список из 421 фамилии генералов и адмиралов, погибших, пропавших без вести, умерших от болезней и по другим причинам в годы Великой Отечественной войны. Эта же цифра повторяется в современных публикациях о потерях[2]. Однако здесь необходимы уточнения. Во-первых, список нельзя признать исчерпывающим, так как в нем отсутствуют 13 генералов, чья жизнь оборвалась в период войны. Во-вторых, в список по ошибке включены 5 человек, смерть которых наступила уже после победы. Нам представляется, что нельзя в данном случае выходить за установленные хронологические рамки (22.6.1941 - 9.5.1945 г.). Иначе пришлось бы считать многих генералов, умерших в первые послевоенные месяцы. Упомянутые в списке генерал-майоры В.А.Витвинин и А.А.Вахрушев умерли от болезней 15 и 19 мая, а генерал-майор В.В.Циркович умер от ран 24 октября 1945 года. Начальник Управления военно-морских учебных заведений контр-адмирал К.И.Самойлов и заместитель начальника кафедры общей тактики военной академии им. Фрунзе генерал-майор Г.С.Дьяков были арестованы по ложным обвинениям и всю войну находились в тюрьме. 21 декабря 1945 года начальник Главного управления контрразведки “СМЕРШ” В.С.Абакумов доложил И.В.Сталину о 36 высших офицерах, содержавшихся под арестом, и просил санкции на предание их суду[3]. Среди перечисленных в документе лиц, были Самойлов и Дьяков. Поскольку эти люди погибли после окончания Великой Отечественной войны, на наш взгляд, было бы правильно исключить из общего списка пять фамилий. Одновременно следует дополнить список еще одной фамилией: Максимов Владимир Константинович - генерал-майор, командуя 24-й гвардейской механизированной бригадой, отличился при форсировании Днепра и был удостоен звания Героя Советского Союза (17 октября 1943 г.); с 1944 г. был заместителем командира 7-го гвардейского механизированного корпуса; 19 апреля 1945 г. погиб в бою на подступах к Берлину[4]. Таким образом, после исключения пяти фамилий и добавления одной в списке останется 417 человек.

Особо следует сказать о генералах, погибших в результате необоснованных репрессий. В опубликованной справке Главного управления кадров сообщает-

ся, что жертвами репрессий в годы войны стали 20 генералов[5]. по нашим подсчетам, реальная цифра в полтора раза больше - 31. Ошибка кадровиков вполне объяснима: реабилитация погибших растянулась на несколько лет, поэтому сведения об одних генералах были внесены в документы ГУКа, а о других нет.

Новая волна репрессий началась весной 1941 г. 9 апреля Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление "об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии", в котором отмечалась неспособность руководства Военно-Воздушных Сил (ВВС) наладить дисциплину и добиться снижения аварийности[6]. Заместитель наркома обороны и начальник ВВС КА П.В.Рычагов был снят с занимаемых должностей, а начальник Управления дальнебомбардировочной авиации И.И.Проскуров был отдан под суд. Они оба были Героями Советского Союза и генерал-лейтенантами авиации. Спустя три недели Политбюро поручило Прокурору СССР рассмотреть дело Проскурова в суде и, учитывая его заслуги перед Красной Армией, "ограничиться общественным порицанием"[7].

В конце мая принимаются решения о снятии с занимаемых должностей группы генералов как не справившихся со своими обязанностями и не обеспечивших руководство боевой подготовкой. В их числе оказались помощник командующего ВВС Прибалтийского Во генерал-лейтенант авиации П.А.Алексеев, помощник командующего ВВС Орловского ВО Герой Советского Союза генерал-майор авиации Э.Г.Шахт и командующий ВВС МВО Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации П.И.Пумпур[8]. Вначале их обвиняли в упущениях по работе, приведших к высокой аварийности в летных частях, а затем было сфабриковано дело о военном заговоре. 3 июня 1941 г. следствие по делу Пумпура было передано органам НКГБ СССР[9]. на следующий день "за нарушение порядка в подборе кадров и протаскивание на руководящие посты ВВС непроверенных и политически сомнительных людей" был снят с должности начальник Управления кадров ГУ ВВС В.П.Белов[10]. В июне органы госбезопасности арестовали бывшего заместителя наркома обороны и командующего Прибалтийским особым военным округом генерал-полковника А.Д.Локтионова, начальника Главного управления ПВО Героя Советского Союза генерал-полковника Г.М.Штерна, помощника начальника Генштаба дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Я.В.Смушкевича, начальника штаба ВВС КА генерал-майора авиации П.С.Володина, заместителя командующего ВВС Ленинградского военного округа генерал-майора авиации А.А.Левина, начальника военной академии командного и штурманского состава ВВС генерал-лейтенанта авиации Ф.К.Арженухина, командующего ВВС Юго-Западного фронта Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Е.С.Птухина, работников Главного артиллерийского управления генерал-майоров Г.К.Савченко и М.М.Каюкова, а также генералов П.А.Алексеева, И.И.Проскурова, П.И.Пумпура, Э.Г.Шахта и П.В. Рычагова.

После первых военных неудач И.В.Сталин санкционировал арест группы руководителей Западного фронта во главе с Героем Советского Союза генера-

лом армии Д.Г.Павловым, а 16 июля подписал постановление ГКО о предании суду генералов и политработников “за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление позиций”[11]. Постановление было зачитано во всех воинских частях и подразделениях. Устраивая судилище над боевыми генералами, Сталин стремился снять с себя ответственность за военные неудачи и переложить ее на плечи казненных. С июля по сентябрь 1941 г. были расстреляны генерал армии Д.Г.Павлов, генерал-лейтенанты П.С.Кленов, Н.А.Клич, генерал-майоры С.Г.Галактионов[12], В.С.Гончаров, А.Т.Григорьев, К.М.Качанов, В.Е.Климовских, А.А.Коробков, С.И.Оборин.

Следствие по делу о заговоре генералов длилось несколько месяцев. Когда в октябре 1941 г. под Москвой сложилось критическое положение, генерал-майора С.М.Мищенко[13] и генерал-лейтенанта авиации П.А.Алексеева приговорили к высшей мере наказания и расстреляли, а остальных “заговорщиков” 16 октября эвакуировали в Куйбышев. Но уже через два дня Л.П.Берия распорядился прекратить следствие и расстрелять 20 человек. 28 октября в районе Куйбышева были расстреляны генерал-полковники А.Д.Локтионов и Г.М.Штерн, генерал-лейтенанты Ф.К.Арженухин, И.И.Проскуров, П.В.Рычагов, Я.В.Смушкевич, генерал-майоры П.С.Володин, М.М.Каюков, Г.К.Савченко[14]. В феврале 1942 г. по решению Особого Совещания НКВД СССР были расстреляны генерал-лейтенанты К.М.Гусев, Е.С.Птухин, П.И.Пумпур[15], И.В.Селиванов, Н.И.Трубецкой, генерал-майоры А.А.Левин[16], А.И.Таюрский, Э.Г.Шахт. В том же году погиб генерал-майор Н.Д.Гольцев. В последующие годы генералов не расстреливали. В 1943 г. в лагере умер осужденный на 10 лет бывший командующий Лужской оперативной группой Северного фронта генерал-лейтенант К.П.Пядышев[17]. Перечисленные выше генералы были реабилитированы в 1953-1961 гг. Но 12 из них не попали в официальный список безвозвратных потерь: П.А.Алексеев, Ф.К.Арженухин, П.С.Володин, С.Г.Галактионов, М.М.Каюков, А.А.Левин, С.М.Мищенко,

Таблица 1

Распределение безвозвратных потерь по годам войны

Звание	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Маршал Советского Союза					1	1
Генералы армии	1	1	1	1	4	
Генерал-полковники	3			3		6
Генерал-лейтенанты	13	19	11	16	5	64
Генерал-майоры	84	63	75	84	40	346
Вице-адмиралы			1		1	2
Контр-адмиралы		2	2		2	6
Итого	101	84	90	104	50	429

Таблица 2

Распределение потерь генералитета по времени и обстоятельствам смерти

Обстоятельства смерти	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Погибли в боях	51	39	41	37	17	185
Умерли от ран	10	10	13	16	12	61
Пропали без вести	10	2	2			14
Подорвались на минах		1	2	6		9
Погибли в плену	3	6	6	5	3	23
Во избежание плена покончили жизнь самоубийством	1	3				4
Покончили жизнь самоубийством	1	1	1			3
Репрессированы и посмертно реабилитированы	21	9	1			31
Погибли в авиакатастрофе	1	2		4	5	12
Погибли в автомобильной катастрофе			1	4	1	6
Погибли в результате несчастного случая			1	1		2
Умерли от болезней	3	11	22	31	12	79
Итого	101	84	90	104	50	429

А.Д.Локтионов, П.И.Пумпур, К.П.Пядышев, Н.И.Трубецкой и Г.М.Штерн. Таким образом, общая цифра безвозвратных потерь высшего офицерского состава (417 плюс 12) - 429 человек, из них 1 Маршал Советского Союза (Б.М.Шапошников), 4 генерала армии (И.Р.Апанасенко, Н.Ф.Ватутин, Д.Г.Павлов, И.Д.Черняховский), 6 генерал-полковников (Н.Г.Захаркин, М.П.Кирпонос, К.Н.Леселидзе, А.Д.Локтионов, В.И.Пестов и Г.М.Штерн), 64 генерал-лейтенанта, 2 вице-адмирала, 346 генерал-майоров и 6 контр-адмиралов.

Из таблицы 2 видно, что 296 из 429 составили боевые потери (погибшие в боях, умершие от ран, пропавшие без вести, подорвавшиеся на минах, погибшие в плену и застрелившиеся во избежание плена). Потери в боях достигают 43% от общих потерь (185 из 429), умершие от ран - 13,2%, погибшие в плену - 5,35%.

Небоевые потери - 133 человека. В этой категории самую большую группу составили умершие от болезней - 79 человек или 18,37%. Немало оказалось и репрессированных генералов -31 человек, что составляет 7,2% общих потерь. Остальные виды потерь укладываются в интервал от 0,5 до 3%.

Наибольшие потери пришлись на 1941 год, когда за 6 месяцев погиб 101 человек, причем 75% составили боевые потери. В 1944 году погибло 104 генерала, однако здесь был наибольший за всю войну объем небоевых потерь: 30% умерли от болезней и более 7% погибли в катастрофах и от несчастных случаев.

Общая численность генералов, адмиралов и маршалов в период Великой Отечественной войны достигала 6 тыс. Потери высшего офицерского состава - 429 человек, то есть 7%.

1. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне, 1941-1945. М., 1963.

2. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 321.

3. Военно-исторический журнал. 1992. N 12. С. 18.

4. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. М., 1988. Т. 2. С. 20.

5. Военно-исторический журнал. 1991. N 6. С. 76.

6. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее - РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1037. Л. 34.

7. Там же. Д. 1039. Л. 12.

8. Там же. Д. 1039. Л.21-22; Д. 1040. Л. 69.

9. Там же. Д. 1040. Л. 40.

10. Там же. Л. 40-41.

11. Военно=исторический журнал. 1992. N 4-5. С. 19.

12. Там же. С. 23.

13. Военно-исторический журнал. 1993. N 8. С. 71.

14. Ваксберг А.И. Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 61, 64.

15. Герои Советского Союза. Т. 2. С. 332.

16. Левин А.А. Перебитые крылья. М., 1994. С. 139.

17. Португальский Р.М., Доманк А.С., Коваленко А.П. Маршал С.К.Тимошенко: Жизнь и деятельность. М., 1994. С. 98.

В.В.Гуркин
(МО РФ)

О людских потерях вермахта на советско-германском фронте и во Второй мировой войне

Данная работа - попытка показать, что не только вооруженные силы Советского Союза понесли в годы Великой Отечественной войны большие людские потери, но и наши противники -государства фашистского блока, и прежде всего Германия, а также Венгрия, Италия, Румыния, Финляндия, Словакия - несли потери и притом немалые.

Для выявления потерь вооруженных сил Германии и ее союзников потребовалось исследовать большое количество документальных материалов, хранящихся в архивах нашей страны и за рубежом. Были изучены также многие зарубежные публикации, связанные с людскими потерями во Второй мировой войне. Однако отсутствие полного комплекта необходимых документов не позволяло окончательно решить данную проблему. Пришлось выявлять и анализировать документальные материалы не только о самих потерях, но и о численности вооруженных сил, поступившем пополнении, а также числа военнослужащих, призванных в вооруженные силы в ходе войны. Только совокупность всех этих данных позволяет определить действительные людские потери вооруженных сил, поскольку число погибших и выбывших из них по другим причинам должно соответствовать их общей численности, а они в свою очередь - числу призванных.

В соответствии с этими требованиями был разработан ряд таблиц, из которых представлены две, обобщающего характера.

При рассмотрении предлагаемых таблиц необходимо учитывать следующее.

В таблицах показаны только безвозвратные потери вооруженных сил (убитые, умершие в годы войны в госпиталях и на этапах эвакуации, пропавшие без вести и военнопленные).

Санитарные потери (раненые, больные, в т.ч. уволенные из армии на длительный срок и инвалиды) в них не учитываются.

В таблицах не учтен, из-за отсутствия данных, личный состав и потери членов национал-социалистической партии, тайной государственной полиции ("гестапо"), службы безопасности ("СД"), полевой военной полиции на оккупированной территории, а также военизированных формирований, таких как "фолькштурм", строительные подразделения организации "Тодт", отряды трудовой воинской повинности. Последние выполняли задачи по обеспечению боевой деятельности войск, аналогичных нашим строительным, железнодорожным и дорожным частям фронтов. У нас они относятся к военным потерям, в Германии - к гражданскому населению. не включены в таблицу 1 воинские формирования, воевавшие на стороне фашистского бло-

ка, но в состав вермахта Германии не входившие (Армия Власова, пехотный и кавалерийский русские корпуса и другие).

Трудности в разработке таблицы заключались в том, что национальный состав вермахта Германии был весьма неоднороден. Так, за годы войны в него было призвано более 1800 тыс. граждан других государств (австрийцы, французы, судетские немцы, чехи, поляки, прибалты, "фольксдойче"* и др.), а в армии Венгрии и Румынии - граждане Словакии, Закарпатской Украины и Молдавии. Только Австрия сформировала 25 дивизий, из которых 16 действовали на советско-германском фронте. Всего же в вооруженных силах Германии было 8 инонациональных дивизий (испанская, хорватские, русские и др.), в войсках "СС" - 26 добровольческих дивизий, укомплектованных гражданами различных национальностей (венгры, датчане, бельгийцы, голландцы, поляки, чехи, итальянцы, норвежцы, латвийцы, литовцы, эстонцы, украинцы и т.д.).

Так, на 1 июня 1944 года численность этих формирований составила 486,6 тыс. человек, из которых 333,4 тыс. действовали на советско-германском фронте.

В войну против Советского Союза гитлеровское руководство пыталось вовлечь народы оккупированных стран.

Так появились легионы "Фландрия", "Валлония", "Дания", "Нидерланды", норвежские, хорватские и французские полки и батальоны, а также легионы, созданные из народов, населявших СССР (армянские, грузинские, азербайджанские, мусульманские, прибалтийские, восточные батальоны "Днепр", "Березина", "Волга" и др.). по докладу начальника Генштаба сухопутных сил генерала Цейцлера в июне 1943 г. в сухопутных войсках Германии было 78 батальонов и один полк, а также отдельные охранные роты и легкие отряды численностью 60 тыс. человек. Учитывались ли потери этих формирований - в немецких документах точного ответа нет.

Кроме воинских формирований, создаваемых из граждан Советского Союза, в обозах и тыловых службах немецкой армии находилось немалое число советских военнопленных и граждан, проживавших на оккупированной немцами территории. Эти "добровольные помощники" "Hilfwiller", согласившиеся помогать немецкой армии, использовались повозочными в обозах, в мастерских и на кухне в качестве подсобных рабочих. Их процент в частях был различен и зависел от наличия конского состава и других обстоятельств. В среднем в пехотной дивизии насчитывалось до 10% таких "добровольцев", а в транспортных колоннах - до 50% (из пяти повозочных только один был немец). на довольствие они зачислялись, в число же потерь воинской части не включились, а таких было до докладу генерала Цейцлера 220 тыс. человек.

Исследователю необходимо иметь в виду, что размеры людских потерь в войне во многом зависят от географических границ государства. Например,

* Лица немецкой национальности, проживающие в других государствах.

потери Германии в границах 1937 года одни, а с учетом захваченных территорий в 1938-1939 гг. -другие. Немецкие авторы безвозвратные людские потери Германии (убитые, умершие от ран и не вернувшиеся из плена) считают в границах 1937 года, потери же народов других государств, призывавшихся в вермахт и особенно служивших в войсках "СС", к своим потерям не относят. Аналогичное положение с довоенной и послевоенной территориями Венгрии и Румынии. Так, Румыния в 1941-1944 гг. призывала в свою армию молдаван, а их потери в войне против СССР отнесены к потерям Советского Союза.

Другим источником сложности в определении людских потерь является смешивание потерь военных с потерями гражданского населения. Характерно это как для Германии, так и Румынии (200 тыс. человек - военные потери; 260 тысяч - гражданского населения) и Венгрии (140 тыс. - военные и 280 тыс. - гражданское население). Все это значительно снижает действительные военные потери этих стран в ходе боевых действий на советско-германском фронте.

Особо следует сказать об общих членах "СС", полевой полиции и полиции безопасности на оккупированной территории. Так число общих членов "СС" в военные годы (не считая войск "СС"), колебалось в пределах от 257 тысяч (1941 г.) до 264 тыс. человек (1945 г.), а численность полицейских формирований, выполнявших задачи в интересах полевых войск в 1942-1944 гг. составляло от 270 до 340 тысяч человек. Все они носили военную форму.

Если людские потери войск "СС" проходят по донесениям сухопутных войск, то учет потерь службы безопасности, гестаповцев и эсесовцев из числа общих членов "СС", а также полицейских формирований по существу отсутствует. Между тем известно, что на всех захваченных территориях европейских государств, в том числе оккупированной части Советского Союза была развернута сеть филиалов "гестапо" и полиции безопасности ("ЗИПО"), которые составляли основу военнной оккупационной администрации. Потери же этих организаций в немецких военных документах не проходят.

При определении безвозвратных людских потерь, особенно военнопленных, авторы встретились с большими трудностями и рядом противоречий. Прежде всего это связано с отсутствием полных данных о военнопленных, захваченных на Западе. Много путаницы происходит из-за союзников Германии, участвовавших в боях на Западном и Восточном фронтах. Речь идет о пленных Италии, Болгарии, Венгрии, Румынии и Хорватии, которые в ряде материалов зачислялись в людские потери Германии, что приводило к путанице в определении действительных потерь ее вооруженных сил. Известно, что некоторое небольшое число мужского населения этих стран находилось в составе добровольческих соединений войск "СС". Однако основная масса служила в своих армиях и их потери должны расчитываться самостоятельно, отдельно от вооруженных сил Германии.

Так, по донесениям фронтов Советской Армии ими в период с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. было пленено 3777290 солдат и офицеров противника. В действительности захвачено было больше, поскольку около 600 тыс. военнопленных было распущено фронтами без оформления каких-либо учетных документов. Большая часть из них не являлась гражданами Германии и было насильно мобилизована в вермахт из оккупированных территорий, другая часть - инвалиды и тяжело раненые, а около 94 тыс. человек умерли на армейских пунктах приема военнопленных или в пути, так и не достигнув тыловых лагерей НКВД.

Следовательно, общее количество военнопленных противника (вермахт Германии и ее союзники), захваченных на советско-германском фронте составит 4325290 человек.

Таблица 1

Расход численности личного состава вооруженных сил фашистской Германии (вермахта и войск "СС") в ходе Второй мировой войны (1939-1945 гг.) (без войск союзников Германии) в тыс. человек

Состояло на военной службе в вооруженных силах на 1 марта 1939 г.	3214
Призвано (мобилизовано в ходе Второй мировой войны (1.6.1939 г. - 30.4.1945 г.)	17893
Всего за годы войны привлечено в вооруженные силы с учетом служивших до 1 марта 1939 г.	21107
К моменту капитуляции:	
- оставалось в строю	4100
- находилось на излечении после ранения (болезни) в госпиталях на территории Германии	700
В ходе войны убыло (всего)	16307
из них:	
а) безвозвратные потери (всего)	11844
в том числе:	
- погибло, умерло от ран и болезни, пропало без вести	4457
- попало в плен	7387
б) другая убыль (всего)	4463
из них:	
- уволено по ранению и болезни на длительныйсрок как негодные к военной службе (инвалиды), дезертиры	2463
- демобилизовано и направлено для работы в промышленности	2000

В числе призванных в вермахт и войска СС в годы войны лица немецкой национальности составляли 16093 тыс. человек, граждане других государств 1800 тыс. человек. Среди них австрийцы, судетские немцы, французы, чехи, поляки, хорваты, венгры, бельгийцы, голландцы, датчане, прибалты, украинцы и др.

Из общего количества солдат и офицеров противника, служивших до войны и мобилизованных в ходе войны в вермахт, безвозвратные людские потери составили 11844 тыс. человек, из которых 4457 тысяч не вернулось

с войны. В их числе: немцев - 3600 тыс., австрийцев - 270 тыс., судетских немцев и эльзасцев - 230 тыс., граждан других государств, в т.ч. "фольксдойче" - 357 тыс. человек.

Изучение различных архивных источников и зарубежной литературы показало, что донесения о людских потерях вооруженных сил Германии, поступавшие в годы войны по линии оперативных штабов, медико-санитарной службы и кадровых органов, были близки к объективным до конца 1944 года. Потери последних месяцев войны, когда Германия терпела крупные поражения на всех фронтах, оказались по существу недокументированы.

Выявлены только неполные и весьма противоречивые данные о людских потерях полевых войск действующей армии с 22 июня 1941 г. по 31 марта 1945 г. и с 22 июня 1941 по 20 апреля 1945 г., а также в период с 11 по 20 апреля 1945 г. Между тем основные ошибки в исчислении потерь Германии падают именно на этот период, когда ее вооруженные силы несли наиболее ощутимые потери (убитыми, ранеными и особенно без вести пропавшими и пленными).

О трудностях в определении потерь в этот период указывается во всех зарубежных публикациях, поскольку расчеты носят очень приблизительный характер.

Последние документальные сведения о немецких потерях относятся к периоду после окончания военных действий в Европе. В них содержатся данные об общих людских потерях вермахта во Второй мировой войне, подготовленные на основе приблизительного расчета. Я имею в виду докладную записку

Таблица 2

Людские потери вооруженных сил Германии и ее союзников на советско-германском фронте с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г.

Категории людских потерь	Людские потери		
	вооружен.силы и войска "СС"	вооружен. силы союзников	всего
Безвозвратные потери	6549956	1468145	8018101
в том числе:			
- убито, умерло от ран и болезней, пропало без вести	3024576	668163	3692739
- попало в плен	3525380	799982	4325362
из них:			
вернулось на родину после войны	2652672*	662229	3314901
умерло в плену	474967*	137753	612720

* Без учета военнопленных и погибших из числа народностей Советского Союза, служивших в вооруженных силах и войсках СС Германии (около 398 тыс. человек).

ОКВ от 11 мая 1945 г. и радиограмму Отдела учета потерь вермахта от 22 мая 1945 г.

Обобщенные данные о потерях вермахта и войск "СС" на советско-германском фронте представлены в таблице 2.

Данные этой таблицы показывают, что безвозвратные людские потери вермахта и войск "СС" Германии на советско-германском фронте составили 6550 тыс. человек, из которых 2653 тыс. вернулось из плена. Безвозвратные же потери армий союзных Германии стран - 1468 тыс. человек, из которых 662 тыс. человек вернулось из плена.

Возвращенные из плена составили - 85%, а умершие в плену -15% от общего числа военнопленных, что ни в какое сравнение не идет с процентами советских военнопленных, умерших в плену и возвратившимися из плена.

Таким образом, можно констатировать - безвозвратные людские потери вооруженных сил государств фашистского блока на советско-германском фронте были огромны - более 8018 тыс. человек. В это число не входят войска, капитулировавшие после войны. Только перед Советской Армией сложили оружие 1500 тыс. человек.

И те, кто сегодня пытается преуменьшить потери Герании и преувеличивать потери Советского Союза, тот вольно или невольно оправдывает агрессию, фактически поощряет агрессора на будущее, что нельзя признать оправданным и гуманным.

Н.М.Алещенко
(ИРИ РАН)

О потерях населения Москвы в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. явилась тяжелейшим испытанием для трудящихся Москвы, прежде всего как столицы СССР, уже через три месяца ставшей прифронтовым, а затем и фронтовым городом. Именно эти причины и предопределили ее материальный ущерб и людские потери.

Тема о материальном ущербе не является предметом рассмотрения, хотя она и представляет важное значение в контексте "О потерях в годы Великой Отечественной войны". Поэтому рассмотрим лишь одно направление этой темы -"Потери населения".

В последнее время, и особенно в преддверии 50-летия Победы, на страницах периодческой печати, в средствах массовой информации (радио, телевидение) много говорится "об огромных потерях" СССР в годы войны, но, к сожалению, эти общие фразы в большинстве своем страдают отсутствием конкретики, хотя имеется ряд трудов историков, в которых сделана попытка на конкретных примерах раскрыть эту весьма важную проблему. Что касается жертв и потерь населения Москвы, то, насколько я знаю, работ, в которых бы всесторонне была рассмотренна эта проблема, практически нет, если не считать сообщения Олега Константиновича Матвеева (в журнале "Отечественная история". 1992. N 3) "Численность населения Москвы в годы Великой Отечественной войны". В нем приводятся интересные, в том числе сравнительные, данные об изменениях населения Москвы, о естественном его движении в Москве в ту войну, но автору видимо не удалось заполучить документов о потерях москвичей в боевых действиях и в других условиях, и наверное поэтому в его сообщении об этом ничего не сказано.

Хочу подчеркнуть, что добыть объективные и полные данные об этих потерях - непростое дело, и возможно никогда нам не удастся решить эту задачу. Ведь для того, чтобы получить полные и объективные данные о потерях в боевых действиях на фронте, в партизанских отрядах, истребительных батальонах, при строительстве оборонительных сооружений, во время налетов вражеской авиации на город, при эвакуации населения вглубь страны и др., требуется, например, проследить ход призванного в действующую армию из райвоенкомата, отправку его на фронт, участие в боевых действиях и возвращение самого или извещения о гибели опять в райвоенкомат, или в семью. Но это сделать практически невозможно. Следовательно, возможно добыть лишь примерные данные о потерях, но и они могут рассказать о многом.

Переходя к попытке на основании имеющихся справочных материалов показать людские потери Москвы в боевых действиях в годы Великой Отечест-

венной войны, хочу остановить внимание на ряде важных положений, без учета которых нельзя объективно оценить людские потери на фронте, в боевых действиях.

В печатных изданиях, в средствах массовой информации немало говорится, но бездоказательно, о "неоправданых потерях" в годы Великой Отечественной войны. И это понятно. Этого не могут сделать те, кто о той ожесточенной, страшной войне знают из книг, кинофильмов или рассказов, а сами, к счастью, не ощутили на себе армады самолетов, стремительных бросков танков, разрывов бомб, мин, снарядов, огненных струй огнеметов, вражеской атаки или контратаки об оправданных или неоправданных потерях могут заключать те, кто все это ощутил, выдержал, был непосредственным участником того страшного ада боев с гитлеровцами или же является добросовестным и честным исследователем. Если кто-то хочет себе представить, что же такое была та война, я, как участник, рекомендую при возможности посмотреть еще раз фильм "На Курской дуге". Считаю, что в нем наиболее ярко и справедливо показаны ужасы войны. Этот фильм может помочь избрать правильный подход к определению "оправданные" и "неоправданные" потери. При этом нужно иметь ввиду и то, что в той войне решалась судьба не только страны, России, нашей Родины, но и каждого советского человека.

Война есть война. На ней убивают, она без жертв не может быть. Но я обращаюсь к присутствующим: "Не поймите меня так, что в годы той войны все людские потери были оправданы, что их нельзя было избежать, или хотя бы уменьшить. Нет. Наверно были и оправданные и неоправданные жертвы. Но их нужно доказать конкретными фактами, а не голыми цифрами. Только тогда не будет общих фраз, если речь будет идти об отдельных боях, сражениях. Это будет историческая правда. Долг историков в своих трудах показывать именно такую правду". Я, участник боевых действий, утверждаю, что неоправданные потери были, но это были отдельные эпизоды, которые определялись конкретной обстановкой.

Что же необходимо было сделать, чтобы избежать неоправданных людских потерь в годы войны? На мой взгляд, следующее.

Среди гражданского населения (на примере Москвы).

Во-первых. Московскому Совету необходимо было в предвоенные годы создать специальные укрытия для жителей на случай воздушных налетов вражеской авиации: оборудованные убежища как по месту жительства, так и на предприятиях.

Во-вторых. Определить меры светомаскировки жилых домов и различных предприятий.

В-третьих. В целях дезинформации вражеской авиации заготовить необходимые средства для создания ложных объектов.

В-четвертых. Обеспечить население города средствами защиты от химического и бактериологического поражения.

В-пятых. Обучить население способам действия по сигналам "Воздушная тревога".

Были ли перед войной Моссоветом решены эти задачи? Да, на 99 процентов они были решены. Имеются убедительные подтверждения этому. Если же кого-то это интересует, ответ можно найти в книге "Московский Совет в 1941-1945 гг."

А как можно было избежать неоправданных потерь на фронте?

На этот вопрос отвечает опыт Великой Отечественной войны. Краткий ответ можно свести к следующим мерам.

Во-первых. Обучение участников (бойцов и командиров) боевых действий умелому сражению с врагом в любых условиях, то есть обучение высокому боевому мастерству, использованию вверенного оружия и воспитание высокого морального духа для победы над врагом.

Во-вторых. Обеспечение каждого воина необходимыми средствами защиты.

В-третьих. Всестороннее знание противника.

В-четвертых. Замысел командира и четкая постановка воинам задач перед боем и на проведение боя, обратив особое внимание на взаимовыручку и подстраховку в бою.

Встает вопрос: а было ли так на фронте в годы Великой Отечественной войны? Многие тысячи документов (боевых приказов), находящиеся на хранении в архивах Министерства Обороны, мои воспоминания показывают, что в основном так и было, особенно начиная со второй половины 1942 года, когда более-менее наступила стабилизация в боевых действиях Красной Армии.

В первый же период войны, когда войскам Красной Армии, проявлявшим невиданный героизм и самоотверженность, приходилось не только обороняться, но и под натиском превосходящих сил фашистской Германии отступать, когда зачастую было очень сложно и трудно разобраться в обстановке, когда часто приходилось вступать в непредвиденный бой, бесспорно указанные азбучные истины не всегда выполнялись. Это и приводило к большим потерям. об этом, например, свидетельствуют и потери москвичей.

По учтоненным данным на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками в годы войны Москва послала более 1100 тыс. чел., в том числе около 300 тыс. чел. в народное ополчение и в другие формирования. В Москве было сформировано и отправлено в тыл врага более 20 партизанских отрядов, 377 истребительных диверсионных групп[1].

Анализ документов, личных дел, учетных карточек призванных в действующую армию москвичей показывает, что не было участка боевых действий, где бы с первого и до последнего дня войны не сражались с врагом москвичи, и безусловно не было боя, с которого бы все возвращались живыми и здоровыми. Особенно это относится к первым месяцам войны. по данным картотеки Книги "Память" в первые месяцы войны 85% призванных москвичей пропали без вести[2]. Только под Боровском в октябре 1941 года из 6852 бойцов и командиров 110-й стрелковой дивизии убитые и раненые составили 6179 чел.[3]

Как же распределяются потери москвичей в годы войны? По далеко неполным даным их не вернулось с полей сражений более 378 тыс. человек - почти каждый третий из призванных, 180 тысяч пропали без вести, около 39 тыс. умерли от ран и болезней в госпиталях и больницах. Причем, среди потерь больше всего составляют воины 1922 года рождения - 14397 человек, 1923 года рождения - 13725 человек. Среди старших возрастов: 1910 года рождения - 12616, 1911 г. - 12440, 1912 г. - 13812, 1913 г. - 12728 человек. Остальных годов -по 10-11 тысяч человек. Потери по времени распределяются: в первые шесть месяцев войны - 22%, в 1942 г. - 32, в 1943 г. - 23, в 1944 г. - 13 и в 1945 г. - 6% [4]. Что касается потерь в партизанских отрядах и в диверсионных группах, то нам, к сожалению, таких данных найти пока не удалось.

Наряду с потерями москвичей в боевых действиях на фронте необходимо вспомнить и о потерях в других условиях. Это прежде всего потери городского населения Москвы во время налетов вражеской авиации на город. Известно, что гитлеровское командование предприняло попытку провести первый налет 200 самолетами на Москву в ночь на 22 июля 1941 года. Войска ПВО, формирования столицы, сами москвичи смело и самоотверженно встретили фашистских стервятников и всех не допустили к Москве. 22 вражеских самолета были сбиты на подступах к столице. Сквозь мощный заслон, лишь нескольким из них удалось прорваться к городу, но они не смогли принести ему существенные жертвы и разрушения[5]. Всего же до 22 декабря 1941 г. фашистская авиация совершила 8278 самолетовылетов (122 налета). К городу прорвались 229 самолетов. Они сбросили на Москву 1445 фугасных и 45 тыс. зажигательных бомб. 852 гитлеровских самолетов были сбиты на дальних подступах и под Москвой[6]. Что касается людских потерь, то благодаря хорошим действиям наших укрытий и организованным действиям москвичей, они были невелики. за 5 месяцев войны из очагов поражения в больницы было доставлено 860 пострадавших. Всего же от бомбометания погибло 1235, тяжело ранено 2293 и легко - 3113 человек[7].

В первые месяцы обороны Москвы около 500 тыс. ее жителей, в том числе 75% женщины, участвовало в создании оборонительных сооружений вокруг Москвы и в самом городе. В дождь и слякоть, трескучий мороз, при бреющих налетах фашистских асов они не отступали, превращали Москву в неприступную крепость. Но были и жертвы. от вражеских пуль и осколков разорвавшихся бомб на тех стройках погибло около 100 и ранено почти 200 чел.[8]

Приведенные данные показывают, что в первый период войны больше всего погибало в боях не кадровых, а только что призванных и не обученных, не имевших достаточного опыта ведения боя москвичей. При подготовке не - только к войне в целом, но и к каждому боевому сражению, к каждому бою, к защите или овладению каждым населенным пунктом, нужно подходить с государственной, гражданской ответственностью, тщательно готовиться. Это поможет не только успешно выиграть бой, сражение, войну, но и избежать

больших и неоправданных потерь, чему наглядный пример - нынешняя война в Чеченской республике.

1. Книга "Память". М., 1955. Т. 1. С. 9, 10.
2. Там же. С. 61.
3. Там же. С. 25.
4. Там же. С. 2.
5. Москва - фронту: Сборник документов. М., 1966. С. 15.
6. Там же. С. 93, 107, 108.
7. Там же. С. 105, 107.
8. Архив мэрии. Фонд МПВО: Отчет об итогах строительства оборонительных сооружений в 1941 г.

Г.П.Лежава
(Институт этнологии и антропологии РАН)

О потерях Грузинской Республики в Великой Отечественной войне

Нападение фашистской Германии на Советский Союз было воспринято народами СССР как общая беда. В дни мобилизации молодежь Грузии заполняла военкоматы. Студенты Тбилиси, даже последних курсов, шли добровольцаии на фронт, несмотря на отсрочку до окончания института.

За годы войны из Грузии было мобилизовано 700000 чел.[1], что составляло одну пятую часть населения республики. Среди них 46 генералов и адмиралов, 23000 офицеров. В армию ушли 16000 женщин. Напомним, что по переписи 1939 г. население республики составляло 3540023 чел., в том числе грузин - 2173922 [2].

Грузия поставляла значительное количество вооружения, боеприпасов, обмундирования и продовольствия фронту. Черноморский военно-морской флот снабжался углем только из Грузии после того, как Донбасс был оккупирован немцами, из бассейнов городов Ткварчели и Ахалцихе.

Представители Республики Грузия с первых дней начала войны принимали участие в боях на всех фронтах Отечественной войны и стояли насмерть вместе со всеми представителями народов СССР.

В первые дни декабря 1941 года в боях под Москвой активное участие принимали полковники П.Г.Чанчибадзе и К.Н.Леселидзе.

В освобождении Подмосковья - Щекино, Калуга, Ясная поляна, Сухиничи, Козельска и других населенных пунктов - особенно отличились части полковника К.Н.Левелидзе, за что он был произведен в звание генерал-майора артиллерии[3], (занимал впоследствии должность начальника артиллерии стрелкового корпуса и армии (1941-1942 гг.), командующего 46-й, 47-й и 18 армии (1942-44 гг.), участвовал в битвах за Кавказ и Правобережную Украину, был награжден многими орденами и медалями. Ему были присвоены звания генерала-полковника и Героя Советского Союза).

К сожалению, мы не имеем официальных конкретных данных о представителях Грузии, погибших в битвах за Москву, однако можно считать, что потери были весьма значительные, о чем свидетельствуют многочисленные фотопубликации и документы в печати военного периода.

Летом 1942 года немецко-фашистские войска вышли к предгорьям Главного Кавказского хребта и в августе 1942 года предприняли попытку прорваться в Абхазию (Грузинская ССР). Танковая армада врага застряла в 25 км от Туапсе, и 7 км от Орджоникидзе. Осуществляя план "Эдельвейс", верховное командование Вермахта и лично Гитлер надеялись, используя многонаци-

ональный состав народов Кавказа, внести раскол в их среду и настроить их против русского населения.

Этот план провалился. Все народы Кавказа встали на защиту Родины. Многие из них погибли в этих боях. Керчинская операция была названа "могилой грузин", здесь погибло несколько тысяч сынов Грузии.

Представители Грузинской республики участвовали в сражениях на Северном Кавказе, Крыму, многие дошли до Берлина.

Немало грузин участвовали в свобождении Украины. В Никопольском районе, в селении Апостолово 13 февраля 1944 года пал в боях брат автора этих строк Лежава Вахтанг Акакиевич, старший лейтенант, командир минометной роты, которому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя высечено на мраморном стенде погибших героев на горе Победы в Киеве. В Керчи на горе Митридат высечено имя сержанта В.И.Джорбенадзе, в Севастополе на Сапун-горе -имена подполковника В.И.Никурадзе и лейтенанта К.В.Микаберидзе. А около Севастополя в районе совхоза "Золотая долина" захоронены в братской могиле воины 414-й грузинской дивизии по своему составу на 1 декабря 1943 года там числилось: 4995 - грузин, 909 - русских, 339 - украинцев, 50 - армян, 26 - азербайджанцев, 25 - узбеков, 20 - татар и представителей других национальностей - 240 человек, т.е. грузины составляли в дивизии 75,6% общего состава.[4]

Кроме прямых военных утрат Грузинская республика понесла, как и вся Советская страна, большие потери гражданского населения. Голод, систематическое недоедание, отсутствие топлива, эпидемии, инфекционные заболевания унесли тысячи жизней.

9 мая 1945 года Грузия со всей страной праздновала победу над фашизмом. Дорогой ценой далась эта великая победа - 350000 сыновей и дочерей Грузии пали в боях с фашистскими захватчиками. Следовательно, половина всех мобилизованных была потеряна на фронтах Отечественной войны, примерно одна десятая часть всего населения Грузии.

Потери населения Грузии не закончились с окончанием Отечественной войны. После тяжелых ранений, сердечных и нервных заболеваний вызванных войной, в Грузии ежегодно погибали тысячи человек. из 350 тысяч вернувшихся воинов на 1 марта 1995 года осталось всего 33 тысячи человек[5].

50 лет прошло после Великой Победы, но имена всех, кто отдал свою жизнь за Родину, навсегда останутся в сердцах грузинского народа.

1. Текущий архив Грузинского Комитета ветеранов ВОВ за 1995 год.
2. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992. С. 205.
3. Разгром немецко-фашистских войск. М., 1964. С. 399.
4. Текущий архив Грузинского Комитета ветеранов ВОВ за 1995 г.
5. Там же.

В.И.Пасат
(Посольство Молдовы в России)

Потери Республики Молдова в годы второй мировой войны.

Пятьдесят лет отделяют нас от окончания Второй мировой войны. Чем дальше река времени уносит нас от событий прошедших лет, тем понятнее становится, что этот юбилей - целая историческая веха в истории наших народов, это момент гордости, момент памяти, момент размышления и взгляда в будущее. Сейчас больше, чем когда-либо нужно помнить, как непросто и неоднозначно складывалась наша судьба, наша история.

В новых исторических условиях необходимо спокойно, без эмоций, пышных фраз и оскорбительных ярлыков размышлять, думать, изучать прошлое, делать правильные объективные выводы, освещать историю народов СССР, в том числе и историю молдавского народа такой, какой она была. Это требует серьезного и основательного анализа исторического значения всего нашего опыта, всего того, что было сделано народами СССР за весь пройденный ими путь. Необходимо особое внимание уделять основным историческим событиям, определившим судьбу народов на долгие годы. К таким историческим событиям по праву можно отнести вторую мировую войну и Великую Отечественную войну как составную ее часть.

Хотим мы того или нет, но события, произошедшие в Молдове во время второй мировой войны, навсегда останутся в исторической памяти молдавского народа как самые трагические моменты в его многовековой истории. Независимо от того, что мы, историки, говорили и писали до недавнего времени об этих событиях, чего не видели или не хотели видеть. Следы войны обнаруживаются всюду, особенно в последнее время, когда появилась возможность исследовать и опубликовать ранее запретные, секретные документы и материалы, на основе которых просматривается полная картина событий 40-х годов в Молдове.

Новые архивные данные, документы и материалы свидетельствуют о тех испытаниях и страданиях, которые выпали на долю молдавского народа в годы второй мировой войны.

В силу известных обстоятельств и молниеносных событий 26-28 июня 1940 года правобережная часть Молдовы была включена в состав Советского Союза. Как и в Балтийских республиках, в Молдове начались коренные политические, социальные, экономические и национально-культурные процессы и изменения, характерные для хода социалистического строительства в основной части СССР. Молдова стала составной частью сложившейся в 30-40-х годах в Советском Союзе системы, неотъемлемыми свойствами которой были насилие и репрессии.

Неправильно было бы считать эту систему шовинистической, направленной против какого-то одного народа. Террор, репрессии не являлись признаком ни социализма, ни русского народа, ни советских людей. Они являлись свойством тех методов построения нового строя, того пути перехода, который был навязан обществу.

Организованное систематическое применение насилия стало важнейшим элементом государственной политики Сталина в Молдове. Массовые репрессии, расстрелы, высылки из родных мест практиковались уже в первые месяцы после установления Советской власти в республике.

В социальной практике это означало очистку общества от чуждых элементов, которые мешают или могут помешать построению "чистого общества".

Первыми жертвами сталинского режима в Молдове стали немецкие колонисты, которые почти 130 лет располагались в крае, сыграв значительную роль в развитии интенсивного сельского хозяйства, торговли и перерабатывающей промышлености Молдовы. Немецким колонистам в Молдове по большому счету "повезло", так как совпал интерес немецкой и советской сторон по поводу их переселения в Германию. Операция по переселению проводилась в кратчайшие сроки. Согласно новым архивным документам, с июля по октябрь 1940 г. из Молдовы было переселено около 100 тыс. немцев. Общее число эвакуированных немцев из республики составило более 124 тыс. человек[1].

Следующей операцией подобного типа в Молдове была так называемая кампания выселения и ссылки "контрреволюционных элементов", развернувших активную антисоветскую политическую деятельность на территории республики. В эту категорию людей были причислены бывшие активисты румынских буржуазных партий, полицейские и жандармы, офицеры румынской, царской и белой армий, руководители местных администраций, помещики, крупные торговцы, домовладельцы, служители культа, а также члены их семей.

Операция по депортации была проведена 12-14 июня 1941 года, буквально за несколько дней до начала Великой Отечественной войны. О масштабах этой операции документы говорят сами за себя. Специально для этих целей были заранее подготовлены 1315 железнодорожных вагонов для перевозки людей. Большинство людей было депортировано без каких-либо предварительных обвинительных актов, без удостоверения личности. В течение трех дней всего из Молдовы было выселено 22648 человек. Среди высланных не менее 2/3 составляли женщины и дети, которые просто не могли заниматься антисоветской деятельностью. Депортированные из Молдовы расселялись в основном в Казахстане (около 10 тыс. человек), Омской области (около 6 тыс. человек) и Новосибирской области (около 6 тыс. человек). Сейчас еще трудно ответить на вопрос - какие категории населения по роду занятий были выселены из Молдовы в 1941 году, однако некоторые документы свидетельствуют о том, что преимущественно выселялись представители местной интел-

лигенции - врачи, педагоги, экономисты, инженеры, лица гуманитарных профессий[2].

Массовые депортации из Молдовы, проведенные советским правительством всего за неделю до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, задуманные как способ уничтожения "пятой колонны" и укрепления пограничных районов, отнюдь не укрепили ни пограничные районы, ни тылы страны. Это привело лишь к тому, что еще до начала Великой Отечественной войны людские потери республики составили более 150 тыс. человек (не считая десятков тысяч беженцев, которые переселились в соседнюю Румынию в конце июня 1940 года). Более того, та часть населения Молдовы, которая более или менее лояльно относилась к Советской власти, после осуществления кампании по депортации изменила свои позиции, что породило новые беды и трагедии, многие из которых сказались в 1945-1950 годах.

Не успев оправиться от многочисленных бед и трагедий, принесенных сталинским режимом, молдавский народ одним из первых познал горе и страдания кровавой и жестокой войны. Войны, в пламени которой на фронтах, в рядах Советской и Румынской армий, в тылу врага, в рядах партизанского движения сопротивления, на оккупированной территории, в концентрационных лагерях и тюрьмах погибли сотни тысяч жителей республики.

В первые дни войны на территории Молдовы шли тяжелые, ожесточенные бои. Несмотря на большие потери в живой силе и технике, гитлеровским войскам удалось значительно продвинуться вглубь территории Молдовы, а к концу июля 1941 года полностью оккупировать республику.

Население республики, дезориентированное в суматохе пылающих родных очагов, неоднозначно восприняло происходящие события. Одна ее часть, в памяти которой еще были свежи обиды сталинских депортаций и репрессий, перешла на сторону Румынской армии, пополнив ряды ее боевых частей и соединений, сельской полиции и жандармерии, служб безопасности и контрразведки. Часть населения составлявшая большинство, попросту заняла пассивную, выжидательную позицию. И, наконец, третья часть населения Молдовы активно препятствовала продвижению гитлеровских войск, записывалась добровольцами в ряды Советской Армии, создавала партизанские отряды сопротивления.

Следует отметить, что в первые дни войны многим молдавским добровольцам было отказано в отправке на фронт потому, что еще довольно прочным было мнение Сталина о том, что начавшаяся война будет непродолжительной и в основном будет вестись на территории противника. Более того, к началу Великой Отечественной войны молдавский народ в силу известных исторических обстоятельств был причислен к политически неблагонадежным нациям Советского Союза.

В сложившихся условиях в июне-июле 1941 года в Молдове создавались отряды народного ополчения из числа лиц, которым было отказано в отправке на фронт. Всего за это время были созданы 63 отряда общей численностью

около 7 тысяч человек, которые наряду с боевыми подразделениями Советской Армии, принимали активное участие в боях на передовых позициях[3].

По мере вынужденного отступления советских войск с территории Молдовы Сталин пересмотрел свою позицию по отношению к молдавским добровольцам. В результате этого в течение несекольких дней были сформированы Кишиневский полк и Тираспольский батальон, укомплектованные преимущественно местными добровольцами. Эти боевые соединения, наряду с молдавскими отрядами народного ополчения, пополнили ряды Советской Армии, значительно усилив, в первую очередь боевые порядки 9-й армии, которая в июне-июле 1941 года в боях за Молдову понесла существеные потери. Впоследствии молдавские боевые соединения сыграли значительную роль в боях на Днепре, при защите Одессы, Севастополя и Сталинграда.

Нелегко развертывалось в Молдове партизанское движение сопротивления. В условиях кровопролитных боев на территории республики и продвижения гитлеровских войск было практически невозможно организовать дееспособные партизанские отряды и подпольные группы антифашистского сопротивления. Первые партизанские отряды были сформированы только после полной оккупации республики. не имея связи с большой землей и необходимых военно-технических средств для ведения борьбы, молдавские партизаны провели ряд успешных операций, хотя в целом их действтия носили разрозненный характер, что и привело к их полному разгрому в начале 1942 года.

Партизанское движение сопротивления в Молдове значительно активизировалось в 1943-1944 годах и напрямую связано с приближением Советской Армии к границам республики. Более 30 партизанских отрядов, действовавших на территории республики, были объединены в два крупных соединения, насчитывавшие более 3 тысяч человек. Действия этих двух соединений были наиболее эффективны. Хорошо вооруженные и мобильные партизанские соединения проводили организованные операции, тем самым активно способствуя продвижению советских войск.

По последним подсчетам всего с 1941 по 1944 год в Молдове существовали и действовали около 60 партизанских отрядов. за три года оккупации молдавские партизаны истребили свыше 26 тысяч вражеских солдат и офицеров, пустили под откос более 300 эшелонов противника, уничтожили свыше 150 станков, несколько сотен боевых автомашин, десятки складов с воружением, горючим и продовольствием[4].

Три года гитлеровской оккупации Молдовы привели к невосполнимым утратам среди населения и потерям экономического характера. Начиная с июля 1941 года, в республике был установлен режим, неотъемлемым свойством которого были насилие, террор и геноцид.

Первым познало все ужасы гитлеровского режима еврейское население республики, насчитывавшее, согласно данным 1940 года, около 300 тысяч человек. С первых дней установления в Молдове "нового порядка" еврейское население республики подверглось гитлеровской этнической чистке, то есть

геноциду. О масштабах этой этнической чистки свидетельствуют документы. Только в первую неделю оккупации в Кишиневе были расстреляны около 5 тысяч евреев. В августе 1941 года уже были созданы два гетто, в Кишиневе и Бендерах, за стенами которых в течение нескольких недель было уничтожено около 10 тысяч евреев. В Дубоссарском гетто в сентябре 1941 года было расстреляно более 10,5 тысячи евреев.

В конце 1941 года еврейское население Молдовы и соседних территорий Украины в течение двух месяцев было выслано из родных мест. Большинство попало в гетто Приднестровья, где к началу 1942 года содержалось около 185 тысяч евреев. В нечеловеческих условиях жизни, рабского труда, истязаний и пыток, существовавших в гетто, лишь очень немногим удалось выбраться живыми к середине 1944 года. Сейчас еще трудно сказать, сколько всего евреев было уничтожено гитлеровцами за три года в Молдове. Все же, исходя из данных первой послевоенной переписи населения от 1959 года, согласно которым в Молдове, с учетом 14-летнего естественного прироста населения, было зарегистрировано всего около 95 тысяч евреев, можно утверждать, что было истреблено более 2/3 евреев, населявших республику до начала войны.

Но это далеко не все человеческие потери Молдовы в войне. В пламени войны и от рук гитлеровцев погибли многие другие десятки тысяч людей. Так, только в тюрьмах для “политзаключенных” в Кишиневе было уничтожено около 6 тысяч человек; в Дубоссарах - свыше 7 тысяч, в Бельцах - 2 тысяч, в Сороках - более 12 тысяч, в Тирасполе - свыше 4,5 тысяч[5].

Гибель на фронтах, смерть от голода и рабского труда в концентрационных лагерях, гетто и тюрьмах, массовые расстрелы привели к невосполнимым утратам населения. Согласно подсчетам Центрального Статистического Управления, на 1 января 1945 года в Молдове численность населения составляла 2025,5 тысячи человек из 2719,2 тысяч до начала Великой Отечественной войны, или сократилось на 25,5%. Особенно сократилось количество городского населения - более чем на 55%, в сельской местности - на 19%, к довоенному уровню[6].

Существенный урон был нанесен народному хозяйству республики. После коренного перелома в войне начался массовый вывоз оборудования крупных, средних и мелких предприятий. В результате этих действий промышленная инфраструктура республики понесла значительный ущерб. К концу 1944 - началу 1945 года в Молдове было пригодно для эксплуатации лишь 10% от общей численности предприятий, имевшихся до войны. Всего в годы войны были полностью разрушены 1037 промышленно-производственных сооружений республики, 31 электростанция и подстанция, 16500 строений, разорены машинно-тракторные станции, вывезено или уничтожено более 52 тысяч единиц различного сельхозинвентаря. Огромный урон был нанесен учреждениям культуры, народного образования и здравоохранения. В развалинах лежали города и села республики. по предварительным подсчетам, прямой ущерб, причиненный Молдове в годы войны, исчисляется суммой почти в 11 млрд.

рублей в довоеннных ценах, из которых 6 млрд. рублей это урон сельскому хозяйству - основной производственной отрасли республики[7].

С окончанием второй мировой войны человеческие потери Молдовы, к сожалению, не закончились. В условиях послевоенной разрухи, вызванной войной, республика познала новые потери. Массовый голод, вызванный небывалой засухой 1946-1947 годов и несбалансированной политикой хлебозаготовок, унес жизни около 200 тысяч человек[8].

Более того, в процессе восстановления народного хозяйства, советизации и коллективизации республики были допущены значительные перегибы, принесшие новые жертвы. Под прикрытием борьбы с антисоветскими элементами в Молдове в 1946-1948 годах проводились массовые аресты (всего около 44160 человек) с последующим привлечением к уголовной ответственности. Большое беспокойство органов безопасности вызывали 40 тысяч репатриантов, возвращавшихся на родину из концентрационных лагерей смерти и считавшихся ненадежными элементами. из их числа около 17 тысяч прошли регистрцию, проверку в фильтрационных пунктах, а затем были отправлены на спецпоселения. И, наконец, в ходе проведения кампании по ликвидации кулачества и форсированию темпов коллективизации число послевоенных жертв в Молдове пополнилось 35796-ю человеками, депортированными 6-7 июля 1949 года в отдаленные регионы СССР[9].

Таким образом, общие человеческие потери Молдовы, вызванные войной, послевоенным голодом, довоенными и послевоенными репрессиями и депортациями, составляют около 1 млн. человек, или более 37% всего населения республики.

1. Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы. М., 1994. С. 21, 123.
2. Там же. С. 26, 160.
3. Кека И.З. и др. не забыть нам сорок первый. Кишинев, 1985. С. 167.
4. Гратинич С. Дружба, закаленная в огне войны // Комммунист Молдавии. 1980. N 5. С. 22.
5. Архив общественно-политических организаций Молдовы. Ф. 51. Оп. 2. Д. 97. Л. 1-2.
6. Народное хозяйство СССР. 1922-1982 гг. М., 1982. С. 402.
7. История МССР. 2-е изд. Кишинев, 1968. Т. 11. С. 495.
8. Голод в Молдове (1946-1947 гг.): Сб. документов. Кишинев, 1993. С. 10.
9. Пасат В.И. Указ. соч. С. 31, 32, 42.

Раздел III.
ПОТЕРИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

М.В. Филимошин
(МО РФ)

Об итогах исчисления потерь среди мирного населения на оккупированной территории СССР и РСФСР в годы Великой Отечественной войны.

Человеконенавистническая программа "очищения" захваченных территорий от "нежелательных элементов", "тотального устрашения" проводилась нацистами с первых дней второй мировой войны, развязанной фашистской Германией. Но еще задолго до ее начала Гитлер в своей книге "Майн кампф" писал: "Все, что не является полноценной расой на этой земле - плевелы". Позднее он не раз возвращался к этой расистской идее в своих многочисленных выступлениях. "Мы должны развивать технику обезлюживания, - говорил

Таблица 1

Численность мирного населения, преднамеренно истребленного на временно оккупированной территории

Республики	Количество истребленных жителей
РСФСР	1800000*
УССР	3256000**
БССР	1547000**
Литовская ССР	370000***
Латвийская ССР	313800****
Эстонская ССР	61307**
Молдавская ССР	64000*****
Карело-финская ССР	8028******
Итого:	7420135

* Великая Отечественная война, 1941-1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 619.

** Социологические исследования, 1991. N 12. С. 7.

*** Военно-исторический журнал. 1990. N 6. С. 23.

**** Великая Отечественная война, 1941-1945. С. 398.

***** Там же. С. 457. В это число не входят 240 тыс. евреев и 25 тыс. цыган, которых румынские фашисты до конца 1941 года согнали в Транснистрию (украинская территория между Днестром и Бугом) и там при соучастии гитлеровцев и бандеровцев полностью уничтожили. Данная партия истребленных жителей Молдавии включена в число жертв гражданского населения Украины.

****** В это число не включены партизаны и подпольщики, которых гитлеровцы в случае захвата относили к военнопленным.

фюрер. - Если Вы спросите меня, что я понимаю под обезлюживанием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц... Конечно, я имею право устранить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви"[1].

Перед тем, как началась агрессия против СССР, каннибальская идея Гитлера была превращена в конкретные программы, планы, многочисленные инструкции. Наиболее характерным в этом отношении является так называемый Генеральный план "Ост", разработанный ведомствами Гиммлера, Розенберга и верховным командованием германской армии. по своей жестокости и цинизму этот документ поистине "уникален", так как не имеет себе равных в истории человечества. План, судя по письменным отзывам и комментариям тех, кто с ним знакомился, содержал в себе ужасающие подробности физического уничтожения советских людей. К этому дьявольскому плану был составлен ряд толкований, дополнений и директив. Так, в дополнениях ведомства Розенберга к плану "Ост" говорилось: "Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их"[2].

Варварское уничтожение мирных жителей в соответствии с гитлеровским планом "Ост" проводилось во всех республиках СССР, подвергшихся вражескому нашествию. Всего было преднамеренно истреблено на оккупированной территории, по имеющимся данным, 7,4 млн. чел. Более наглядно эти сведения с разбивкой по республикам представлены в таблице N 1.

Большой урон советскому населению, в том числе и населению России, находившемуся под оккупацией, причинил насильственный угон наиболее трудоспособной его части на каторжные работы в Германию и сопредельные с нею промышленноразвитые страны, пребывавшие также под немецкой окку-

Таблица 2

Численность населения, угнанного гитлеровцами с временно оккупированной территории на работы в Германию

Наименование республики	Число угнанных на работу в Германию
РСФСР	1906661*
Украинская ССР	2402234**
Белорусская ССР	399374*
Литовская ССР	160019*
Латвийская ССР	279615***
Эстонская ССР	74226*
Молдавская ССР	47242****
Карело-финская ССР	142****
Итого:	5269513

* Военно-исторический журнал. 1991. N 8. С. 28.

**Великая Отечественная война, 1941-1945. С. 742.

*** Военно-исторический журнал. 1990. N 6. С. 27.

**** Социологические исследования. 1991. N 12. С. 9.

пацией. Советских невольников именовали там "остарбайтерами" (восточными рабочими). Количество угнанных по каждой республике показано в таблице N 2.

Из общего числа советских граждан, насильственно вывезенных на работу в Германию (5269513 чел.) после окончания войны было репатриировано на родину 2654100 чел.[3], не возвратилось по разным причинам и стали эмигрантами - 451100 чел.[4] Остальные 2164813 чел. погибли и умерли в фашистской неволе. Причинами высокой смертности среди "остарбайтеров" являлись каторжный труд, плохое питание и жестокие меры наказания за малейшие отклонения от лагерного режима.

Об условиях пребывания советских людей на немецкой каторге свидетельствует секретная директива хозяйственного штаба германского командования на Востоке от 4 декабря 1941 г., в которой были даны указания по использованию рабочей силы из числа советских граждан. В ней, в частности, говорилось: "немецкие квалифицированные рабочие должны работать в военной промышленности: они не должны копать землю и ломать камни, для этого существуют русские... При применении мер поддержания порядка решающим соображением является быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь решением военно-полевого суда"[5].

Основываясь на этих и других указаниях, администрация немецких лагерей, где содержались советские люди, выдавала им в сутки по 150-250 граммов суррогата, называемого хлебом, и миску баланды из отбросов[6]. Названные кошмарные условия работы и быта приводили к массовым заболеваниям и гибели "остарбайтеров".

К началу 1943 года под оккупацией фашистской Германии оказалось около 2 млн.кв.км. советской территории, на которой проживало до начала войны, по данным Госплана СССР, 88 млн. чел.[7] Путем организованной и стихийной эвакуации убыло на восток, а также было призвано в Вооруженные Силы около 15 млн. чел.Осталось под властью немецких, румынских, венгерских и финских фашистов не менее 73 млн. чел. или 37% всего населения СССР, составившего на 22 июня 1941 г. 196Ю7 млн. чел.[8]

Для большинства мест, подвергшихся оккупации, этот кошмарный период продолжался 2-3 года. Захватчики ввели здесь для советских граждан в возрасте от 18 до 45 лет (для граждан еврейской национальности - от 18 до 60 лет) жесткую трудовую повинность. При этом рабочий день даже на вредных производствах длился 14-16 часов в сутки. Лиц, уклоняющихся от работы, отправляли в каторжные тюрьмы или на виселицу.

По имеющимся данным на оккупированной территории умерло, в том числе от непосильного труда, голода, отсутствия медицинской помощи, 8,5 млн. чел.[9] Если вычесть из этого числа естественную 6-процентную убыль населения оккупированных районов, рассчитанную для условий мирного времени

и составившую 4,4 млн. чел., то число преждевременно умерших от жесткого воздействия оккупационного режима составит не менее 4,1 млн. чел.

Общие итоговые данные о гибели гражданского населения на оккупированной территории приводятся в таблице N 3.

Показанное в таблице число безвозвратных потерь гражданского населения на оккупированной территории СССР позволяет сделать вывод о том, что количество погибших здесь составляет больше половины всех людских жертв Советского Союза за период Великой Отечественной войны (сравните 13,7 млн. чел. и 26,6 млн. чел.). Следовательно, вся захваченная гитлеровцами советская земля была превращена ими в огромный лагерь смерти. Здесь с преступной жестокостью осуществлялся нацистский план уничтожения мирных жителей, чем грубо попирались известные положения Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. Хотя под этими конвенциями стоит подпись Германии.

В названных конвенциях недвусмысленно сказано, что мирное население, не участвующее в военных действиях, должно пользоваться неприкосновенностью. Но правители фашистской Германии демонстративно игнорировали эти важные документы. Гитлеровское руководство и верховное командование вермахта неоднократно и нагло заявляло на весь мир о том, что Гаагские конвенции не применимы к войне с Советским Союзом.

Кроме жертв, связанных с нацистским террором, жестокими условиями оккупационного режима и угоном советских людей в фашистское рабство (см. таблицу 3), гражданское население СССР несло большие потери также от боевого воздействия противника в прифронтовых районах, от гибели многих тысяч людей в блокадных, осажденных и фронтовых городах. Так, в Ленинграде во время блокады (с сентября 1941 г. по январь 1943 г.) умерло от голода и холода 641 тыс., погибло от артиллерийских обстрелов противника 17 тыс. жителей города[10]. В Сталинграде только в августе 1942 г. во время массированных налетов немецко-фашистской авиации погибло свыше 40 тыс. чел. гражданского населения[11].

Таблица 3

Метод истребления	Число жертв
Преднамеренно истреблено	7420135
Погибло на принудительных работах в Германии	2164313*
Погибло от преднамеренно жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и т.п.)	4100000
Итого:	13684448

* Кроме погибших на принудительных работах в Германии к числу общих потерь гражданского населения следует отнести 451,1 тыс. так называемых "невозвращенцев" из состава "остарбайтеров", которые стали эмигрантами (См.: Социологические исследования, 1991. N 12. С. 10).

Десятками тысяч исчисляются потери мирных граждан от бомбардировок Севастополя и Одессы, Керчи и Новороссийска, Смоленска и Тулы, Харькова, Минска, Мурманска.

При освобождении Красной Армией оккупированных территорий большинство из них оказывалось буквально обезлюдевшими в результате неслыханных злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Насколько велика была убыль гражданского населения, например, в освобожденных районах РСФСР, можно судить по имеющимся данным в отношении 10 краев, областей и автономных республик России. Так, в Краснодарском и Ставропольском краях, Воронежской, Курской, Ростовской, Сталинградской областях, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской автономных республиках население сократилось с 15,7 млн. чел. (по переписи 1939 г.) до 11, 8 млн. чел. к моменту освобождения (в первые месяцы 1943 г.), то есть на 3,9 млн. чел. При подсчете учитывались данные о призыве соответствующих контингентов в Красную Армию, а также эвакуация некоторой части населения в тыловые районы страны. Итоговые данные о людской убыли получились довольно большими, особенно в таких областях, как Воронежская, Курская, Ростовская, Сталинградская (см. таблицу 4).

В общее число убыли граданского населения в 10-ти названных административно-территориальных единицах (3,9 млн. чел.) входят погибшие от нацистского террора (0,9 млн. чел.)*, умершие от голода и других жестокостей оккупационного режима (0,7 млн. чел.)**, угнанные на принудительные работы в Германию (0,96 млн. чел.)***, выселенные в 1944 г. с Северного Кавказа в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы и калмыки (0,6 млн. чел.)[12], погибшие партизаны и подпольщи-

*Таблица 4**

Края, области, автономные республики	Население (тыс.чел.)			
	до оккупации (по переписи 1939 г.)	после освобождения от оккупации	сокращение	%
Краснодарский край	2694,1	2203,4	490,7	18,0
Ставропольский край	1804,0	1399,9	404,1	22,4
Воронежская область	3472,8	2508,9	963,9	28,0
Курская область	3208,6	1671,5	537,1	24,3
Ростовская область	2345,6	1617,7	727,9	31,0
Сталинградская область	1848,0	1292,3	555,7	30,1
Кабардино-Балкарская АССР	349,5	84,4	65,1	18,6
Калмыцкая АССР	220,7	171,1	49,6	22,5
Северо-Осетинская АССР	302,5	250,6	51,9	17,3
Чечено-Ингушская АССР	444,4	365,7	78,7	18,0
Итого:	15690,2	11765,5	3924,7	25,0

* См.: Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 223.

ки, а также беженцы и невозвращенцы (иммиграционные потери). В это же число входят погибшие от бомбежек, обстрелов и других видов боевого воздействия в прифронтовой полосе.

Если из общей убыли населения краев, областей и автономных республик, перечисленных в таблице 4 (3,9 млн. чел.), исключить количество советских граждан, возвратившихся из немецкой каторги после окончания войны (0,45 млн. чел.)**** и количество выселенных чеченцев, ингушей и других народностей (0,6 млн. чел.), не относящихся к демографическим потерям, то в результате получим общее число безвозвратных потерь гражданского населения в десяти указанных административно-территориальных единицах (2,85 млн. чел.).

Примерно столько же людей не досчитались в остальных 13 областях РСФСР, подвергшихся гитлеровской оккупации (Ленинградской, Псковской, Великолукской, Смоленской, Брянской, Калужской, Новгородской, Калининской, Орловской и других). Следовательно, варварские действия немецко-фашистских захватчиков по истреблению советских людей, особенно русского и других славянских народов, унесли 5,7 млн. человеческих жизней в Российской Республике. А если к этому числу добавить почти 0,7 млн. погибших жителей Ленинграда во время вражеской блокады города, то получим итоговую цифру безвозвратных потерь гражданского населения РСФСР, равную 6,1 млн. чел.

В таблице 4 четко просматриваются значительные колебания в цифрах убыли населения по отдельным краям, областям и автономным республикам (от 17 до 31%). Это обусловлено различным удельным весом городского населения, среди которого сокращение оказалось значительно большим, нежели среди сельского. Такая особенность была характерна для всех освобожденных районов РСФСР.

Наибольшей оказалась убыль в таких городах, как Воронеж, Новороссийск, Ростов-на-Дону, Сталинград, Севастополь, Керчь.

---

* Цифра получена путем деления пополам общего числа истребленного населения РСФСР на оккупированной территории (см. таблицу 1), поскольку численность населения в захваченных противником 10-ти областях, краях и автономных республиках (15 млн. чел.) и численность населения на всей захваченной территории РСФСР (30 млн. чел.) относятся как 1:2.

** Цифра получена расчетным способом: если на 73 млн. чел. населения, оставшегося на всей оккупированной территории СССР, число преждевременно умерших от жестокого воздействия оккупационного режима составляет 4,1 млн. чел. (с учетом естественной убыли населения), то на 15 млн. чел. населения, попавшего под немецко-фашистскую оккупацию на территориях упомянутых выше краев, областей и автономных республик РСФСР приходится соответственно 0,7 млн. чел.

*** Приведенная цифра составляет половину общего количества гражданского населения, угнанного с оккупированной территории РСФСР на принудительные работы в Германию.

**** Приведенная цифра получена расчетным способом: если на 73 млн. чел. населения, оставшегося на всей оккупированной территории СССР, число возвратившихся из немецкой каторги советских людей составляет 2,65 млн. чел., то на 15,7 млн. чел. населения оккупированной территории 10-ти краев, областей и автономных республик РСФСР, приходится соответственно 0,6 млн. чел

Например, в Воронеже и Сталинграде, которые фашистам так и не удалось полностью захватить, отмечаются самые большие потери городского населения. В Сталинграде к моменту изгнания врага осталось, например, всего лишь 12,2%, а в Воронеже - 19,8% населения от предвоенной численности[13]. Как в этих, так и в других городах на освобожденной территории России исключительно мало осталось трудоспособного населения.

Во всех освобожденных районах резко изменилось соотношение между мужским и женским населением трудоспособного возраста (см. таблицу 5).

*Таблица 5**

Края, области, автономные республики	на 100 мужчин в возрасте от 16 до 55 лет приходилось женщин этого же возраста	
	до оккупации	после освобождения
Краснодарский край	112	322
Ставропольский край	106	260
Воронежская область	116	295
Курская область	116	295
Ростовская область	108	248
Сталинградская область	109	298
Кабардино-Балкарская АССР	92	198
Калмыцкая АССР	103	273
Северо-Осетинская АССР	99	259
Чечено-Ингушская АССР	92	106

* См.: Колесник А.Ж. РСФСР в Великой Отечественной войне... С. 224. Как видно из таблицы, разность соотношения между мужским и женским населением во всех освобожденных районах республики была очень большой, особенно в Курской, Воронежской, Сталинградской, Ростовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, Калмыцкой и Северо-Осетинской АССР. Основная база пополнения рабочей силы в самых различных отраслях народного хозяйства освобожденных районов, которую до войны всегда представляло трудоспособное мужское население, сократилось в среднем почти в три раза. Главную роль на первых порах возрождения этих районов играли женщины, их самоотверженный труд.

Однако следует иметь в виду, что на соотношение числа мужчин и женщин, показанное в таблице, решающим образом повлияли также призывы и мобилизации мужского населения в Вооруженные Силы* и безвозвратные потери военнослужащих на фронтах Великой Отечественной войны. Поэтому неблагоприятная обстановка, связанная с убылью прежде всего мужского населения, сложилась практически во всех регионах Российской Федерации, как и по СССР в целом. В результате началось снижение рождаемости и естественного прироста населения. об этом свидетельствует демографическая статистика, приведенная в таблице 6.

---

* В предвоенный период и за 4 года войны в Вооруженные Силы было призвано и мобилизовано всего 34,5 млн. чел., в том числе из РСФСР - 21,8 млн. чел., или 67% от всего мобилизованного контингента.

Таблица 6

Рождаемость и естественный прирост населения России (до 1917 г.) и РСФСР (на 1 тыс. чел.)*

Годы	Рождаемость	Естественный прирост
1913	47,8	15,4
1940	33,0	12,4
1950	26,9	16,8
1960	23,2	15,8
1970	14,6	5,9
1974	15,7	6,5

* См.: Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1975. Т. 22. С. 243.

Из таблицы видно, что наиболее отрицательно сказались последствия войны на демографических процессах в РСФСР в 60-70-е годы. Именно на этот период приходятся самые низкие отметки рождаемости и прироста населения, когда возникла так называемая "демографическая яма".

Сокращение рождаемости и прироста населения в период самой войны неизбежно приводит к косвенным людским потерям. Они представляют собой разницу между фактическими темпами роста населения в годы войны и теми, которые могли бы иметь место в мирное время (помимо прямых людских потерь в войне). по расчетам советских ученых, косвенные потери для СССР за время Великой Отечественной войны составили 23 млн. чел.[14]

Аналогичные потери РСФСР составляют, по нашим расчетным данным, 66,3% от общесоюзных, или 14,0 млн. чел.

1. Ни давности, ни забвения...: по материалам Нюрнбергского процесса. М., 1985. С.7.
2. Там же. С. 180.
3. История СССР. 1990. N 4. С. 38.
4. Социологические исследования. 1991. N 12. С. 10.
5. Военно-исторический журнал. 1991. N 8. С. 29.
6. Там же.
7. Социологические исследования. 1991. N 12. С. 4.
8. Архив Мосуправления ГОМУ Генштаба ВС РФ. Инв. N 4504. С. 250.
9. Социологические исследования. 1991. N 12. С. 9.
10. Великая Отечественная война: Энциклопедия, М., 1985. С. 401.
11. Там же. С. 169.
12. См.: Московские новости. 1990. 14 окт.
13. Колесник А.Д. РСФСР в Великой Отечественной войне. М., 1982. С. 223.
14. Неделя. 1990. N 25. С. 12-13.

И.П.Остапенко
(ИРИ РАН)

О смертности гражданского населения в некоторых тыловых районах СССР в первые месяцы Великой Отечественной войны

К малоизученным страницам истории нашей страны следует отнести проблему смертности гражданского тылового населения в первые месяцы Великой Отечественной войны, т.е. за 6 месяцев 1941 г.

Внезапное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз оказало огромное эмоциональное воздействие на население страны. Это не могло не отразиться на психологическом состоянии людей, на обострении хронических заболеваний. Если к этому добавить систематические налеты вражеской авиации на населенные пункты СССР, массовое передвижение населения с запада на восток, а также нарушение нормального питания граждан, то станет очевидным, что все это не могло не сказаться на увеличении смертности самых различных категорий советских людей.

Вместе с тем данные по этой проблеме не всегда исчерпывающие. Так, к сожалению, до настоящего времени мы не располагаем обобщающими сведениями о смертности по всем республикам и областям Советского Союза в первые месяцы войны, вследствие того, что часть из них была оккупирована, работа ведомств - нарушена.

В Российском государственном архиве экономики в секретном фонде ЦСУ СССР (Ф. 1562) имеются сведения о естественном движении населения СССР за 1941 г. по 42 областям РСФСР и 8 союзным республикам (Азербайджанская ССР, Грузинская ССР, Армянская ССР, Узбекская ССР, Таджикская ССР, Казахская ССР и Кирзгизская ССР).

В них по сведениям загсов представлено движение населения по месяцам за 1941 г. Это позволяет выявить основные тенденции в динамике смертности населения как в довоенные, так и в первые военные месяцы 1941 г. Статистический материал дает возможность рассмотреть эту проблему в целом в рамках указанных территорий и отдельно - в городских и сельских поселениях.

О динамике смертности в указанных регионах за весь 1941 г. свидетельсвуют данные нижеприведенной таблицы 1 (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 266. Л. 21-21 об.).

Из данных, приведенных в таблице, видно, что с началом войны резко увеличилась смертность населения. Если за 6 довоенных месяцев число умерших составляло 916163 чел., то за 6 военных оно выросло на 182553 чел. и насчитывало 1098716 чел. за этот период увеличилась смертность как среди мужского, так и женского населения. за первую половину 1941 г. число умерших

Таблица 1

Месяцы	Всего загсов	Число загсов представ. сведения	Всего умерших мужского пола	женского пола	обоего пола	Из их числа детей до 1 г. мужского пола	женского пола	обоего пола
Январь	39426	39415	87275	77456	164731	20996	16708	37704
Февраль	39432	39407	79588	69875	14963	21457	17026	38483
Март	39433	39429	88115	76506	164621	25559	19856	45415
Апрель	39436	39427	81431	70632	152063	23060	17948	41008
Май	39432	39426	81123	69939	151062	22399	17817	40216
Июнь	39425	39416	72111	62112	134223	21880	18338	40218
Июль	39424	39416	82242	71799	154041	31444	26955	58399
Август	39419	39410	95674	84592	180266	41240	36309	77549
Сент.	39360	39343	97561	86493	184054	38790	33970	72760
Октябрь	39341	39304	98198	87009	185207	28299	24984	53283
Ноябрь	39348	39290	102355	88096	190451	23661	20976	44637
Декабрь	39344	39289	111085	93611	204697	23600	20174	43774
Неизвестно			350	204	554	8	14	22
Итого	472820	472572	1077108	938324	2015432	322393	271075	593468

мужчин составляло 489643, за 6 военных месяцев оно выросло на 97472 чел. и достигло 587115 чел.

Женская смертность возросла на 85080 чел. и составила 511600 чел. В это же время увеличилась смертность и среди детей до 1 года, особенно в первые три месяца войны. Если за первую половину 1941 г. умерло детей до 1 года - 243044, то за последующие 6 месяцев - 350402.

В связм с тем, что во второй половине 1941 г. увеличилось количество загсов, не представивших сведений, то реальная численность умерших была еще выше.

В первые месяцы войны увеличилась смертность и среди городского населения. О динамике процесса можно судить по данным таблицы 2 (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 266. Л. 22-22 об.).

Приведенные в таблице статистические данные показывают, что с началом войны резко увеличилась смертность среди жителей городских поселений. Так, если за 6 довоенных месяцев численность умерших составляла 314289 чел., то за 6 военных месяцев она выросла на 109970 чел. и составила 424259 чел.

С началом войны увеличилась смертность как мужчин, так и женщин. Уже в июле 1941 г. среди мужчин она была больше, чем в июне этого же года на 4804 чел. Если за первое полугодие 1941 г. численность умерших мужчин составляла 173103, то за второе военное полугодие она выросла на 61305 чел. и насчитывала 234408 чел. Среди горожанок смертность в июле по сравнению с июнем выросла на 4583 чел.

Таблица 2

Месяцы	Всего загсов	Число загсов, представ. сведения	Всего умерших мужско-го пола	женско-го пола	обоего пола	из их чисисла детей до 1 г. мужско-го пола	женско-го пола	обоего пола
Январь	1550	1550	30732	24738	55470	8020	6291	14311
Февраль	1551	1551	27854	22663	50517	8102	6527	14629
Март	1553	1553	29983	24377	54360	9036	7152	16188
Апрель	1557	1557	28114	23100	51214	8385	6676	15061
Май	1557	1557	28997	23547	52544	8678	7028	15706
Июнь	1558	1558	27423	22761	50184	8878	7458	16336
Июль	1565	1565	32227	27344	59571	12192	10513	22705
Август	1565	1565	34965	29988	64953	13288	11528	24874
Сент.	1564	1564	34018	28609	62627	11067	9515	20582
Октябрь	1560	1558	37974	30533	68507	9303	7808	17110
Ноябрь	1563	1561	44569	34735	79304	9191	8024	17215
Декабрь	1563	1560	50655	38642	89297	10249	8570	18819
Неизвестно			85	63	148	3	7	10
Итого	18706	18699	407596	331100	738696	116391	97155	213546

Дальнейший рост смертности происходил в последующие месяцы. Всего за 6 военных месяцев 1941 г. умерло 189851 женщин. Это на 48655 чел. больше, чем за первые 6 довоеных месяцев. Таким образом, смертность женщин была на 19% ниже мужской.

Аналогичные процессы прослеживаются и в детской смертности. Уже в июле по сравнению с июнем смертность среди детей до 1 года выросла на 6369 чел. и составила 22705 чел. В августе она была еще больше. В последующие месяцы смертность среди детей до 1 года была несколько ниже, чем в июле и в августе, но значительно выше, чем в первое полугодие 1941 г. Если за первое полугодие смертность в городских поселениях среди детей до 1 года составляла 92231 чел., то за второе военное полугодие она насчитывала 121305 чел., т.е. выросла на 29074 чел. (24%).

Начало Великой Отечественной войны также неблагоприятно отразилось на состоянии смертности среди сельского населения. об этом свидетельствуют данные таблицы 3 (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 266. 23-23 об.).

Материалы таблицы показывают, что с началом Великой Отечественной войны общие для страны тенденции смертности населения были характерны и для сельской местности. Количественные показатели ушедших из жизни среди этой категории людей особенно возросли в июле, августе, сентябре. В последующие три месяца смертность сельского населения была меньше, чем в сентябре, но значительно выше, чем в первой половине 1941 г. Так, например, если за первую половину 1941 г. число умерших составляло

Таблица 3

Месяцы	Всего загсов	Число загсов представ. сведения	Всего умерших мужского пола	Всего умерших женского пола	Всего умерших обоего пола	Из их числа детей до 1 г. мужского пола	Из их числа детей до 1 г. женского пола	Из их числа детей до 1 г. обоего пола
Январь	37876	37865	56543	52718	109261	12976	10417	23393
Февраль	37881	37856	51734	47212	98946	13355	10499	23854
Март	37880	37876	38132	32129	110261	16523	12704	29277
Апрель	37879	37870	53317	47532	100849	14675	11272	25947
Май	37875	37869	52126	46392	98518	13721	10789	24510
Июнь	37867	37858	44688	39351	84039	13002	10880	23882
Июль	37859	37851	50015	44455	94470	19252	16442	35694
Август	37854	37845	60709	54604	115313	27952	24723	52675
Сент.	37796	37779	63543	57884	121427	27723	24455	52178
Октябрь	37781	37746	60224	56476	116700	18997	17176	36173
Ноябрь	37785	37729	57786	53361	111147	14470	12952	27422
Декабрь	37781	37729	60430	54969	115399	13351	11604	24955
Неизестно			265	141	406	5	7	12
Итого	454114	453873	669512	607224	1276736	206002	173920	379922

601874 чел., то за второе полугодие этого же года оно возросло на 72582 чел., что составило 674456 чел.

Одновременно следует учитывать и тот факт, что количество загсов, представлявших информацию за этот период, уменьшалось, и, следовательно, общее количество умерших сельчан будет несколько больше.

Подобно ситуации со смертностью в городах, в сельской местности с началом военных действий наблюдается увеличение смертности среди мужского населения. Если в первом полугодии 1941 г. число умерших мужчин составляло 316540 чел., то за последующие 6 месяцев оно увеличилось на 36167 чел. и достигло 352707 чел. Аналогично рост смертности происходил и среди сельчанок. Так, если за первое полугодие 1941 г. представителей женского пола умерло 285334 чел., то за вторую половину года число умерших составило 321749 чел., т.е. смертность увеличилась на 36416 чел. В сельской местности сметность среди лиц женского пола была на 9,1% ниже, чем среди мужского.

Негативно начало войны сказалось и на детской смертности в сельских районах. за 6 военных месяцев смертность младенцев до 1 года выросла по сравнению с первым полугодием 1941 г. на 78284 чел. и составила 229097 чел.

Следует отметить, что и в городских поселениях, и в сельской местности среди умерших чрезвычайно высоким был процент детей в возрасте до 1 года. В целом по указанным регионам во второй половине 1941 г. он составлял

около 32,3% по отношению ко всем умершим. В городских поселениях картина была несколько лучше, чем в сельских. Согласно проведенным расчетам, смертность младенцев в городах была на 3,4% ниже, чем в целом по рассматриваемым регионам, и составляла 28,6%. на селе этот показатель доходил почти до 34%, т.е. разница между детской смертностью в городе и деревне составляла 5,4%.

Таким образом, увеличение смертности среди населения рассматриваемых регионов во второй половине 1941 г. - непосредственное влияние начавшейся войны.

1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 266. Л. 21-21 об.
2. Там же. Л. 22-22 об.
3. Там же. Л. 23-23 об.

Г.А.Куманев
(ИРИ РАН)

Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери.

Критическая обстановка, сложившаяся в зоне боевых действий, уже в самом начале Великой Отечественной войны вызвала необходимость срочного перемещения из угрожаемых районов СССР на Восток тысяч предприятий, сельскохозяйственных ресурсов, материальных и культурных ценностей, и в первую очередь огромных масс населения.

Требовалось не только спасти миллионы людей от угрозы фашистского рабства и физического уничтожения, но и, разместив их в тылу, быстро и эффективно использовать в интересах фронта, сражавшегося государства.

С учетом тематики настоящей книги мы остановимся именно на этой стороне проведенной в СССР эвакуации, которая была беспрецедентной в истории войн по своим масштабам, срокам и тяжелейшим условиям.

В своей книге "Россия в войне. 1941-1945 гг." известный английский публицист Александр Верт писал: "Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток... и как им удалось в огромной степени увеличить поизводство в течение 1942 г. - это прежде всего повесть о невероятной человеческой стойкости"[1].

Без успешного решения столь масштабной производственной операции практически невозможно было не только сохранить основную экономическую базу СССР, но и организовать прочный тыл и оперативно переключить народное хозяйство на массовый выпуск необходимой военной продукции. Ведь вторгшийся на советскую землю враг стал захватывать районы, а позднее оккупировал территорию общей площадью 1926 тыс. кв. км, где до войны проживало около 85 млн. человек, или до 40% населения СССР[2].

Драматизм ситуации осложнялся и тем, что у нас до войны не были заблаговременно разработаны конкретные планы оперативного перемещения с Запада на Восток производительных сил, включая и значительные людские ресурсы. И дело не только в том, что в советской военной доктрине доминировала концепция быстрого перенесения театра военных действий на территорию агрессора и последующего его молниеносного разгрома. Это было связано с тем, что Сталин вплоть до 22 июня 1941 г. не верил в близость и вероятность войны в этом году и не принимал самых неотложных оборонительных мер по подготовке к ней, обеспечив тем самым внезапность вражеского нападения с далеко идущими трагическими последствиями. Правда, когда 21 апреля 1941 г. Совнарком СССР вынес постановление "О мероприятиях по улучшению местной противовоздушной обороны г. Москвы", была создана специальная Комиссия по эвакуации из г. Москвы населения в военное

время во главе с председателем Московского Соовета В.П.Прониным. 3 июня эта комиссия представила И.В.Сталину свой план и проект постановления Совнаркома ССР "О частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время". Предусматривалось, в частности, с началом войны вывезти в тыловые районы 1 млн. 40 тыс. москвичей[3].

5 июня на докладной записке председателя Комиссии Сталин наложил следующую резолюцию:

"Т.-щу Пронину. Ваше предложение "о частичной" эвакуации населения Москвы в "военное время" считаю несвоевременным. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить. Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию, - ЦК и правительство уведомят нас"[4].

Таким образом, органы, призванные непосредственно руководить перебазированием производительных сил страны, в том числе населения, заблаговременно созданы не были. Все это пришлось решать уже в ходе разразившейся войны, зачастую в спешке, а порой и без учета конкретной обстановки, что не могло не иметь отрицательных последствий.

24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР "для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, обрудования предприятий и других ценностей"[5], был создан Совет по эвакуации во главе с наркомом путей сообщения Л.М.Кагановичем. Однако на этом организационный процесс не завершился.

3 июля 1941 г. председателем по эвакуации был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК, секретарь ВЦСПС Н.М.Шверник, а 16 июля состоялась реорганизация его состава.

26 сентября 1941 г. при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения во главе с заместителем председателя СНК РСФСР К.Д.Памфиловым, который одновременно стал одним из заместителей председателя Совета по эвакуации[6]. на Управление возлагались задачи организации вывоза населения из угрожаемой зоны, обслуживания в пути следования, приема, размещения и устройства на работу беженцев. Управление располагало значительным аппаратом в центре и на местах. Общее число его уполномоченных в союзных республиках, областях и краях вместе со штатными работниками, осуществлявшими вывоз населения, составляло на 1 января 1942 г. 2757 человек.

Нельзя не отдать должное той оперативности, которая была проявлена руководством страны, чтобы как-то наверстать упущенное. К выполнению эвакуационных задач были немедленно привлечены Госплан СССР, республиканские партийные органы, правительства республик, союзные и республиканские наркоматы, исполкомы местных Советов прифронтовых и тыловых областей страны, военные органы и органы внутренних дел.

Контроль за вывозом населения, оборудования и других материальных ценностей осуществляла созданная при Совете по эвакуации группа инспекторов во главе с А.Н.Косыгиным[7].

Таким образом, в комплексе стали решаться важнейшие проблемы перебазирования - о порядке эвакуации жителей западных районов, об организации их обслуживания в пути и о конечных пунктах следования, а также о правилах и очередности вывоза ценного оборудования и грузов, о сроках восстановления предприятий, строительстве жилья и промышленных помещений и т.д.

В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР "О порядке вывоза и размещения людских контингентов" от 27 июня 1941 года были определены главные задачи и первоочередные объекты эвакуации. Перемещению на Восток в первую очередь подлежали детские учреждения, квалифицированные кадры рабочих и служащих, люди пожилого возраста, женщины с детьми, промышленное оборудование, станки и машины, цветные металлы, горючее, хлеб и другие ценности, имеющие государственное значение[8].

При этом не предусматривалось какое-либо преимущество той или иной нации в отношении перемещения в тыл, что представляется вполне демократичным и справедливым. Правда, существует мнение, что следовало бы предоставить право для эвакуации в первую очередь евреям и цыганам, поскольку в отношении их гитлеровцы осуществляли в оккупированных районах особые зверства, ничем не прикрытый массовый геноцид. Но предоставление такого преимущества могло бы вызвать только обратную реакцию среди простых людей, спасавшихся от угрозы фашистского ига.

Для эвакуационных пассажирских эшелонов была установлена среднесуточная скорость до 500-600 км. Поскольку ощущалась острая нехватка пассажирских вагонов, вывоз населения осуществляется также в специально оборудованых для этой цели товарных вагонах, а иногда даже и на платформах. Вот что вспоминал о первых эшелонах, прибывавших на Урал, Н.С.Патоличев, работавший тогда первым секретарем Челябинского обкома ВКП(б): "Случалось, что в открытых полувагонах или на платформах ехали люди. Хорошо, если был брезент, которым можно было прикрыться от дождя... Иногда и этого не было.

Здесь же станки или материалы, кое-что из вещей эвакуированных. Именно кое-что. Люди спасались от нашествия варваров, и было, конечно, не до вещей. При более благоприятной обстановке два-три крытых вагона выделяли для женщин с детьми.

Вместо 36 человек в них набивалось до 80-100. Никто, разумеется, не роптал - горе объединяло людей, кров которых был захвачен фашистами"[9].

С 5 июля на железнодорожных узлах, станциях и пристанях были организованы эвакуационные пункты. "Они принимали и отправляли эшелоны с людьми, организовывали их питание и медицинское обслуживание. Цепь

эвакопунктов протянулась на тысячи километров от прифронтовых железнодорожных станций юга и запада страны до Восточной Сибири, Казахстана, Средней Азии", - писал А.Н.Косыгин[10].

Перевозки населения так или иначе были взяты под соответствующий контроль. Начальники дорог ежесуточно, не позже 22 часов сообщали в НКПС сведения о следовании людских эшелонов и отдельных вагонов с эваконаселением по состоянию на 18 часов. В свою очередь, Наркомат путей сообщения ежедневно представлял в ГКО подробную справку о находящихся на железных дорогах составах с эвакуированными[11].

Для оказания помощи спасавшемуся от угрозы фашистского порабощения населению государство выделило значительные средства. В эвакуационных пунктах старшие вагонов получали хлеб и другие продукты. Организовывались столовые, душевые, санпропускники, было обеспечено снабжение людей кипятком. Только во второй половине 1941 г. государство израсходовало в помощь эвакуированным около 3 млрд. руб. в масштабе довоенных цен[12].

Персональная ответственность за снабжение эвакобаз и обеспечение эвакуированного населения продуктами была возложена на заместителя наркома торговли СССР Г.Ф.Шорина, а за медицинскую помощь - на заместителя наркома здравоохранения СССР С.И.Миловидова.

Все это существенно помогло в ходе эвакуации свести к минимуму людские потери в результате недоедания или различных заболеваний.

Из зоны военных действий гражданское население перемещалось в тыл по указанию военного командования, а из прифронтовых и угрожаемых районов - с разрешения Совета по эвакуации. Основным методом эвакуации населения явился организованный вывоз рабочих, служащих, колхозников, учащихся вузов и техникумов вместе с предприятиями, учреждениями и учебными заведениями, а также эвакуация в индивидуальном порядке. Для предотвращения человеческих жертв по решению военных органов практиковалось внеплановое отселение гражданского населения из зоны боевых действий на небольшое расстояние (25-30 км), но в менее опасные районы. Своеобразной формой эвакуации можно рассматривать также отвод в тыловые районы людей, подлежащих в ближайшее время мобилизации.

Те рабочие и инженерно-технические работники предприятий военной промышленности и машиностроения, заводов тяжелой индустрии, которые не подлежали призыву в ряды Красной Армии, эвакуировались в целом организованно. Совет по эвакуации разработал положение о перемещении в тыл рабочих, служащих и их семей. Каждый работник предприятия при эвакуации имел право взять 100 кг груза на себя и по 40 кг на каждого члена семьи. Перевозка людей и грузов производилась за счет государства. на время эвакуации за рабочими предприятий полностью сохранялась заработная плата (средняя за последние три месяца). Выплачивались подъемные из расчета: месячный оклад главе семьи - работнику предприятия, четверть оклада

на жену и одна восьмая оклада на каждого из остальных неработающих членов семьи[13].

Кроме того, в июне и декабре 1941 г. было ассигновано из союзного бюджета 35 млн. руб. для оказания единовременной помощи особо нуждающимся семьям рабочих, служащих, военнослужащих, эвакуированным из прифронтовой полосы.

Непрерывный людской поток уходил на восток. из городов и рабочих поселков прифронтовых областей шли составы, грузовые машины, обозы с людьми и материальными ценностями, подвергавшиеся вражеским бомбежкам и обстрелам. Сельские жители гнали скот, уводили трактора, сельскохозяйственную технику, хлеб, продовольствие. Огромного физического и морального напряжения требовал от советских людей уход из родных мест. Тяжело было бросать и уничтожать то, что с таким трудом создавалось годами, во имя чего советские люди переносили лишения и невзгоды, зачастую отказывая себе в самом необходимом.

Особого напряжения сил потребовала эвакуация гражданского населения из западных приграничных промышленных и сельскохозяйственных районов, где она началась в первые дни боевых действий.

В обстановке быстрого продвижения немецко-фащшистских войск организовать здесь более или менее полный вывоз местных жителей, а также материальных ценностей не представлялось возможным. по сообщению, например, руководства Брест-Литовской дороги, эвакуацию пришлось начать под огнем наступающего врага "при полнейшем отсутствии связи с военным командованием" и при противоречивых указаниях местных организаций, "рассматри вавших вопрос об эвакуации как создание паники, как нарушение государственной дисциплины"[14].

"В первые два-три дня военных действий, - вспоминал бывший нарком путей сообщения СССР генерал-лейтенант И.В.Ковалев, - вопросы об эвакуации населения, воинского имущества, промышленного оборудования и других народнохозяйственных ценностей в значительной мере приходилось решать военному командованию, партийным и советским органам по собственному усмотрению. В одних случаях местные органы, трезво оценив обстановку, принимали решительные меры для эвакуации гражданского населения и материальных ценностей, в других -проявляли колебания, и в результате советские люди не по своей воле оставались на оккупированной врагом территории, а материальные ценности в последний момент приходилось либо уничтожать, либо, что еще хуже, они доставались немецко-фашистким захватчикам"[15].

В исключительно тяжелых условиях с большими потерями прошла эвакуация населения в республиках Прибалтики. Из-за быстрого продвижения фашистких войск его массовый вывоз провести здесь не удалось. Так, из Литвы, которая была захвачена гитлеровцами в течение четырех дней, из почти трех миллионов ее жителей успели эвакуироватться всего лишь около 20 тыс., или 0,07%. Немного больше времени для эвакуации имело население Латвии.

Но и здесь итоговые результаты оказались весьма скромными: в тыловые районы СССР переместилось только около 40 тыс. человек, т.е. всего 2% населения республики. из Прибалтийских республик эвакуация дольше всего продолжалась в Эстонии, где активные боевые действия развернулись несколько позднее. Всего из республики было вывезено железнодорожным и морским путем 60 тыс. человек[16].

С невероятными трудностями, под непрекращающимися вражескими бомбардировками и обстрелами осуществлялось перебазирование населения и предприятий Украины и Крыма. Согласно отчетным документам, в июне-августе 1941 г. из Киева было перемещено в тыл 335 тыс. человек, из Харькова -почти 450 тыс., или более половины всего населения города, из Одессы - около 300 тыс. В общей сложности, по тем же данным, с Украины удалось эвакуировать к концу 1941 г. в восточные районы СССР свыше 4 млн. человек[17].

В невероятно трудных условиях проходила эвакуация производительных сил с территории Белорусской ССР. Уже 23 июня 1941 г. Бюро ЦК КП(б) Белоруссии рассмотрело вопрос о незамедлительном спасении детей и материальных ценностей из городов, подвергавшихся обстрелу в полосе военных действий.

"Это было тяжелое решение, - вспоминал бывший первый екретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К.Пономаренко. - Еще тяжелее было ставить вопрос об эвакуации перед ЦК ВКП(б) и правительством.

В середине дня я позвонил Сталину и после краткой информации сообщил ему о нашем решении. Он удивился и спросил: "Вы думаете это надо делать? не рано ли?" Я ответил: обстановка такая, что в половине западных областей республики уже невозможна эвакуация. Боюсь, что опоздание с этим для Минска и восточных областей явится непоправимым.

Подумав, Сталин сказал: "Хорошо, приступайте к эвакуации"[18].

В числе первых из Белоруссии было вывезено в тыл 110 детских домов, 25 детских садов, 28 пионерских лагерей, 3 специальные школы, 3 детских санатория, всего - около 14 тыс. детей. В местах наибольшего скопления эвакуируемых -Орше, Витебске, Могилеве, Полоцке и других - были организованы 24 эвакопункта, где население получало медицинскую помощь, а также деньги, продовольствие, одежду, обувь. на эти нужды правительство БССР выделило 3 млн. рублей.

Между тем обстановка стремительно ухудшалась, что не позволило организовать эвакуацию из республики в достаточно широких размерах, особенно из Брестской, Белостокской, Барановичской и Пинской областей БССР, которые уже через несколько дней были оккупированы врагом.

Всего из Белоруссии успели эвакуироваться свыше 1,5 млн. человек"[19].

Вывозом населения и материальных ценностей с первых дней фашистской агрессии были также охвачены Молдавская ССР и северо-западные районы

страны: Ленинградская, Мурманская области и Карелия. Благодаря энергичным действиям республиканских и местнных органов Молдавии в глубь страны удалось отправить 4076 вагонов с оборудованием, техникой, продовольствием, сырьем и до 300 тыс. жителей республики[20]. Общее число перемещенных в тыл из Ленинграда, согласно оперативным сводкам НКПС, только с 29 июня по 26 августа 1941 г. составило 773590 человек (включая беженцев из Прибалтики и Карело-финской ССР). В итоге эвакуации население Мурманской области к концу 1941 г. уменьшилось с 313,4 тыс. до 102,3 тыс. человек, а число жителей Мурманска - с 117,1 тыс. до 35,6 тыс. С территории Карелии было отправлено в тыл почти 90% населения - свыше 500 тыс. граждан [21].

С лета 1941 г. развернулась эвакуация и из центральных районов страны, принявшая в осенние месяцы массовый характер. Только из Москвы и ее пригородов было вывезено одним железнодорожным транспортом около 1 млн. 400 тыс. человек, причем одну треть из них составляли дети. К ноябрю население столицы в результате ухода многих москвичей на фронт и эвакуации сократилось с 4,5 млн. человек до 2,5 млн. К концу ноября общее число эвакуированных жителей Москвы достигло 2 млн. человек[22].

Процесс перебазирования производительных сил СССР, разумеется, включал в себя не только вывоз в тыловые районы огромных масс населения. не менее важной задачей являлось их размещение на новых местах и скорейшее вовлечение в производство способных трудиться. Партийные, советские, профсоюзные, хозяйственные органы восточных областей активно готовились к приему эвакуированных. В центре их внимания постояннно находились вопросы расселения, трудоустройства и бытового обслуживания прибывавших из угрожаемых районов рабочих, служащих, колхозников и членов их семей. При этом особое внимание уделялось детям-сиротам или потерявшим своих родителей, инвалидам и семьям фронтовиков. Примерно треть всех прибывших была расселена в городской местности, а остальные - в сельской[23].

В своем абсолютном большинстве местные жители многонациональных восточных регионов страны проявляли большое радушие и гостеприимство по отношению к эвакуированным беженцам войны, делясь с ними своим, зачастую и без того тесным и скудным кровом, одеждой, продуктами, лекарствами и др. Многие сибиряки, уральцы, жители центральных районов, республик Закавказья, Средней Азии и Казахстана брали в свои семьи эвакуированных детей-сирот. Только Узбекистан, где зародилось движение за усыновление эвакуированных детей-сирот, принял 200 тыс. малышей и подростков, оставшихся без родителей. Все они нашли здесь отеческое внимание, приют и заботу. Настоящий гражданский подвиг совершили кузнец из Ташкента Шаахмед Шамахмудов и его жена Бахри. Они усыновили, удочерили и воспитали 16 сирот, среди которых были русские, узбеки, чуваши, татары, казахи, евреи и цыгане[24]. Садовод из г. Ош (Киргизская ССР) Иминахун Ахмедов

усыновил 13 детей[25]. У этих высоконравственных патриотов нашлось немало последователей.

Миллионы трудоспособных советских граждан, спасенных от фашистского геноцида, активно включались в работу для фронта.

1 февраля 1942 г. по указанию ГКО и Совета по эвакуации во всех регионах тыла была проведена перепись прибывшего из угрожаемых районов населения. Материалы этой переписи, долгие годы хранившиеся в секретном архивном фонде, дают широкие сведения об эвакуированных. Они позволяют определить более точную численность спасенных от гитлеровского ига граждан СССР в первые месяцы войны, их возрастной и национальный состав, основные профессии, прежние и новые адреса и т.д.

К сожалению, подобная перепись не была организована по итогам второй волны эвакуации, проводившейся летом и осенью 1942 г. Архивные документы о ней более скудны и отрывочны. по своим размерам эвакуация 1942 г. была неизмеримо меньше, чем первая, вызвав перемещение в тыл около 1 млн. советских граждан из Ростовской, Воронежской, Орловской, Сталинградской, Ворошиловградской областей и Северного Кавказа. Чтобы назвать более точную цифру ее итогов, требуются дополнительные поиски архивных источников, их изучение и соответствующие подсчеты.

В целом, несмотря на массу громадных трудностей, с которыми был сопряжен вывоз из западных и центральных районов СССР миллионных масс населения, эвакуационная кампания 1941-1942 гг. прошла организованно, и людские потери в ходе ее составили сравнительно небольшой процент. Речь в данном случае идет о тех, кто был охвачен эвакуацией, т.е. был погружен на транспортные средства и следовал на место нового поживания. При этом, как свидетельствуют документы, потери, составляющие несколько десятков тысяч человек, в основном были связаны с бомбежками и обстрелами противником эвакоэшелонов и других видов транспорта. Благодаря налаженной системе обеспечения эвакуируемых граждан, энергичным усилиям работников санитарно-медицинской службы во время перебазирования не были отмечены какие-либо массовые заболевания с многочисленными смертельными исходами.

К числу потерь среди беженцев из прифронтовой полосы следует, очевидно, прибавить и тех лиц, которые задерживались заслонами милиции, установленными в первые недели и месяцы войны на Октябрьской, Калининской, Западной, Московско-Киевской, Южной, Юго-Западной, Ярославской, Дзержинской, Московско-Донбасской, Пензенской, Казанской, Ленинской, Горьковской и Ленинградской железных дорогах и на шоссейных трассах Тульской, Калининской и Московской областей[26]. из временных эти потери становились безвозвратными, как правило, в отношении задержанных по подозрению в шпионаже и диверсии. Таких лиц, согласно спецсводкам НКВД, было арестовано указанными заслонами милиции только с 28 июня по 9 июля 1941 г. 754 человека[27].

Какими же представляются общие итоги эвакуации людских ресурсов СССР в 1941-1942 гг.? По данным Центрального справочного бюро, действовавшего при Совете по эвакуации, предварительным результатам переписи эваконаселения и по ряду других источников, из угрожаемой зоны удалось переместить в тыловые районы различными видами транспорта примерно 17 млн. человек. Эти данные выглядят более скромными по сравнению с перебазированием в восточные районы сотен и тысяч промышленных предприятий, огромных запасов сырья, продовольствия, различных материальных и культурных ценностей и т.п. И хотя, например, в своей книге "История второй мировой войны" бывший генерал вермахта К.Типельскирх склонен считать, что "все население, способное носить оружие, удалось своевременно эвакуировать"[28], на фоне 65-68 млн. советских граждан, оставшихся на оккупированной территории, это утверждение выглядит явно завышенным.

Конечно, по разным причинам многие наши граждане оказались под фашистким игом. Сказался стремительный ход военных действий в начале войны, острая нехватка транспортных средств и надежда, что враг скоро будет остановлен, а оккупация продлится совсем недолго, и болезни близких, и сомнения, что гитлеровский режим представляет смертельную угрозу для советских людей, и т.п. Разумеется, были среди них и те, кто остался сознательно, чтобы добровольно перейти на сторону немецко-фашистских захватчиков или быть по отношению к ним лояльными.

И все же еще раз подчеркнем: хотя эвакуация сопровождалась многими, зачастую неизбежными, потерями, основная ее цель спасти от врага миллионы советских граждан и использовать этот людской потенциал в интересах фронта была достигнута.

1. Верт А. Россия в войне, 1941-1945. Пер. с англ. М., 1967. С. 148.

2. Великая Отечественная война Советского Союза, 1941-1945: Краткая история. М., 1970. С. 594-595.

3. Кремлевский архив (бывш. Архив ЦК КПСС). Коллекция документов. Д. 34-А (24-б). 2а. Л. 5.

4. Там же. Л. 3-5.

5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1978. Т. 7. С. 212.

6. Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941-1942 гг. М., 1966. С. 10.

7. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945. М., 1961. С. 143.

8. Там же.

9. Патоличев Н.С. Испытание на зрелость. М., 1977. С. 217.

10. Косыгин А.Н. В едином строю защитников Отчизны. М., 1980. С. 15.

11. Железнодорожники в Великой Отечественной войне, 1941-1945. М., 1985. С. 119.

12. Там же. С. 118.

13. Кремлевский архив. Коллекция документов.

14. Куманев Г.А. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). М., 1963. С. 51.

15. Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне, 1941-1945. М., 1981. С. 81.

16. Кремлевский архив. Коллекция документов.

17. Там же.

18. Институт российской истории РАН. Документы и материалы. Инв. N 148. Л. 98.

19. Очерки истории Коммунистрической партии Белоруссии. Минск, 1967. Т. 2. С. 307.

20. Афтенюк, Елин Д., Корнеев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941-1945 гг. Кишинев, 1970. С. 119.

21. Куманев Г.А. Война и железнодорожный транспорт СССР 1941-1945. М., 1988. С. 91.

22. История второй мировой войны, 1939-1945. М., 1975. Т. 4. С. 140.

23. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. М., 1961. Т. 2. С. 548.

24. История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. 4. С. 87.

25. СССР - великое содружество народов-братьев. М., 1972. С. 216.

26. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6822 сс. Оп. 1. Д. 200. Л. 39.

27. Там же. Л. 7-40.

28. Типпельскирх К. История второй мировой войны. Пер. с нем. М., 1956. С. 228.

О.М.Вербицкая
(ИРИ РАН)

О некоторых особенностях демографического развития городского и сельского населения в годы Великой Отечественной войны.

Наряду с колоссальными прямыми потерями среди военнослужащих и жертвами мирного населения на временно оккупированной территории после войны наше Отечество не досчиталось большого числа своих граждан, не переживших огромных тягот военного времени, связанных с ухудшением качества жизни, питания, с непосильным трудом и недостаточным отдыхом. Прямым следствием войны стало и существенное падение рождаемости, что наряду с ростом смертности выразилось в сокращении естественного прироста населения, и, как следствие, привело к значительному уменьшению населения, как городского, так и сельского.

Исследование косвенных потерь городских и сельских жителей за годы Великой Отечественной войны - важная сторона общего вопроса о величине и слагаемых потерь населения Российской Федерации в 1941-1945 гг.

Естественно, что потери среди сельского и городского населения не были одинаковыми, как неодинаков был их удельный вес в общем составе населения, и отличались конкретные исторические условия в городе и сельской местности. Тем не менее, выявление наиболее характерных черт в естественном движении городского и сельского населения, сопоставление их основных показателей может пролить определенный свет на место города и деревни в общем скорбном итоге жертв войны и позволит понять ход и особенности последующего послевоенного развития, своеобразие исторических судеб деревни в Советском Союзе, в том числе диспропорцию в уровне развития промышленности и сельского хозяйства, в условиях жизни городского и сельского населения и многое другое.

Немного об исторических источниках, содержащих необходимый конкретный цифровой материал по данной теме. Прежде всего, исходные данные за предвоенный период содержатся в материалах Всесоюзной переписи населения 1939 г. Анализируя этот источник, полностью опубликованный лишь в 1992 г.[1], отечественные историки уже не раз высказывали сомнение в точности его данных. Но, к счастью, на сегодняшний день уже разработана специальная методика "расчистки" многих ее данных от фальсификации, исчислен коэффициент приписок применительно к большинству краев и областей РСФСР, что позволяет достаточно уверенно оперировать материалами переписи 1939 г. и максимально приблизиться к исторической истине. Что касается материалов Всесоюзной переписи населения 1959 г., проведенной уже в совершенно иных исторических условиях и которыми мы также вынуж-

дены достаточно часто оперировать, то они, по всеобщему признанию, вполне достоверны.

Сведения ЦСУ о численности населения, его естественном и механическом движении, касающиеся непосредственно военных лет, гораздо менее точны. Это и понятно, так как текущий учет населения находился на низком уровне прежде всего из-за неразберихи военного времени, когда учитывалось в какой-то мере лишь население тыловых районов, причем далеко не всех. Экстраполяция же расчетных данных на всю территорию, как известно, всегда чревата в лучшем случае приблизительностью отображаемой картины. Кроме того, известную роль сыграло и порочное стремление властей скрыть нежелательные и излишние, с их точки зрения, жертвы и потери. Следовательно, все данные ЦСУ, в частности, основные демографические показатели (уровень рождаемости, смертности, естественного прироста) нуждаются в тщательной проверке, что можно осуществить путем сопоставления их с данными других источников, если такая возможность есть. Только сравнивая абсолютные цифры и расчетные показатели, полученные официальными статистическими органами, можно получить максимально приближенные к истине данные. При этом с уверенностью можно сказать, что показатели по городскому населению на порядок точнее, чем по сельскому, где учет населения был поставлен значительно хуже. Нельзя забывать и о неполноте, отрывочности данных, имеющихся лишь по тыловым районам. С учетом этих оговорок и перейдем к непосредственной характеристике естественного движения городского и сельского населения в 1941-1945 гг.

Как показывают имеющиеся конкретные данные, в годы войны значительно снизился уровень брачности вследствие мобилизации мужчин в армию и временного откладывания браков. Это привело к тому, что даже через 10-15 лет после окончания Великой Отечественной войны брачность женщин оставалась довольно низкой. по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. число замужних женщин старше 16 лет по РСФСР в целом снизилась с 597 (на 1 тыс. женщин в 1939 г.) до 505 (в 1959 г.), т.е. на 15,5%, а женатых мужчин - менее заметно: с 702 до 692 соответственно, т.е. всего на 1,5%[2]. Почти каждая пятая замужняя женщина в России потеряла в Великой Отечественной войне мужа, а многие из них так и не смогли вступить в брак, не найдя себе пары. Особенно тяжелая ситуация в этом отншении складывалась в сельской местности, откуда в результате войны и вскоре последовавшей миграции выбыло почти все мужское дееспособное население.

Длительный разрыв супружеских связей в годы войны привел к снижению рождаемости. Ее уровень в городе и в селе накануне войны в 1940 г. был практически одинаков и составлял соответственно 33,9% и 33,5%, т.е. в городе был даже более высоким, чем в сельской местности. Но в годы войны рождаемость резко сократилась. Низшая точка рождаемости пришлась на 1943 г., когда ее показатель уменьшился в 2,8 раза в городе и в 3,2 раза в деревне[3].

Рождаемость на всем протяжении Великой Отечественной войны отличалась тем, что она, вопреки бытующему мнению, в деревне постоянно была

ниже, чем в городах. Это объясняется, в частности, тем, что в городе даже в самую тяжелую военную пору находились дислоцированные воинские подразделения, мужчины по роду своей занятости получившие бронь от призыва в Красную Армию. Как те, так и другие, в основном были достаточно молоды, способны завести семью и детей. Другое дело - сельская местность, откуда было призвано практически все дееспособное мужское население. Именно рождаемость является одним из факторов, влияющих на интенсивность воспроизводства. Если исходить из шкалы оценки рождаемости, предложенной Б.Ц.Урланисом и В.А.Борисовым, общие коэффициенты рождаемости менее 16‰, считаются низкими, с 16 до 24‰ - средними, с 25 до 29‰ - выше средних, с 30 до 33‰ - высокими, а 40‰ и более - очень высокими. Наличие этого коэффициента рождаемости зависит не только от интенсивности процессов рождаемости, но и от возрастно-половой и брачной структуры населения, которые, как было показано выше, в период войны резко ухудшились. Исходя из этой шкалы, уровень рождаемости по Российской Федерации в 1941-1942 гг. можно считать еще по инерции выше среднего, а в 1943-1944 гг. - резко упавшим до уровня, который классифицируется как низкий[4].

В городе падение рождаемости было приостановлено только в 1944 г., а в деревне - в 1945 г., и с тех пор кривая этого показателя на длительное время поползла вверх, прямо к послевоенному "буму", когда она находилась на высоком уровне. Что же касается ограничения рождаемости в годы войны, то кроме отсутствия мужчин, в этом отразилось и резкое ухудшение жизненных условий людей, тяжелый труд и сознательный перенос деторождения большинством семей на послевоенный период.

Каким же было конкретно снижение рождаемости?

Ученые Сибирского Отделения Российской Академии Наук на основе имеющихся материалов исчислили дефицит рождаемости по своему чисто тыловому региону - по Сибири. Оказалось, что, исходя из коэффициентов последнего мирного 1940 г., в течение 1941-1945 гг. здесь должно было родиться примерно 2,3 млн. человек, а фактически родилось 1,3 млн., т.е. на 80% меньше. Иными словами, общий ущерб вследствие падения рождаемости только по одной Сибири составил 1 млн. человек. по этой же методике был исчислен дефицит рождений по Уралу. Он оказался еще более крупным и оценивается в 1,2 млн. человек[5]. Приблизительно в таких же масштабах представляется дефицит рождений за период войны и по другим тыловым районам Российской Федерации.

Аналогичные расчеты для населения всего Советского Союза провел известный демограф Б.Ц.Урланис, который для определения рождаемости в 1941-1945 гг. взял динамику численности учащихся первых четырех классов школы за 1949-1954 гг., которым в то время было соответственно по 10 лет. Автор показал, что в целом число родившихся в 1941-1944 гг. сократилось примерно в 2 раза по сравнению с теми, кто родился в 1939-1940 гг.[6]

В уровне смертности заметна обратная тенденция: как в городе, так и в сельской местности, он поднялся особенно резко на начальном периоде

войны. Однако в деревне на всем ее протяжении он оставался ниже, чем в городе. Например, в сибирской деревне разница между числом умерших на каждую тысячу населения в 1941-1942 гг. была на 5-8% ниже, чем в Новосибирске и менее крупных городах, но в 1943-1945 гг. эта разница стала значительнее. В целом за период войны в деревнях Сибири умерло почти в 2 раза меньше людей, чем в городах и поселках городского типа[7].

В целом по Российской Федерации показатели смертности в 1942 г. почти на 50% превысили уровень 1941 г. предыдущего, уже наполовину военного года - по городам, и на 16% - по деревням и сельской местности. Интересно при этом, что уровень смертности сельского населения с 1943 г. стал снижаться и вскоре он оказался ниже, чем в мирном 1940 г. (Так, в 1944 г. он находился на уровне 14,4‰ против 19,9‰ - в 1940 г.)[8]

Очевидно, в этом феномене отразилась природная сила регуляции демографических процессов. Известно, что такие случаи отмечались и ранее, и не только в России, когда при значительно снизившемся уровне рождаемости наблюдалось соответствующее уменьшение числа умерших. Динамика общих коэффициентов смертности зависит в целом от изменений половозрастной структуры населения. Она тесно связана с процессами постарения населения в сельской местности, наступившими в результате падения рождаемости и снижения в его составе удельного веса маленьких детей.

Нельзя не принимать во внимание и такой очень важный момент: падение рождаемости привело к ощутимому снижению доли младенцев и малышей в возрасте до 5 лет в общем составе населения. Это важно помнить, так как именно они являлись своеобразными "группами риска", в случае заболеваемости наиболее подверженными летальным исходам, особенно дети до 1 года. Но поскольку их количество в деревне резко сократилось, то уменьшилось и общее количество подверженных максимальной смертности. Поэтому представляется совершенно справедливым утверждение, что снижение уровня смертности в деревне в известной мере явилось результатом снижения рождаемости. Трудно отрицать существовавшую между этими двумя явлениями прямую зависимость: снижение рождаемости влечет за собой снижение доли самых младших возрастов в общей структуре населения, а следовательно, и соответствующее уменьшение детской и младенческой смертности[9].

В городах, где падение рождаемости не было столь значительным, показатели младенческой смертности сответственно были выше. Во всех других возрастных группах в годы войны шло повышение доли умерших, особенно в возрасте 60 лет и старше. Кроме самой старшей возрастной группы высокой была смертность и среди лиц наиболее трудоспособного возраста от 25 до 49 лет, из числа которых в городе умирало значительно больше, нежели в сельской местности.

Образ жизни городского и сельского населения в годы войны, несмотря на общность целей, резко отличался. К этому следует добавить и существенные различия в половозрастном составе населения города и деревни. Все это

в конечном итоге и определяло дифференциацию показателей смертности. В городах и поселках городского типа быстрее, чем в селе, росли коэффициенты смертности. Это было одной из особенностей динамики смертности в 1941-1945 гг. Население крупных городов более чутко, нежели сельское, реагировало на воздействие негативных факторов, связанных с войной.

Результатом отмеченных негативных явлений стало снижение естественного прироста населения Российской Федерации. Уже в 1941 г. он резко упал, хотя по инерции еще сохранял положительное значение: в городе - +3,5%, в деревне +13%. Иными словами, в городе он моментально отреагировал на начавшуюся войну, а в сельской местности почти не изменился. Однако в последующие 1942, 1943 и 1944 гг. цифры естественного прироста как в городе, так и в деревне, имели отрицательное значение, что означало превалирование числа умерших над количеством родившихся.

С 1945 г. по мере возвращения досрочно демобилизованных воинов демографическая ситуация в РСФСР стала постепенно меняться к лучшему. С этого времени постепенно растет число родившихся детей при относительно "спокойном" и стабильном уровне смертности, а естественный прирост приобретает четкую тенденцию постоянного увеличения. При этом в городе все эти благотворные прцессы происходили быстрее и активнее. Так, уже в 1945 г. темпы естественного прироста здесь были в 3 раза выше, чем в сельской местности Российской Федерации[10].

Однако в целом из-за того, что в течение трех лет уровень смертности превышал уровень рождаемости и естественного прироста в России не было, численность ее населения резко уменьшилась. Закономерно, что динамика численного убывания населения по городу и селу существенно различалась. по данным текущего учета, если за период с 1 января 1940 г. по 1 мая 1946 г. число горожан в РСФСР уменьшилось суммарно (с учетом всех потерь) на 2,8 млн. человек, (т.е. на 7,5%), то количество сельских жителей сократилось в гораздо большей степени: на 22 млн. (или 30,6%)[11].

Последствия того, что убыль сельского населения за период войны как в абсолютном, так и в относительном выражении, оказалась значительно большей, чем сокращение численности горожан, ощущались еще очень долго.

За 19 лет между двумя Всесоюзными переписями 1939 и 1959 гг. общая численность населения РСФСР увеличилась всего на 9,1 млн. человек. В то же время, по подсчетам специалистов, она, если бы не было войны, с учетом коэффициента ежегодного прироста, характерного для мирного периода (1,7%) могла бы увеличиться примерно на 28-29 млн. человек[12].

Еще одним негативным результатом войны стало ухудшение половозрастной структуры населения. Справедливо замечено, "человечество платит кровавую дань милитаризму не только в ходе войны, оно расплачивается за нее десятилетиями..."[13]. В частности, если Всесоюзная перепись населения 1939 г. зафиксировала, что соотношение мужчин и женщин (по всем возрастам) в РСФСР выражалось как 100 и 112, то перепись 1959 г., проведенная спус-

тя 13,5 лет после окончания Великой Отечественной войны, показала, что ее горький след все еще сохранялся на половозрастном составе жителей России, и пропорции между мужским и женским населением стали еще менее равными: в 1959 г. на 100 мужчин приходилось 124 женщины. Эти цифры отражали соотношение по всем группам возрастов, включая малолетних детей, в то время как среди тех групп населения, которые пережили войну, и особенно пожилых, оно было еще хуже и достигало трехкратного преобладания женщин над численностью мужчин[14]. Кроме ухудшения соотношения между полами, из-за массовой гибели молодого мужского населения на фронте и падения рождаемости в период войны в общем составе населения РСФСР увеличилась доля лиц пожилого возраста.

К косвенным потерям Великой Отечественной войны следует отнести и резко возросшие темпы урбанизации, поглощения городом все большего количества населения республики. Эти темпы, как в период войны, так и особенно в послевоенные годы, были совершенно неадекватны уровню развития производительных сил в сельском хозяйстве, которое оказалось не в состоянии за счет техники и средств механизации восполнить образовавшийся дефицит рабочих рук в деревне. Извечная нехватка работников в аграрном секторе, постепенно накапливаясь, привела к запустению российской деревни и упадку сельского хозяйства. Достаточно сказать, что с 1939 по 1959 гг. городское население РСФСР выросло на 25,3 млн., а сельское за то же время сократилось на 16,2 млн. человек[15].

Столь высокие темпы прироста численности горожан при одновременной резкой убыли сельчан свидетельствуют о том, что львиная доля прироста населения в городах была достигнута за счет механического притока населения из сел, поскольку возможности естественнго прироста городского населения были не столь значительны.

В огромной убыли численности сельского населения роковую роль сыграла его неуемная, широкомасштабная и практически не контролируемая миграция в город. Она возобновилась с началом войны после кратковременного затишья в 1933-1940 гг., связанного с тем, что в ходе сплошной паспортизации граждан СССР колхозникам было отказано в выдаче паспортов. Отсутствие паспорта означало невозможность для крестьянина-колхозника уехать из деревни и устроиться на работу в городе. В связи с эвакуацией на восток большинства оборонных предприятий из центральных и западных районов страны и образовавшейся недостачей рабочих рук государство стало заметно либеральнее относиться к потоку беспаспортных колхозников, нанимавшихся на эвакуированные заводы. Миграция сельских жителей, значительно подстегнутая огромной потребностью города в неквалифицированной рабочей силе, с 1948 г. приобрела необратимый характер. Прежде всего по этой причине, а не вследствие естественно-демографического неблагополучия, следует объяснять огромную убыль численности сельского населения за 1939-1959 гг. Таким образом, косвенные потери сельского населения за годы Великой Отечествен-

ной войны и послевоенный период оказались намного значительнее и болезненней. от этих потерь российская деревня так уже никогда и не оправилась, а количество ее жителей сокращается и поныне.

Постоянное сокращение числа сельских жителей наряду с отношением государства и правительства к деревне прежде всего как к источнику материальных и людских ресурсов для города и промышленности в значительной мере предопределило ее второстепенную роль в историческом развитии Советского Союза. Будучи не в состоянии дать деревне необходимое финансирование, не умея и не желая остановить быструю потерю ее населения, вся аграрная политика советской власти исходила из будущих неясных перспектив. Был провозглашен политический курс на социальную однородность советского общества, где крестьяне как таковые растворятся в "новой социальной общности - советский народ", на исчезновение ммежклассовых различий и т.п. Политические установки не решали экономических проблем сельского хозяйства, которые в значительной мере обострились именно вследствие огромных потерь населения деревни как в годы войны, так и в последующие десятилетия.

1. См.: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М. Наука. 1992.
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1962.С. 98.
3. ГА РФ. Ф. 374. Оп. 11. Д. 210. Л. 62-86 об.; Д. 212. Л. 58-74 об.; Д. 267. Л. 12-35; Д. 354. Л. 7-8; Д. 355. Л. 7, 59; Д. 356. Л. 46-78 и др.
4. Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 13.
5. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 94-95; Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Екатеринбург, 1993. С. 62.
6. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 29.
7. Алексеев В.В., Исупов В.А. Указ. соч. С. 117.
8. ГА РФ. Ф. 374. Оп. 11. Там же.
9. Попов В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1994. N 10. С. 81.
10. ГА РФ. Ф. 374. Оп. 11. Там же.
11. Подсчитано по: РСФСР за 50 лет: Статистический сборник. М., 1967. С. 10; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1019а. Л. 27; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 34. Д. 1556. Л. 1.
12. Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 11.
13. Вестник АМН СССР. 1975. N 5. С. 65.
14. Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 31; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 60.
15. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 11.

Н.А.Араловец
(ИРИ РАН)

Смертность городского населения тыловых районов России, 1941-1945 гг.

Изучение людских потерь в годы Великой Отечественной войны невозможно без исследования смертности мирного населения тыловых районов России. Смертность городского населения -один из аспектов этой проблемы. Между тем, она малоизучена в отечественной научной литературе. Можно назвать статьи И.П.Ильиной, Р.Ф.Сифман, В.А.Исупова[1]. Данная проблема частично затрагивалась в монографиях Л.Е.Полякова, группы ученых Е.М.Андреева, Л.Е.Дарского, Т.Л.Харьковой[2]. Такое положение до последнего времени было вызвано нехваткой материалов демографического характера. В то же время в архивах, в частности, в РГАЭ отложились данные текущего учета естественного движения населения. Исследуемая проблема основывается на этом материале.

Первичный сбор информации о рождаемости, смертности, а также брачности и разводимости осуществляли ЗАГСы, находившиеся в ведении Главного управления милиции НКВД СССР. Собранные сведения передавались в органы статистики, где они анализировались и обобщались[3].

Регистрация естественного движения населения в условиях войны приобрела особую важность. Это было связано с решением мобилизационных задач, вставшими перед обществом. Особого контроля требовали ухудшающиеся показатели рождаемости и смертности населения, а также значительные негативные изменения, происходившие в жилищных условиях, питании, охране здоровья людей, т.е. в тех областях, которые оказывали на них самое непосредственное влияние. Необходимость своевременной и надежной статистической информации обусловила высокий урровень учета ЗАГСами населения. Так, в особенно тяжелые годы войны в 1941-1943 гг. учитывалось около 99% городского населения тыловых районов России[4].

Между тем, качество учета не всегда было высоким. Наблюдались расхождения между данными статистических управлений и органами ЗАГСов. Это объяснялось быстро меняющейся в условиях войны территорией учета гражданского населения, массовыми эвакуациями, передвижением войск и т.д. Организация учета была достаточно сложной. Регистрацию военнослужащих, умерших в госпиталях от ран, болезней проводил Наркомат Обороны. ЗАГСы их не должны были учитывать. Между тем, наблюдались случаи ошибочной фиксации таких сведений ЗАГСами. В номенклатуре диагнозов причин смерти мирного населения до середины 1942 г. отсутствовали такие как “истощение”, “авитаминоз”, “травмы от бомбежек, огнестрельных ранений и их последствий”. Данные о причинах смерти страдают неточностью, так как

в связи с мобилизацией медиков на фронт не везде оставался квалифицированный медицинский персонал, способный правильно установить истинную причину смерти. по этой причине далеко не во всех городах сохранилась врачебная регистрация причин смертности[5]. Таким образом, текущий учет смертности городского населения тыловых районов России страдает неполными и не всегда точными сведениями, что не позволяет выявить процесс смертности в его реальных масштабах. В то же время, обращение к этому источнику дает возможность выявить общие тенденции смертности горожан, их половозрастной состав, ведущие причины смертности, области и города с наиболее высокой смертностью.

Смертность населения - естественный процесс смены поколений. Войны вносят в этот процесс свою специфику. Одна из них - значительный рост смертности мирного населения. Надо отметить, что в предвоенные годы, особенно в 1940 г. для российских городов был характерен высокий уровень смертности. Так, по расчету В.А.Исупова в 1940 г. на 1000 чел. населения в городах зафиксирован 21 умерший. С первых месяцев войны смертность горожан стала резко повышаться. Материал помесячной регистрации актов гражданского состояния показал, что если с января по июнь 1941 г. видны естественные изменения в уровне смертности как в сторону понижения, так и увеличения (на 1000 чел. населения было умерших в феврале - 19, марте - 21, июне - 18), то с июля смертность горожан начала быстро расти. Особенно высокой она стала в конце года - на 1000 населения смертность составляла в ноябре - 29, декабре - 34 [6]. В 1942 г. смертнось горожан продолжала расти. Наиболее высокий ее уровень наблюдался в марте, апреле, мае. Сравнивая показатели смертности городского населения России за май 1941 г. и май 1942 г. (по сопоставимой территории), можно увидеть, что к маю 1942 г. смертность выросла в 2 раза, в т.ч. детей до 1 г. - в 1,5 раза[7].

Стремительный рост смертности людей обусловлен рядом факторов. Не углубляясь в их подробное рассмотрение, можно сказать, что условия, необходимые для нормальной жизнедеятельности человека, быстро ухудшались. Причем ухудшение носило длительный характер. Тяжелыми и более стесненными становились жилищные условия. Особенно повысилась скученность в местах эвакуации населения. Жилищная ситуация осложнялась бомбежками, огнестрельными обстрелами, что сокращало имеющийся жилищный фонд. В условиях постепенного отключения водоснабжения, канализации, освещения, отопления жилища становились мало приспособленными к нормальной, здоровой жизни. Создавалась опасность распространения как остро-инфекционных, так и хроническо-инфекционных заболеваний. Этому также способствовало ухудшение питания людей, не только его количества, но и качества, что вызывало истощение, авитаминоз, дистрофию, отравления, желудочно-кишечные болезни. не хватало квалифицированной медицинской помощи. Сложную проблему вызывала нехватка необходимых лекарственных препаратов, медицинского оборудования. В начальный период войны она усложнилась

тем, что часть фармацевтической промышленности осталась на оккупированной территории или сворачивалась и эвакуировалась в тыл[8]. Все это усугублялось сложными условиями массовой эвакуации людей. Значительная часть мирного населения находилась в стрессовой ситуации, что ослабляло сопротивляемость организма. Ухудшение условий жизни было настолько сильным, что росла не только заболеваемость, но и смертность людей.

Тем не менее со второй половины 1942 г. смертность горожан тыловых районов России, оставаясь высокой (1942 г. отличался наиболее высокой смертностью городского населения), стала снижаться. Эта тенденция оставалась характерной и для последующих военных лет. Так, на 1000 чел. учтенного ЗАГСами городского населения, приславших свои сведения, умерло в 1941 г. - 23, 1942 г. - 35, 1943 г. - 27, 1944 г. - 18 [9]. Сокращение смертности горожан видно и на материале отдельных тыловых районов. В 1942 г. по отношению к 1941 г. смертность выросла в городах Горьковской области - в 1,6 раза, Вологодской - 3 раза, Кировской - 1,9 раза, Татарской АССР - 1,8 раза. Значительное увеличение смертности наблюдалось в таких городах, как Куйбышев - 1,6 раза, Молотов, Казань - 2 раза и т.д. В 1944 г. по отношению к 1942 г. смертность сократилась в городах Кировской, Иркутской областей - 2 раза, Татарской АССР - 2 раза, Архангельской - 4 раза, Молотовской - 3 раза, Горьковской, Вологодской областей - 6 раза и т.д.[10] Аналогичные процессы были характерны для тыловых районов Советского Союза: на 1000 чел. населения умерло в городах в 1941 г. - 21, 1942 г. - 33, 1943 г. - 23, 1944 г. - 16.[11]

Сокращение смертности городского населения носило постоянный характер. Однако данный процесс трудно объяснить неполнотой данных, нехваткой необходимой статистической информации. Хотя это имело место. Неслучайно его совпадение с переломным этапом в войне. Очевидно, сокращение смертности горожан можно объяснить влиянием взаимодейсвующих факторов как демографического, так и социального порядка.

В этой связи можно говорить о непосредственном влиянии на сокращение общей смертности горожан детской (0 - 4 года) и особенно младенческой (до 1 года) смертностей. Так, на 1000 рожденных умерло детей до 1 г. в 1941 г. - 200, 1942 г. -344, 1943 г. - 173, 1944 г. - 113[12]. В то же время эти явления были взаимосвязаны и имели общую социальную основу. Неслучайно, что снижение рождаемости в условиях войны, по проведенному исследованию Р.И.Сифман, имело незначительное влияние на изменение детской смертности. Можно согласиться с выводом демографа о сильном влиянии социально-гигиенических факторов на сокращение детской смертности[13]. Аналогичное влияние просматривается и в процессе сокращения других возрастных групп городского населения. Можно говорить о постепенной позитивной динамике по сравнению с первыми годами войны, наблюдавшейся в жилищных условиях горожан (например, постепенно в домах появлялось водоснабжение, канализация, отопление, освещение), их питании (назовем некоторые

из них - с 1942 г. вводились дополнительные карточки для питания рабочих, занятых на тяжелых работах, а также беременным женщинам, кормящим матерям, донорам, больным; дополнительное горячее питание для рабочих, выполняющих и перевыполняющих производственные нормы; организовывалось питание для детей дошкольного и школьного возрастов; с 1943 г. осуществлялись продовольственные поставки из-за рубежа и т.д.). Тем не менее, условия жизни горожан оставались тяжелыми. Намечавшиеся положительные перемены не могли способствовать сокращению смертности людей. В этой связи необходимо также рассмотреть и другие факторы. Более сильным воздействием на сокращение смертности горожан, очевидно, могли оказать такие явления, как выпуск новых сульфопрепаратов, и особенно антибиотиков, в частности, пенициллина, а также проводимые противоэпидемические мероприятия как в армии, так и в тылу. Неслучайно происходило сокращение смертности по наиболее распространенным болезням - воспаление легких, остро-инфекциоонные заболевания[14]. Таким образом, можно говорить о влиянии всех проводимых мер социального порядка на сокращение смертности людей.

В то же время, смертность горожан, несмотря на снижение, оставалась высокой. Причем война выбивала взрослое население городов. Значительно усилилась смертность мужчин. Это явление наблюдалось в условиях, когда в тылу женщины составляли подавляющую часть населения. Мужская смертность росла до 1943 г. - на 1000 умерших горожан умерло мужчин в 1940 г. - 536, 1941 г. - 568, 1942 г. - 575, 1943 г. - 595, 1944 г. - 560[15]. Причем мужская смертность была выше женской практически во всех возрастах, начиная с 15-19 лет, сильно нарастая к 25-30 годам и достигая максимального роста к 45-54 годам (в 1942 г. - к 35-54 годам)[16]. Смертность мужчин, таким образом, охватывала наиболее трудоспособные возраста.

Это явление было связано не только с биологическим фактором - большей выносливостью женского организма. В тылу оставались мужчины, не мобилизованные на фронт по возрасту, болезням, а также в связи с профессиональной необходимостью. В условиях войны и без того ослабленный организм становился более подверженным заболеваемости и смертности. Так, мужская смертность значительно преобладала от болезней органов дыхания (воспаление легких, туберкулез органов дыхания), дававших наивысшую смертность населения городов. Женская смертность была выше от остро-инфекционных заболеваний, сердечных болезней, артериосклероза, токсической диспепсии, т.е. болезней, связанных с перенапряжением организма, а также с его общей ослабленностью. Важно отметить, что женская смертность преобладала в возрастных группах 0-4 года, 5-9 лет (до 1943 г.) и стабильно выше была в пожилых возрастах - 60 лет и выше. Тем не менее, в 1944 г. по сравнению с 1943 г. мужская смертность сократилась в возрастах от 15 до 49 лет, женская в возрастных группах - 15-19 лет, 25-29 лет[17].

В условиях войны усилилось воздействие внешних (экзогенных) факторов на смертность гражданского населения, не связанную с естественным старени-

ем организма. Наибольшее распространение получили болезни социального происхождения. Можно выделить ведущую группу причин смертности людей по таким болезням, как воспаление легких, остро-инфекционные, хроническо-инфекционные заблевания, сердечные, токсическая диспепсия, острый гастроэнтероколит. Однако их "иерархия" менялась в годы войны. Сокращалась смертность от воспаления легких, болезней сердца, особенно от остро-инфекционных заболеваний, в то же время росла - от туберкулеза органов дыхания. Если в 1941-1942 гг. "лидировала" смертность от воспаления легких, то в 1943-1944 гг. - от сердечных болезней, в 1945 г. и послевоенном 1946 г. смертность от туберкулеза органов дыхания стала ведущей. Наблюдался также постоянный рост с 1943 г. смертности от раковых заболеваний.

В особую группу причин смерти входила смертность от авитаминоза, дистрофии, истощения. К сожалению, не представляется возможным показать динамику смертности по этим причинам, половозрастной состав умерших за все годы войны. Данные статистического управления Российской Федерации в основном относятся к второй половине 1942 г. Тем не менее, по отдельным месяцам они показали, что, например, в июле 1942 г. в 26 городах России (без Ленинграда) от авитаминоза и истощения погибло 1241 человек (наибольшая смертность была в Вологде - 203 умерших, Москве, Молотове - 149, Свердловске - 114). по сведениям за сентябрь-ноябрь 1942 г. видно, что от авитаминоза, дистрофии умерло в Москве 812 человек, Вологде - 562, Кирове - 471, Архангельске - 394, Молотове - 328. Однако значительная часть умерших от авитаминоза по данным отдельных областных статистических управлений приходилась на эвакуированных из Ленинграда, например, это явление было зафиксировано в городах Молотовской, Вологодской, Ярославской областях[19]. Тем не менее, умирали от авитаминоза, дистрофии, пеллагры и местные жители, так как качество и количество питания, необходимого для нормального функционирования организма, не было достаточным. В то же время, по имеющимся у нас материалам, смертности горожан от голода не наблюдалось (за исключением Ленинграда).

Война внесла не только специфические черты, но и усилила типичные, характерные для процесса смертности городского населения. Изучение динамики смертности горожан с конца XIX в. показало, что для российских городов была характерна высокая смертность с преобладанием мужской в наиболее трудоспособных возрастах, ведущими факторами смертности -экзогенные, наиболее распространенными болезнями со смертельными исходами - болезни органов дыхания, пищеварения, остро-инфекционные заболевания.

Возникает вопрос о числе умерших горожан тыловых районов России. Можно прямым просчетом подсчитать их численность. Подсчеты по данным об умерших по полу и возрасту, причинам смерти, а также сведениям о естественном движении населения дали близкий результат - от 2,5 до 3,2 млн. чел.[20] Приведенная оценка, безусловно, не может претендовать на точность. Однако, может ориентировать в изучаемой проблеме. Тем не ме-

нее, наиболее сложно выявить сверхсмертность горожан в условиях войны. Исследование данного явления носит автономный характер и нуждается в дополнительных расчетах. Причем важно его связать с анализом сверхсмертности городского населения в 1930-е и особенно в предвоенные годы. Это даст возможность точнее и глубже изучиь динамику, характер смертности населения в условиях войны.

1. См.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР.М., 1977; Продолжительность жизни: Анализ и моделирование. М., 1979; Население России в 1920-е - 1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994.

2. См.: Поляков Л.Е. Цена войны: Демографический аспект. М., 1985; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского союза, 1922-1991. М., 1993.

3. См.: Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 805. Л. 135.

4. См.: Там же. Д. 553. Л. 3; Д. 794. Л. 5; Д. 1014. Л. 1; Д. 1456. Л. 9;

5. См.: Там же. Д. 538. Л. 94; Д. 805. Л. 144, 147, 165, 169.

6. Население России в 1920-е - 1950-е годы... С. 99, 100.

7. См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 793. Л. 9-11; Д. 794. Л. 5-5 об.

8. См.: Советская медицина. 1944. N 6. С. 1; Великая Отечественная война, 1941-1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 440, 497, 803; Население России в 1920-е - 1950-е годы... С. 104-109.

9. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 553. Л. 2-3; Д. 794. Л. 5-5 об.; Д. 1014. Л. 1; Д.1456. Л. 9. (подсчеты автора).

10. Там же. Д. 795. Л. 5-151; Д. 1014. Л. 1-7; Д. 1456. Л. 1-9. (подсчеты автора).

11. Там же. Д. 1873. Л. 79.

12. Там же. Д. 553. Л. 2-3; Д. 794. Л. 5-5 об.; Д. 1014. Л. 1; Д. 1456. Л. 9. (подсчеты автора).

13. См.: Продолжительность жизни... С. 53-60.

14. См.: Великая Отечественная война, 1941-1945... С. 285-286, 561-562,; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 550. Л. 2-2 об.; Д. 1019. Л. 5-6 об.; Д. 1463. Л. 4-5 об.; Д. 1888. Л. 3-4 об.; Д. 2235. Л. 3-4 об.

15. Там же. Д. 400. Л. 4-4 об.; Д. 547. Л. 2-2 об.; Д. 799. Л. 3-3 об.; Д. 1017. Л. 4-4 об.; Д. 1460. Л. 2-2 об. (подсчеты автора).

16. См.: Там же.

17. См.: Там же.

18. Там же. Д. 550. Л. 2-2 об.; Д. 1019. Л. 5-6 об.; Д. 1463. Л. 4-5 об.; Д. 1888. Л. 3-4 об.; Д. 2235. Л. 3-4 об.

19. См.: Там же. Д. 793. Л. 34-35, 184, 194-196 (подсчеты автора), 207-210, 213 а.

20. Там же. Д. 400. Л. 4-4 об.; Д. 547. Л. 2-2 об.; Д. 550. Л. 2-2 об.; Д. 553. Л. 2-3; Д. 794. Л. 5-5 об.; Д. 799. Л. 3-3 об.; Д. 1014. Л. 1-7; Д. 1017. Л. 4-4 об.; Д. 1456. Л. 1-9; Д. 1460. Л. 2-2 об.; Д. 1463. Л. 4-5 об.; Д. 1888. Л. 3-4 об.; Д. 2235. Л. 3-4 об. (подсчеты автора).

В.Ф.Зима
(ИРИ РАН)

О смертности сельского населения в советском тылу (по архивным сводкам 1941-1945 гг.).

С началом Второй мировой войны Советский Союз усилил укрепление своих вооруженных сил, форсировал пополнение продовольственных резервов. Западное оборудование для военно-промышленного комплекса СССР добывалось в обмен на зерно. В 1940 г. экспорт зерна составлял 1,4 млн. т., из которых 896 тыс. т (64%) было поставлено Германии[1].

Расходы на армию возросли еще больше во время войны с Финляндией зимой 1939-1940 гг. В связи с этим в стране возник серьезный продовольственный кризис. В крупнейших промышленных центрах наблюдались поребои в торговле хлебом. В сельской местности, где проживало более 70% населения, хлеб продавался по спискам, поэтому большинству людей он был недоступен. В колхозах снизилась оплата трудодней зерном и душевое потребление хлеба сильно сократилось. В рационе питания почти полностью отсутствовал столь необходимый детям сахар.

Ухудшение материального положения вызывало рост заболеваемости и смертности населения. Предвоенный 1940 г. в сравнении с 1939 г. отличался значительным увеличением смертности, особенно детской. В целом по СССР умерло 3,2 млн. человек, в том числе около 1,8 млн. (56%) детей в возрасте до 4-х лет. Две трети всех умерших приходилось на сельскую местность[2].

С началом войны против Германии трудности умножились. Сократилось производство продуктов питания: мяса - в 2,5 раза, сахара - в 8 раз, хлеба - в 2 раза[3]. Основная доля всех производившихся товаров направлялась на обеспечение нужд армии. Введение нормированной системы снабжения в первые месяцы войны привело к резкому снижению потребления хлеба в городах, лишило государственного обеспечения хлебом сельских жителей, что послужило одной из причин голодания людей.

Миллионные мобилизации на фронт буквально оголили промышленные предприятия в тылу. В сельской местности брони не было, поэтому деревня дала Красной Армии без малого втрое больше бойцов, чем города. Коме того, сотни тысяч юношей и девушек ежегодно в обязательном порядке направлялись из села на заводы и фабрики. Крупные изъятия рабочих рук не могли пройти бесследно для деревни и с каждым годом войны сказывались заметнее и тяжелее. К концу 1942 г. большинство деревень России оказались без трудоспособных мужчин. Вся производственная нагрузка приходилась на долю женщин. Без мужчин многодетные крестьянские семьи испытывали невероятные материальные трудности. Женщина-мать не могла успеть в колхозе

и дома. Личное подсобное хозяйство, которое стало по существу основным источником дохода, приходило в запустение. По причине плохого питания и ухода резко возросла детская смертность. Распространенными диагнозами были желудочно-кишечные расстройства, пищевые отравления, авитаминоз, истощение.

Во время полевой страды дети, оставленные дома без присмотра, нередко бывали жертвами несчастных случаев. Колхозы, которые создавали свои детские сады, не всегда обеспечивали их продовольствием. Порой дело доходило до смертельных исходов. В Останкинском сельсовете Свердловской области в 1942 г. в колхозных детских садах умерло от голода и болезней 30 детей, в Коптеловском - 44, в Монастырском - 22, в Бобровском - 18[4].

В 1942 г. высокий всплеск смертности был отмечен по всему советскому тылу. Численность умерших составляла 2,5 млн. человек, что на 0,5 млн. человек больше, чем в 1941 г., в том числе 1 млн. (40%) детей в возрасте до 4-х лет. Превышение смертности над рождаемостью привело к тому, что сверхсмертность населения в 1942-1944 гг. по нашим подсчетам составила примерно 1,3 млн. человек[5].

Сообщения о тяжелом положении семей фронтовиков доходили до правительства. Соответствующей реакцией было постановление ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. "О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих". Оно способствовало значительному сокращению нарушений законов о выплате пособий, пенсий и предоставлении льгот семьям защитников Родины. Но и после принятия специального постановления положение большинства семей не улучшилось, из-за недостатка выделенных средств и нарушений при их распределении.

В донесении Народного комиссара государственной безопасности сообщалось правительству о массовой смертности на почве голодания весной 1943 г. в селах Верховинского, Даровского, Мурашинского, Опаринского, Зуевского, Слободского районов Кировской области. В большинстве колхозов продовольствия не было, взрослые и дети питались отходами зерна с древесной корой. В Опаринском районе в 1 квартале в 30 колхозах умерло от голода 59 человек. В Мурашинском районе детям, находившимся на детской площадке мехлесопункта "Нефтегаз", из-за отсутствия продуктов выдавали ограниченный паек, вследствие чего дети болели дистрофией и умирали. Вместе с ними по той же причине скончалась заведующая детской площадкой, жена командира Красной Армии Гусарова. Ее неоднократные обращения за помощью в райком ВКП(б) и райисполком не получали поддержки[6]. В 1943 г. по Кировской области средний уровень младенческой смертности составлял 37,4%. Подобное наблюдалось в Архангельской, Вологодской, Курганской областях и Удмуртской АССР[7]. по данным Министерства здравоохранения СССР в 1943 г. больничная летальность при алиментарной дистрофии составляла 23,5%, в 1944 г. - 11,7%, в 1945 г. - 15,6%[8]. В сводки не попадали люди

старше 60-ти лет, умершие на почве голодного истощения. Их преждевременную гибель объясняли естественной причиной -старческой слабостью.

Не только семьи колхозников и рабочих совхозов испытывали огромные трудности с питанием. В мае 1943 г. учителя Неплюевской сельской школы Полтавского района Челябинской области обратились с жалобой в "Учительскую газету": "...Живем исключительно хлебным пайком, норма которого доведена до 7,2 кг муки на работника в месяц и до 3,6 кг - на иждивенца. ... Летом работали в колозе, но на трудодни ничего не получили, т.к. колхоз не смог рассчитаться с государством. мы дошли до такого истощения, что с трудом двигаемся. Едим падаль, чтобы хоть чем-нибудь поддержать себя и детей"[9].

Подобные письма-жалобы поступали в редакцию газеты из Калининской, Куйбышевской, Омской областей, Северного Казахстана и др. Учителя сообщали, что норма хлеба устанавливалась на месте, поэтому районные организации меняли и снижали ее по своему усмотрению. Хлеб и мука выдавались недоброкачественные, заменялись гнилой, мороженой картошкой. Продажа хлеба на рынке была запрещена, а картофель стоил 200 руб. один пуд, что равнялось месячной зарплате учителя[10].

В чрезвычайно затруднительной ситуации оказались многие эвакуированные и беженцы. Города Урала, Сибири не смогли вместить всех выехавших из оккупированных и угрожаемых районов России, Украины, Прибалтики. Многие эвакуированные в организованном порядке были размещены в сельской местности. Стихийные беженцы сами искали себе кров и пропитание. не имея огородов, не получая паек, многие из них были обречены. При всем желании колхозы и совхозы не способны были оказывать им помощь, так как всю продукцию сдавали государству по обязательным поставкам и не обеспечивали оплату трудодней своим колхозникам.

Установка на расширение посевных площадей в колхозах и совхозах приводила к тому, что из-за недостатка трудоспособных, техники и конного тягла, большие площади неубранных хлебов уходили под снег. В 1942 г. в целом по тылу СССР осталось в поле 3,5 млн. га зерновых и бобовых, т.е. 6% от всех засеянных в том году площадей, в 1943 г. - 4 (7%), в 1944 г. - 3 (4,5%), в 1945 г. - 3,2 (4,7%)[11]. Зимой поля охранялись в надежде, что будут убраны. Весной, когда снег таял и охрану снимали за ненадобностью, тысячи людей целыми семьями выходили в поле на сбор перезимовавшего и уже проросшего зерна. от употребления его в пищу многие умирали. Со времен коллективизации это заболевание называли "септической ангиной" из-за того, что с полости рта человек начинал разлагаться.

Государство всеми мерами боролось с этим злом. Ученые медики бились над тем, как найти противоядие. Работы, проводившиеся в ряде научно-исследовательских институтов в годы войны, приблизили медиков к пониманию причин заболевания. Изучение этиологии септической ангины затруднялось тем обстоятельством, что ни на одном из лабораторных животных не удава-

лось воспроизвести картину заболевания. Только человек заболевал этой болезнью. Существовало мнение, что заболевание связано с авитаминозом, однако опытами, проведенными в 1943 г., эта теория была окончательно отвергнута. Добровольцы, бывшие на полноценном питании, получали перезимовавшее просо, изъятое из очагов септической ангины Ульяновской области. Несмотря на отсутствие авитаминоза, они заболевали септической ангиной.

По записке Наркомздрава 31 декабря 1943 г. был подготовлен специальный приказ N 38 уполномоченного ГОКО "О мероприятиях по предупреждению и борьбе с септической ангиной". В соответствии с ним был проведен учет полей с неубранным осенью урожаем в Куйбышевской, Саратовской, Ульяновской областях, Ставропольском крае и других. Смертоносные поля были взяты под стражу[12]. В июле 1945 г. ученым медицинским советом Наркомздрава РСФСР было принято для этого заболевания другое название - "алиментарно-токсическая алейкия", которое намного точнее характеризовало болезнь[13]. Много лет спустя удалось выявить, что под септической ангиной скрывалась лейкопения - заболевание, связанное с отравлением кроветворной системы, а проще говоря, белокровие[14].

А в войну принятых мер было явно недостаточно. Голод, по-прежнему, толкал людей на гибельный риск. В 1943 г. летальные исходы от септической ангины доходили до 50%. В трех областях - Чкаловской, Саратовской и Ульяновской было учтено умерших от "септической ангины" 1820 человек[15]. В 1944 г. по 25 республикам, краям и областям было зафиксировано более 27 тыс. человек, умерших по той же причине.

Для деревни нелегким был и 1944 год. В том году от авитаминоза, пеллагры, истощения (так записано в сводке) умерло в Свердловской области более 17 тыс. чел., Молотовской - более 8 тыс., Кировской - более 7 тыс. человек[16]. В восьми областях России и двух пограничных с ней областях Казахстана были отмечены случаи каннибализма на почве психического расстройства вследствие голода. На завершающем этапе войны смертность населения тыла возросла. Численность умерших граждан всех возрастов как в городе, так и в деревне в 1945 г. была выше, чем в 1944 г. Смертность сельских жителей сильно превышала уровень смертности в городах. В конце войны повысился рост заболеваемости и смертности от тифа.

По нашим данным, в советском тылу, за исключением г. Ленинграда, в 1941-1945 гг. гибель от названных выше причин достигла примерно 1,5 млн. человек[17]. Число погибших на 70% составляли жители села, в том числе эвакуированные и беженцы. Далеко не все людские потери в советском тылу были оправданы по той причине, что в военные годы страна располагала большими запасами продуктов питания. Так, на 1 января 1944 г. на складах Наркомата заготовок было примерно 4 млн. т зерна неприкосновеного государственного резерва[18]. Через два десятилетия бывший заместитель председателя СНК СССР А.И.Микоян, курировавший в те годы торговлю, при-

знал, что "...к концу войны наша страна имела почти те же запасы хлеба, что и на начало войны"[19]. Сегодня, 50-лет спустя, мы можем сказать, что настоящая цена государственных запасов - миллионы преждевременно оборванных и неродившихся человеческих жизней.

1. Внешняя торговля 1918-1966: Стат. сборник. М., 1967. С. 42-43.
2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2232. Л. 5.
3. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 46. Л. 2-3.
4. Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930-1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 83.
5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1460. Л. 1; Д. 779. Л. 2.
6. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46. Д. 3714. Л. 2-3; Д. 3722. Л. 1-6.
7. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 779. Л. 2.
8. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 404. Л. 23.
9. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 46. Д. 4261. Л. 6.
10. Там же.
11. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 422-429.
12. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 33. Д. 4201. Л. 2-3.
13. Ковригина М.Д. В неоплатном долгу. М., 1985. С. 42.
14. Изучение термина "Септическая ангина" провела врач Л.Н.Ильина.
15. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47. Д. 4560. Л. 14-23.
16. Зима В.Ф. Потери населения советского тыла от голода и болезней в 1941-1945 гг. // Население России и СССР: новые источники и методы исследования: Сб. статей. Екатеринбург, 1993. С. 42.
17. Там же. С. 43.
18. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 33. Д. 8352. Л. 3.
19. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 5.

М.А.Вылцан
(ИРИ РАН)

Жертвы голодного времени (по архивным материалам НКВД - МВД)

Изучение голода в годы Великой Отечественной войны длительное время не проводилось, главным образом, по причинам идеологического порядка и отсутствия в распоряжении историков соответствующих документов. Разумеется, из голода в блокадном Ленинграде, из общего ухудшения питания населения в стране в войну даже при Сталине секрета не делалось. Но лишь с 1990 г. появляются отдельные работы, в которых глухо и мимоходом содержались намеки типа: "Население уральской деревни провело полуголодную зиму 1943 г. и весну 1944 г., причем помощи практически не было"[1]. В.Т.Анисков, изучив ранее закрытые материалы Сельхозотдела ЦК ВКП(б), пожалуй, первый из историков внятно произнес слово "голод" применительно к крестьянству Западной Сибири в годы войны[2]. Им также был затронут вопрос о повышении уровня смертности в указанном регионе от заболеваний, вызванных плохим питанием и голодом. Смертностть населения в тыловых районах России в 1941-1942 гг. и сельского населения за годы войны, напрямую связанная с ухудшением питания, была специально рассмотрена в статьях В.А.Исупова[3] и В.Ф.Зимы[4].

Несмотря на научную значимость указанных работ, они не дают ответа на ряд важных вопросов, связанных с изучением людских потерь, обусловленных голодом. Правомерно ли "географию" голода ограничивать Уралом и Западной Сибирью? Только ли одно сельское население было затронуто этим бедствием? Можно ли всякую смерть, вызванную болезнями от истощения и инфицирования организма, считать смертью от голода?

Ниже мы приведем ряд ранее не публиковавшихся документов НКВД, помогающих найти ответы на поставленные вопросы. (Наименования населенных пунктов, фамилии и другие данные, а также орфография и пунктуация даются по оригиналам документов).

Документы НКВД воссоздают тяжелую, мрачную картину жизни населения целого ряда районов и областей во все годы войны. Голод был в степных районах Западной Сибири в 1941 г., в некоторых районах Вологодской области в 1942 г., в Читинской области в 1943 г., в Казахской и Узбекской ССР, в Татарской и Мордовской АССР, в ряде районов Алтайского края, в Горьковской, Свердловской областях в 1944 г., в Узбекской ССР, Кабардинской и Бурят-Монгольской АССР в 1945 г.

От недостатка продовольствия и голода особенно страдало сельское население, семьи колхозников. Горожан худо-бедно спасала карточная система, подсобные хозяйства. Колхозы были на грани развала, не хватало ни техни-

ки, ни людей - все ушли на фронт. Скудные урожаи почти целиком забирались в закрома государства по обязательным поставкам. Выручала картошка со своего огорода, но не всегда... Более других страдали семьи красноармейцев, оставшиеся без кормильцев.

Зам. наркома внутренних дел Союза ССР Кобулов сообщал в апреле 1943 г.:

"ЦК ВКП(б) - тов. Андрееву

СНК СССР - тов. Микояну

В некоторых областях Вологодской области семьи красноармейцев-колхозников испытывают недостаток в продуктах питания.

Централизованные фонды муки на I квартал т.г. (1943 г. - Авт.) были сокращены, в результате чего значительное количество связанных с сельским хозяйством семейств красноармейцев, в том числе 40 тысяч детей, сняты со снабжения хлебом.

В следствие низкой урожайности, многие из снятых со снабжения хлебом красноармейских семейств в 1942 году хлеба на трудодни в колхозах не получали и в настоящее время подуктов питания не имеют.

УНКВД по Вологодской области сообщает, что в ряде районов имеют место многочисленные факты употребления в пищу суррогатов (мякины, клеверных верхушек, соломы, мха) и трупов павших животных.

В колхозе "Земледелец", Вытегорского района, жена красноармейца Копылова В.В. питается исключительно суррогатами. Дочь Копыловой в результате истощения умерла.

В колхозе "Красная звезда", Верховажского района, Щучева П.В., два сына которой находятся в Красной Армии, примешивала в хлеб молотую солому.

В Бабушкинском районе снято со снабжения хлебом 1575 членов семейств красноармейцев. Большинство из них хлеба не имеют и питаются суррогатами (мхом, соломой).

В колхозе "Заря" того же района, Немилуев А.И., два сына которого находятся в Красной Армии, употребляет в пищу трупы павших животных.

В колхозе "Чекист", Сямженского района, жена фронтовика Соколова А.Н., имевшая двух детей, в январе т.г. употребляла в пищу мясо павшей лошади.

В деревне Дьяковской, того же района, жена красноармейца Крюкова В. питалась мясом павшей козы.

В колхозе им. Сталина, Петриневского района, жена красноармейца Федорова М., имеющая 5 детей, употребляла в пищу мясо (зачеркнуто: "кишки" - *Авт.*) павшей лошади. В результате вся семья получила тяжелое отравление.

В колхозе "Новая жизнь", Вожегодского района, жены красноармейцев Околошина А., Федотова К. и Левина М. приготовляли пищу из мяса павших лошадей, облитых по указанию ветнадзора формалином.

В Междуреченском районе эвакуированная Бисерова Н.В., муж и сын которой находятся в Красной Армии, систематически употребляет в пищу трупы павших животных.

В колхозе "Земледелец" Вытегорского района, жены красноармейцев Лязгина В.П., Иванова А.К. и Лобашева П.Е. употребляют в пищу мясо собак.

В колхозе "Герой труда", Сямженского района, жена красноармейца Козлова Е. 24 февраля т.г. (1943 г. - *Авт.*) приготовила пищу из мяса убитого охотником волка.

В колхозе "Литвиново", Петриневского района, 3 марта т.г. покушалась на самоубийство жена красноармейца Бараева М., имеющая 4 детей. Семья Бараевой хлеба совершенно не имеет.

В таком же положении находятся многие красноармейские семьи, проживающие в Устюженском, Аидожском, Мяксинском, Пришекснинском и Хабаровском районах.

Со стороны наиболее отсталой части колхозников - членов семейств красноармейцев имеют место факты высказываний отрицательных настроений.

Применяемые местными органами меры не эффективны, ввиду недостаточности в области фондов хлеба.

Об изложенном информирован Обком ВКП(б)"[5].

Народный Комиссар внутренних дел Союза ССР Л.Берия сообщал в начале 1943 г. в ГОКО - Сталину:

"По сообщению УНКВД по Читинской области, в колхозах ряда районов области имеют место серьезные продовольственные затруднения.

За последние два года урожайность зерновых культур по колхозам области резко снизилась, составив фактически в 1941 году 4,5 цнт с га против 5,9 цнт в 1940 году. Урожай 1942 года не превысит 3,7 цнт.

За 1942 год произошло резкое сокращение поголовья: по лошадям на 36980 голов, крупному рогатому скоту на 29660 голов и свиньям на 9550 голов.

В отдельных колхозах Нерч-Заводского, Сретенского, Балейского и других районов весной 1942 года колхозники употребляли в пищу мясо павших животных и различные суррогаты.

В ряде колхозов колхозники не выходят на работу из-за отсутствия хлеба.

В настоящее время не имеют продуктов питания 56 семейств в сел. Калдыга, Газ-Заводского района.

Вовсе не имеют хлеба, картофеля и какого-либо другого продовольствия 112 колхозникосемейств в Шахтаминском районе.

В колхозах Нерч-Заводского и Быркинского районов к январю 1943 г. не имели хлеба 360 человек, из них 215 человек членов семей красноармейцев.

В селах Домасово, Башурово и Болдуй 2-й, Усть Борщевка и Малка Нерч-Заводского района, не имеют хлеба 25 семей, в составе которых имеются от 3 до 9 детей. Из-за отсутствия хлеба и других продуктов в ряде колхозов

имеют место факты заболеваний и безбелкового опухания детей колхозников, в частности, в семьях мобилизованных в Красную Армию.

В семье красноармейца Деренцова (с. Некрасово, Шахтаминского района) опухли от недоедания четверо детей в возрасте 5-12 лет.

Факты опухания выявлены у детей Кочевой Е. в селе Некрасово, и у детей Добрыниной А.Т., проживающей в с. Богданово.

В декабре 1942 г. умерла от истощения колхозница Шаршина Н.Ф. в с. Кочея, Нерч-Заводского района.

В с. Нижняя Хила, Шилкинского района, 7 ноября 1942 года колхозник Суханов П.С., 1914 года рождения, зарубил свою мать, жену, шестерых детей и выстрелом из ружья покончил с собой. В оставленной записке Суханов указал, что на преступление его вынудил голод.

19 декабря 1942 года в с. Заренском, Ильдикане, Газ-Заводского района, 17-летний Веслопалов Иннокентий, при участии 15-летнего брата, убил 12-летнего Корнилова К.Т., пригласив его к себе в землянку. Труп был ими разрублен и использовался в пищу.

На почве продовольственных затруднений отмечается рост отрицательных настроений среди неустойчивой части колхозников.

В пограничных колхозах Нерч-Заводского и Быркинского районов выявлен ряд колхозников, проявляющих эмиграционные настроения. Проверкой установлено, что большая часть из них испытывает недостаток в продуктах питания"[6].

Если смерть миллионов - статистика, то смерть отдельного человека всегда трагедия. за статистическими демографическими категориями не должны затеряться конкретные исторические факты, свидетельства очевидцев и жертв трагедии гибели людей. Приведем одно такое свидетельство, оказавшееся в архивных материалах Сельхозотдела ЦК ВКП(б).

"Письмо 1941 г. 14 декабря.

Добрый день дорогой мой муж Ваня, шлю я Вам свой низкий привет и желаю всего хорошего в Вашей жизни, еще от Вашей дочки Тамары и еще от - Вашей мамаши. Ваня теперь я буду писать о своей жизни... очень плохая и очень плохая потому, что мы с голоду умираем, у нас хлеба нет и картофеля нет, я уже лежу на мертвой постели, вся распухла и дочка тоже лежит тоже распухла, а мать ходит сторожить на ферму, ну Ваня я последний раз Вам пишу и то через силу, у меня нет свету в глазах. Ну, Ваня, поглядел бы ты на меня, испугался меня Ваня, какая я стала, как выйду на улку, так сразу падаю, силы нету. Ваня, дочка просит есть, а у нас нечего дать, ох, Ваня, у нас уже голод такой, все голодают, едят пропастину, а я лучше помру, не буду есть. Ваня я доила коров, теперь не дою, когда меня привезли с фермы на коне из силы выбилась, ну Ваня, теперь прощай, больше не увидимся и письма не будем друг другу писать. Ваня, я помру, так дочка наша пойдет на терзание, кому она нужна будет, разве ты когда отслужишь, то возьмешь

ее к себе, если не возьмешь, то в приют отдадут, пущай она там растет. Ваня, я получила письмо Ваше, в котором Вы писали во сне видали, но я стала маме читать, она заплакала и говорит: хотя бы Иван пришел, а то мы умрем, а Тамара останется. Ваня она желает, не дождет, а дочка большая стала, ходит на ногах, ну зовет папа и мама и дядя всех, ну сгубил нас голод. Ваня, мы ушли от Ворон... живем у Бубнова Андрея Никитовича на квартире, ну пока Ваня и Ваничка прощай больше мы с тобой не увидимся, если будешь писать, то своей дочке Тамаре и маме, а я отжила на белом свете, дальше не могу жить, силы нету у меня, ну пока до свидания, остаюсь живая, еще забыла я Вам письма не пишу, что у меня бумаги нет у меня...

Копия верна: Е.Михайлов.

Справка. В некоторых строчках написанное в подл. стерлось, некоторые слова незаметны (написано карандашом, малограмотно). Пропуски - это неразборчивые слова"[7].

В газете "Сегодня" от 14 марта 1995 г. нами опубликованы новые архивные документы из "Особой папки" Сталина (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64-67), относящиеся к голоду 1944 г. и начала 1945 года. Они касаются ряда районов Казахской ССР, Кабардинской и Бурят-Монгольской АССР. не будем пересказывать эти документы. по описанию бедствий они похожи на вышеприведенные материалы Центрального архива ФСК Российской Федерации. Приведем лишь зафиксированные органами НКВД случаи смерти от голода. В Алма-Атинской области в I кв. 1944 г. было зарегистрировано 40 смертельных случаев, Акмолинской - 21, в Северо-Казахстанской - 10 смертельных случаев. Подавляющее число смертельных случаев относилось к "спецпереселенцам", а также к членам семей фронтовиков. В Узбекской СССР в первом квартале 1944 г. было зафиксировано 119 случаев смертности от истощения. В Бурят-Монгольской АССР от алиментарной дистрофии в феврале-марте 1945 г. умерло более 35 человек. В селениях Урожайное и Хамидия Кабардинской АССР за это время умерло от голода 6 человек.

До сих пор речь шла о голоде среди сельского населения. Документы свидетельствуют, что "костлявая рука голода" не пощадила население ряда городов. В газете "Сегодня" (14.03.1995 г.) приведены данные на этот счет по г. Свердловску и некоторым городам Свердловской области в январе-апреле 1944 г.

Такое же тяжелое положение осенью 1944 г. сложилось в городах Хабаровского края. об этом рассказывается в следующем документе.

"14 октября 1944 г.

ГОКО - товарищу Сталину И.В.

СНК СССР - товарищу Молотову В.М.

СНК СССР - товарищу Микояну А.И.

ЦК ВКП(б) - товарищу Маленкову Г.М.

УНКВД Хабаровского края сообщает следующие данные о продовольственном положении в основных промышленных городах края, полученные от - местных органов".

[Низкий урожай 1943 г.] "сильно сказался на общем продовольственном положении в крае и особенно в основных промышленных городах - Хабаровске, Комсомольске и Биробиджане.

Общий контенгент, состоящий на снабжении хлебом в этих городах, составляет 360486 человек, из них преобладающее большинство 111544 человека снабжаются хлебом по нормам 300 и 200 граммов в день.

Эта часть населения, не имея гарантированного снабжения, существует, в основном, за счет своих подсобных хозяйств, столовых общественного питания и рынка.

Средняя стоимость основных сельскохозяйственных продуктов на рынках гг. Хабаровска, Комсомольска, Биробиджана и других составляет: мясо - 250-300 рублей килограмм, картофель -70-80 руб. килограмм, яйца - 200-250 рублей десяток, молоко - 70-80 рублей литр, крупа - 150-200 рублей стакан, мука -50-60 рублей стакан, масло животное - 900-1000 рублей килограмм.

Состоящие на гарантированном снабжении, из-за несвоевременного и неполного отоваривания торгующими организациями литерных карточек, также ощущают продовольственные затруднения.

Только за 2-й квартал с.г. торгующими организациями края было недодано для отоваривания карточек: рыбопродуктов - 53 тонны, мясопродуктов - 382 тонны, животных жиров - 195 тонн. Краевые организации систематически недодают ОРСам заводов такие продукты, как крупа, мясо и рыба, причем отпускаемые ОРСам продовольственные фонды даются не на весь контингент рабочих, а в зависимости от производственных планов предприятий. Благодаря этому ОРСы уменьшают нормы выдачи продуктов столовым, ухудшая питание рабочих.

Кроме того, выдаваемые в централизованном порядке фонды продовольствия - мясо, жиры, крупа часто заменяются рыбой, сухим омлетом и другими продуктами более низкого качества.

В городе Хабаровске на заводе им. Молотова НКБ отмечены случаи, когда отдельные рабочие падают в цехах в обморок от головокружения, болеют цингой. По заводу зарегистрировано значительное количество заболеваний на почве истощения. Для больных этой категории открыта при заводе специальная больница.

На Хабаровском судостроительном заводе им. Кирова основным продуктом питания являются засоленные зеленые капустные или виноградные листья, иногда рыба низкого качества или 60 граммов пшена. Среди рабочих имеют место заболевания дистрофией и дизентерией.

В особенно тяжелых условиях находятся учителя начальных и средних школ гор. Хабаровска. из 600 учителей к столовым прикреплено только

130-150 человек, остальные никаких продуктов питания, в том числе и пайков, не получают. В городе нет ни одного специального магазина для учителей. Отмечаются факты заболеваний учителей от недоедания.

Среди студентов также имеют место заболевания на почве истощения. В 1944 году положены в больницу два ассистента Медицинского института, заболевших от недоедания".

[В городе Комсомольске] "за 8 месяцев 1944 года с заводов NN 126 и 199 дезертировало 559 человек. на других оборонных заводах города Комсомольска (Амурсталь, N 364) основная масса рабочих, кроме общественного питания, никаких продуктов не получает. Питание в столовых низкого качества и некалорийное. Семьи рабочих столовыми не пользутся.

В 1944 году на улицах города подобрано значительное количество трупов, а также людей в тяжелом состоянии, которые, будучи доставленными в больницу, умирали.

В городе Благовещенске, на судоремонтном заводе им. Ленина ежедневно не выходят на работу до 50 человек. В результате медицинского осмотра установлено, что более 20% рабочих завода имеют голодные отеки.

Зимой 1943-1944 гг. в лесную промышленность края было передано из Красной Армии около 2000 военнослужащих. Леспромхоз не был подготовлен к их приему и своевременно не смог обеспечить их одеждой, обувью, постельными принадлежностями и питанием. Прибывшие попали в исключительно тяжелые условия быта (грязь, отсутствие нательного и постельного белья, вшивость). В Оборском леспромхозе (район им. Лазо) дневной паек рабочего состоит из хлеба - 600 гр., жиров - 13 гр., крупы - 40 гр. и рыбы - 170 гр. Только рабочие, занятые на заготовках рудостойких и других специальных ассортиментов, получают дополнительно в месяц 2 килограмма крупы, 5 кгр. рыбы, а ежедневная норма хлеба увеличена до 1 килограмма.

В Оборском леспромхозе имеют место случаи заболеваний рабочих на почве истощения. по данным районной больницы, только по этому леспромхозу ежемесячно переводится медицинской комиссией на инвалидность до 30 человек рабочих, как получивших полную нетрудоспособность в связи с истощением.

По городу Биробиджану процент смертности детей (в 1944 г.) увеличился до 86,9%.

Анализ состояния уголовной преступности в крае показывает, что рост уголовных преступлений, особенно в первом полугодии 1944 года, является, главным образом, результатом плохих материальных условий. Наибольшее количество преступлений совершается рабочими крупных промышленных предприятий гг. Хабаровска и Комсомольска.

Из 606 человек, привлеченных к уголовной ответственности по гор. Комсомольску, 583 человека - рабочие оборонных заводов и других предприятий города. из них 421 человек в прошлом судимости не имели.

Наряду с общим ростом уголовных преступлений, в крае увеличилось количество растрат и хищений, служебных злоупотреблений, а также количество уголовных преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Только по гор. Хабаровску в 1943 году и в первой половине 1944 года несовершеннолетними было совершено 420 преступлений. В 1943 году и в первой половине 1944 года задержано 2717 беспризорных и безнадзорных детей.

Народный Комиссар внутренних дел Союза ССР

Л.Берия"[8].

Приведенный документ наводит на размышления. Многим представлялось, что продовольственные затруднения были уделом деревни, крестьянства. Считалось, что сталинский режим чуть ли не злонамеренно обирал деревню, чтобы прокормить город. Оказывается, что и обирая деревню, режим был не в состоянии более или менее бесперебойно снабжать продовольствием ряд городов.

Подведем некоторые итоги. Слово "голод" в толковых словарях русского языка определяется как "сильная органическая потребность в еде, в пище"; "острый недостаток в продуктах питания как народное бедствие"[9]. В этом значении слова голод как историческое явление можно условно отнести к "голоду I-й степени". не будет преувеличением сказать, что такой голод как некая вялотекущая социально-экономическая болезнь общества сопутствовал едва ли не всей истории России. В кризисные эпохи (войны, смуты, революции), а также в неурожайные годы эта "болезнь", естественно, обострялась. Во время Великой Отечественной войны "сильную органическую потребность в еде, в пище", не удовлетворяемую на сколько-нибудь достаточном уровне, испытывала значительная часть населения страны.

К "голоду 2-й степени" можно отнести "дистрофию алиментарную" (отечная болезнь), то есть глубокое нарушение обмена веществ, с исхуданием, слабостью, отеками подкожной клетчатки и т.д. Только по 20 городам Свердловской области на 1 апреля 1944 г. было зарегистрировано 22400 больных дистрофией[10]. В масштабах всей страны число больных дистрофией в войну, видимо, составляло сотни тысяч.

К "голоду 3-й степени" относится "голодомор" - т.е. голод с летальным исходом. Изученные нами документы НКВД говорят о том, что количество зафиксированных местными органами этого ведомства смертельных случаев определялось трехзначными, двухзначными и однозначными цифрами по разным областям, районам, городам, колхозам. Однако следует иметь в виду, что в задачу "органов" не входило проведение поголовного статистического учета умерших от голода. не велось такого учета и в медицинских учреждениях и даже ЗАГСах - государственных органах, регистрирующих смерть граждан. В целом ряде случаев было, видимо, затруднительно определить, умер ли человек от голода, от болезней, связанных с голодом, или по каким-либо другим причинам.

В апокалипсических представлениях христиан для "конца света" установлена не только точная цифра гибели людей, но и причинная последовательность смертей. В.Брюсов в стихотворении "Конь блед" почти дословно передал слова "Апокалипсиса": "Сгибнет четверть вас - от мора, глада и меча!"

Вторая мировая война, которую можно уподобить своего рода "серьезному апокалипсическому предупреждению" XX века, почти что достигла по некоторым "критериям" "конца света". В нашей стране, понесшей наибольшие потери, погибла правда не четверть населения, а примерно седьмая его часть. При этом преимущественно "от меча", в какой-то мере от "мора" и в минимальном размере - от "глада".

Не приведи Господь, если все еще впереди...

1. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 86.

2. Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993. С. 144-147.

3. Население России в 1920-е - 1950-е годы: численность, потери, миграция: Сборник научных трудов. М., 1994.

4. Население России и СССР: Новые источники и методы исследования: Сб. статей. Екатеринбург, 1993.

5. Центральный архив ФСК Российской Федерации.

6. Там же.

7. Российский центр хранения и изучения документации новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 123. Д. 67. Л. 13.

8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 386-390.

9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 1. С. 200.

10. Сегодня. 1995. 14 марта.

В.Н.Земсков
(ИРИ РАН)

Смертность заключенных в 1941-1945 гг.

К началу войны число заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа составило около 2,3 млн. человек. на 1 июня 1944 г. их количество снизилось до 1,2 млн.[1] В одной из справок, датированной 12 января 1945 г., указывалось, что с начала войны и по декабрь 1944 г. убыло 3400 тыс. и прибыло 2550 тыс. заключенных. К концу 1944 г. была восстановлена довоенная структура ГУЛАГа. По состоянию на 1 декабря 1944 г. в системе ГУЛАГа имелось 53 исправительно-трудовых лагеря (ИТЛ) с общим числом в них 667 лагерных отделений и 475 исправительно-трудовых колоний (ИТК). В это число входили 17 лагерей с усиленным режимом и 5 лагерей для содержания каторжан[2]. Сведения о численности заключенных ГУЛАГа представлены в табл. 1.

Таблица 1

Численность заключенных ГУЛАГа
(по состоянию на 1 января каждого года)*

Годы	В исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ)	из них осужденных по политическим мотивам	то же в процентах	В исправительно-трудовых колониях	Всего
1941	1500524	420293	28,7	429205	1929729
1942	1415596	407988	29,6	361447	1777043
1943	983974	345397	35,6	500208	1484182
1944	663594	268861	40,7	516225	1179819
1945	715506	289351	41,2	745171	1460677

* ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 55; Д. 1155. Л. 1-3.

Следует иметь в виду, что в приводимых нами сведениях о смертности заключенных учтены не только умершие от голода, холода, болезней, несчастных случаев и т.д., но и расстрелянные в местах лишения свободы, в том числе убитые при попытке к бегству и по другим причинам. В документах санотдела ГУЛАГа они учитывались как "умершие от болезней органов кровообращения".

Во время войны положение заключенных ГУЛАГа ухудшилось. Нормы питания были значительно снижены, что сразу же привело к резкому увеличению смертности. Если в 1940 г. в лагерях ГУЛАГа умерло 46665 заключен-

Таблица 2

Движение лагерных заключенных ГУЛАГа*

	1941	1942	1943	1944	1945
Наличие на 1 января	1500524	1415596	983974	663594	715506
Прибыло за год	1343663	806047	477175	379589	423917
в том числе:					
из лагерей НКВД	488964	246273	114152	48428	59707
издругихмест заключения	840712	544583	355728	326928	361121
из бегов	6528	4984	3074	1839	953
прочие	7459	10207	4221	2394	2136
Убыло за год	1428591	1221905	797555	327677	555524
в том числе:					
в лагеря НКВД	540205	252174	140756	64110	96438
в другие места заключения	135537	186577	140093	39303	70187
освобождено	624276	509538	336153	152131	336750
умерло	100997	248877	166967	60948	43848
бежало	10592	11822	6242	3586	2196
прочая убыль	16984	12917	7344	7590	6105
Наличие на 31 декабря	1415596	983974	663594	715506	600897

* ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2.

Таблица 3

Удельный вес трудовых групп в общем составе заключенных ГУЛАГа, %*

Категории	Трудовые группы	1940 год	1942 год
1-я	Годные к тяжелому труду (ГТТ)	35,6	19,2
2-я	Годные к среднему труду (ГСТ)	25,2	17,0
3-я	Годные к легкому труду (ГЛТ)	15,6	38,3
4-я	Инвалиды и ослабленные	23,6	25,5

* ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 68. Л. 16.

ных, то в 1942 г. - 248877, т.е. в 5,3 раза больше (см. табл. 2). Ухудшилось также физическое состояние оставшихся в живых заключенных (см. табл. 3).

В докладной записке санотдела ГУЛАГа за 1945 г. отмечалось: "По возрастному признаку наибольший процент смертности падает на группу от 20 до 40 лет, т.е. на лиц, наиболее предрасположенных к туберкулезу легких, алиментарной дистрофии и пеллагре. по категорийному составу наибольшая смертность падает на 4-ю категорию - 67,4%, 3-я категория дает 28,9% смертности. Таким образом, почти вся смертность - 96,3% идет за счет 3 и 4 категорий физтруда"[3].

За всю историю ГУЛАГа именно на 1941-1945 гг. приходилась наибольшая смертность заключенных. В течение 20 лет (с 1 января 1934 г. по 1 января 1954 г.) смертность заключенных в лагерях ГУЛАГа составила 1053829 человек. При этом, если за семь довоенных лет (1934-1940 гг.) там умерло 288307 заключенных, а за восемь послевоенных лет (1946-1953 гг.) - 143885, то за 1941-1945 гг. - 621637 [4]. Если взять за 100% общее число умерших в 1934-1953 гг. лагерных заключенных ГУЛАГа, то на период 1934-1940 гг. приходится 27,3%, на период 1941-1945 гг. - 59,0%, и на период 1946-1953 гг.- 13,7%. В 1941-1945 гг. среднегодовые показатели смертности заключенных в лагерях ГУЛАГа составили 124,3 тыс. человек, тогда как в 1934-1940 гг. - 41,2 тыс., а в 1946-1953 гг. -18,0 тыс. человек.

С 1944 г. нормы питания заключенных ГУЛАГа были несколько увеличены: по хлебу - на 12%, крупе - 24%, мясу и рыбе - 40%, жирам - 28% и по овощам - на 22%. Но даже после этого они оставались по калорийности ниже довоенных норм питания примерно на 30%[5]. Тем не менее, в последние годы войны уровень смертности стал заметно снижаться.

Если в 1941-1943 гг. в лагерях ГУЛАГа умер 516841 заключенный, то в 1944-1945 гг. - 104796, или почти в 5 раз меньше, чем в 1941-1943 гг. (см. табл. 2). В среднем за 1941-1943 гг. ежегодные показатели смертности заключенных лагерей ГУЛАГа составляли 172,3 тыс., а за 1944-1945 гг. - 52,4 тыс. человек. из общего числа заключенных, скончавшихся в 1941-1945 гг. в лагерях ГУЛАГа, 83,2% приходится на 1941-1943 гг. и 16,8% - на 1944-1945 гг.

В 1945 г. смертность лагерных заключенных ГУЛАГа в абсолютных величинах опустилась примерно до уровня 1940 г. Однако в расчете "на душу лагерного населения" в 1945 г. этот показатель еще значительно превышал довоенный уровень. Ведь в начале 1945 г. в лагерях ГУЛАГа содержалось 715,5 тыс. заключенных, тогда как в конце 1940 г. - более 1,5 млн. (см. табл. 1 и 2).

Значительно сложнее установить число умерших заключенных в колониях ГУЛАГа. до 1943 г. сводная статистика по колониям не велась, в 1944 г. она неполная. Полная сводная статистика по колониям стала вестись только с 1945 г. Поэтому, чтобы установить хотя бы приблизительную численность умерших заключенных в колониях ГУЛАГа, невозможно обойтись без метода экстраполяции. В 1939 г. смертность в лагерях по отношению к списочному составу заключенных составила около 3,3%, а в колониях - 2,3%[6]. Такая же тенденция сохранялась и во время войны. Естественно, что смертность в колониях в военные годы тоже значительно возросла, но ее уровень на "душу населения" продолжал оставаться ниже, чем в лагерях. В 1945 г. при примерно равномерной численности и циркуляции убывших и прибывших заключенных в лагерях умерло 43848, а в колониях - 37221 заключенных[7].

Из данных, приведенных в табл. 1, видно, что в начале 1942 г. в колониях содержалось почти в 4 раза меньше заключенных, чем в лагерях, а в нача-

ле 1943 г. - почти в 2 раза. В 1944-1945 гг. численность заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа стала примерно равномерной. В среднем же за военные годы получается, что в колониях содержалось примерно в 2 раза меньше заключенных, чем в лагерях.

Имея точную цифру смертности лагерных заключенных в 1941-1945 гг. (621637) и опираясь на приведенные выше сведения, касающиеся общей численности заключенных колоний и несколько более низкого уровня смертности там на "душу населения" по сравнению с лагерями, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что в 1941-1945 гг. в колониях ГУЛАГа умерло не более 300 тыс. заключенных. Разумееется, эта цифра приблизительная и нуждается в уточнении.

В тюрьмах СССР в 1941 г. умерло 7468, в 1942 г. - 29788, в 1943 г. - 20792, в 1944 г. - 8252 заключенных[8]. Соответствующих сведений за 1945 г. нам найти не удалось, однако по ряду косвенных данных можно заключить, что в 1945 г. этот показатель принципиально не отличался от уровня 1944 г. Следовательно, в тюрьмах в 1941-1945 гг. умерло около 75 тыс. заключенных.

Таким образом, в общей сложности в 1941-1945 гг. в лагерях и колониях ГУЛАГа и тюрьмах умерло около 1 млн. заключенных.

1. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 68. Л. 8.
2. Там же. Коллекция документов.
3. Там же. Коллекция документов.
4. Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2-3; Д. 1190. Л. 36; Д. 1319. Л. 2-15. Д. 1356. Л. 2-8.
5. Там же. Д. 68. Л. 21.
6. Там же. Д. 28. Л. 13.
7. Там же. Д. 1190. Л. 26.
8. Там же. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 11. Л. 3-6.

А.А.Шервяков
(ИРИ РАН)

Гитлеровский геноцид и репатриация советского населения.

За 1418 дней и ночей кровопролитных сражений Великой Отечественной войны народы нашей страны принесли, как известно, огромные жертвы. Но, к сожалению, наши историки до сих пор не пришли к единым или близким оценкам потерь. Даже в официальных выступлениях государственных руководителей прозвучали три разные цифры: И.В.Сталин называл 7 млн. чел., Н.С.Хрущев - 20 млн. чел., М.С.Горбачев - 27 млн. чел. (считая потери как военные, так и мирного населения). Но и последняя цифра нуждается в уточнении.

Что касается отечественных и зарубежных историков (американских, германских), то в их исследованиях проблема советских потерь отличается еще большим разнобоем.

Даже некоторыми советскими историками иной раз приводятся без доказательств самые фантастические данные. Военные историки В.Т.Елисеев и С.Н.Михалев только безвозвратные военные потери исчисляют 22 млн.чел.[1] Эти данные выводятся из итогов переписей населения 1937 г. и 1939 г. и предполагаемой численности населения на середину 1945 г., в случае, если бы не было войны. При этом потери мирного населения не подсчитываются. Между тем они составляют большую часть во всех совокупных потерях. С.Иванов привел совсем фантастические данные потерь - 46 млн. чел. Военные потери якобы составили 22 млн.чел., потери мирного населения - 24 млн. чел.[2] В печати назывались общие потери населения и в 50 млн.чел.[3]

Конечно, победа нам досталась большой ценой. Но цена победы не должна служить предметом фальсификации в угоду сенсационным "открытиям".

Наибольшие потери населения Советский Союз понес не в ходе военных операций, а в результате проведения гитлеровцами геноцида на оккупированных ими советских территориях.

При этом я должен отметить, что если вопроса о фронтовых военных потерях касались многие военные и гражданские историки, то масштабы истребления фашистскими агрессорами мирного населения в целом на территориях западных союзных республик и на оккупированных областях РСФСР оставались неизученными.

Начало исследованию потерь мирного населения было положено только с созданием Комиссии по определению людских потерь в период Великой Отечественной войны при Академии Наук во главе с членом-корреспондентом РАН Ю.А.Поляковым.

Мне как члену данной Комиссии пришлось 3 года поработать в архивах ЦГАНХ и ЦГАОР, чтобы по крупицам собрать относительно полные данные о количестве истребленного врагом мирного населения.

Были просмотрены богатешие документальные архивы Госплана СССР, Чрезвычайной Государственной Комиссии (о злодеяниях немецко-фашистких захватчиков) и Управления по проведению репатриации при СНК СССР, которое возглавлял генерал-полковник Ф.И.Голиков.

К началу 1943 г. под немецко-румыно-венгерской оккупацией оказалось 2 млн.кв.км и 78 млн. человек, т.е. 40% всего населения страны того времени.

Массовое истребление советского мирного населения гитлеровским руководством планировалось задолго до вероломного нападения на нашу страну.

На совещании высшего генералитета еще 30 марта 1941 г. Гитлер заявил, что при ведении войны против Советского Союза речь должна идти о борьбе на уничтожение не только советской государственности, но и советского народа. Эти указания были положены в основу генерального плана "Ост", которым предусматривалось в течение нескольких лет уничтожить русских и других славянских народов в количестве 46-51 млн. чел.[4] С вторжением врага на нашу территорию план "Ост" стал выполняться с первого дня войны.

Истребление мирного населения проводилось путем массовых расстрелов взрослых и детей (в т.ч. даже грудных), сожжения заживо в больших количествах в закрытых помещениях (как это было в Хатыни и в других селах и городах). Широко применялись удушение газом в стационарных и походных (на автомобилях) газокамерах, преднамеренные прививки инфекционных заболеваний.

К сожалению, в исторических публикациях широко и часто упоминается только Хатынь. Но нашей общественности незнакомы названия ни одной из других 628 белорусских деревень и сел, которые также были сожжены дотла вместе с жителями. Примечательно то, что это свидетельствуют сами немцы. В частности это сделал антифашист - немецкий журналист Пауль Коль, который ярко нарисовал печальную картину фашистских зверств над советскими людьми[5].

При просмотре коллекции официальных документов (документы секретариатов Сталина, Молотова, Вознесенского, хранящиеся в ЦГАНХ, ЦГАОР) автором подсчитано, что путем массовых расстрелов, сожжения заживо в закрытых помещениях и удушения в газокамерах гитлеровцы уничтожили 11309000 чел., что составляло 16% всего населения на оккупированных территориях. Чтобы скрыть следы массовых расстрелов и удушения в газокамерах, нередко население той или иной деревни угоняли в безлюдные места или дремучие леса.

При истреблении мирного населения оккупанты в некоторых регионах широко практиковали преднамеренную организацию голода. Как показывают

документы, хранящиеся в ЦГАНХ, нацисты загубили 6,5 млн. жителей. Только на Украине (богатейшей житнице) умерло от голода 4483000 чел. - почти 4,5 млн.[6]

Не менее жестоким методом истребления населения был массовый угон на непосильные каторжные работы в Германию. Насильно было отправлено 5623000 чел. Документами подтверждается, что от голода, непосильного труда и истязаний из 5,6 млн. - погибло 3 млн. чел.[7]

Следовательно, за годы оккупации было уничтожено мирного населения - 20,8 млн. чел. (11309000 + 6,5 млн. чел. + 3 млн. чел.).

В плену советских воинов оказалось - 4559000, из них 50% попало с июня по декабрь 1941 г. из этого количества только в период с ноября 1941 г. по февраль 1942 г. по признанию самих немцев, было расстреляно или заморено голодом около 3 млн. военнопленных[8].

Немало лагерей для пленных было создано немцами на захваченных советских территориях. за время оккупации, по данным Чрезвычайной Государственной комиссии при СНК СССР, в лагерях находилось 4,2 млн. военных (РСФСР - 1,7 млн., Украина - 1,2, Белоруссия - 1,3 млн.). из этого количества пленных часть была отправлена на вражеские территории, а значительная часть - расстреляна или заморена голодом на месте.

По документам Госплана СССР и Генштаба после изгнания врага с советских территорий во власти фашистской Германии и ее союзников числилось еще 10181000 советских граждан, из них 5,6 мирных жителей и 4559000 советских солдат и офицеров.

Чтобы добиться их возвращения на родину после освобождения в октябре 1944 г. решением Правительства был установлен спецорган - Уполномоченный по проведению репатриации при СНК СССР во главе с генерал-полковником Ф.И.Голиковым, которому были предоставлены широкие права: назначать представителей этого органа при штабах советских фронтов, при штабах и соединениях союзных войск.

Представителями уполномоченного была проделана огромная и трудная работа по розыску и установлению местонахождения советских узников.

На 1 февраля 1946 г. (сводка 45) Управление установило, что наши и союзные войска освободили 5917000 советских граждан, из них 3632000 гражданских и 2016000 военнопленных. Но репатриировалось на родину - 5229000 чел. в т.ч. гражданских - 3438000 чел. военнопленных - 1790000 [9].

Из-за саботажа договоренностей союзников военных властей и их политики укрывательства преступных элементов и даже невинных людей в СССР не вернулось, как докладывало Управление по репатриации, 451000 наших граждан. Однако автором установлено, что невозвращенцами оказались около 700000 чел. (точнее - 688000). Немалую роль в этом деле сыграла англо-американская пропаганда преимуществ западного образа жизни.

Англо-американскими властями невозвращенцы добровольно или принудительно направлялись с германской каторги на разного рода работы в страны Запада - США, Англию, Автралию, Бразилию и др. страны, или включались в воинские формирования для службы в колониях.

Но потом немало людей окольными путями возвращалось на родину.

Как видно, итоги репатриации показывают, что около 50% советских граждан из числа захваченных фашистами, остались в братских могилах на вражеских территориях.

Нельзя не отметить и такого положения, как отношение американо-английских властей к освобожденным советским гражданам, оказавшимся в оккупационных зонах союзников. Доклады Комиссии Голикова убедительно свидетельствуют, что власти США и Англии и даже Франции к освобожденным советским гражданам относились весьма недоброжелательно, почти так же враждебно, как немецкие. Лагеря, сборные пункты для советских граждан, как правило, отдавались под опеку не советских военных (как это было оговорено в соглашениях), а под власть бывших полицаев или даже немецких карателей. Советских людей плохо кормили, одевали, лишали медицинской помощи. Было немало случаев, когда за малейшую провинность их расстреливали или содержали в тюрьмах.

В современной литературе широко распространена точка зрения о том, что все репатрианты при возвращении в СССР направлялись в лагеря советскими органами. Но это не так, Приведем официальные данные:

Из числа 5229000 репатриированных было направлено:

а) в действующую армию - 1645000 (из военнопленных -1230000, из числа гражданских призывного возраста - 415000 чел.);

б) отправлено по месту жительства - 3246000 чел.

в) в распоряжение НКВД - 338000 (на стройки и для проверки - власовцев, полицаев и других).

Надо также отметить, что многие из вернувшихся на родину вскоре умирали от перенесенных истязаний, блезней, истощения.

1. Военно-исторический журнал. 1992. N 6-7. С. 32.
2. Огонек. 1990. N 15. С. 8.
3. Военно-исторический журнал. 1992. N 6-7. С. 32.
4. См.: Совершенно секретно! Только для командования. М., 1967. С. 111.
5. См.: Известия. 1990. 21 июня.
6. Социологические исследования. 1992. N 11. С. 3-17.
7. Там же. С. 17.
8. Военно-исторический журнал. 1992. N 6-7. С. 33.
9. Соиологические исследования. 1993. N 9. С. 9.

А.И.Репинецкий
(Самарский педагогический университет)

Демографическая ситуация в Поволжье после окончания Великой Отечественной войны.

Война оказала глубокое отрицательное воздействие на демографические процессы в стране, привела к крупнейшей в истории страны демографической катастрофе. Рассмотрим это на примере Поволжья. Перед войной регион Поволжья включал 4 области - Куйбышевскую, Пензенскую, Саратовскую, Сталинградскую и 2 автономные республики: Татарию и немцев Поволжья. Площадь региона составляла 680,1 тыс. кв. км. на территории региона проживало 12085 тыс. человек[1].

За годы войны на территории Поволжья произошли административные изменения. В 1941 г. была упразднена АССР немцев Поволжья, а ее территория вошла в состав Саратовской и Сталинградской областей. В 1943 г. на базе упраздненного Астраханского округа Сталинградской области была утверждена Астраханская область. Тогда же из Куйбышевской области была выделена самостоятельная Ульяновская область.

Положение Поволжья в годы Великой Отечественной войны было специфическим. на одной его части шли ожесточенные военные действия (Сталинградская и Астраханская области), другая - явилась местом эвакуации крупнейших промышленных предприятий западных районов СССР, куда было вывезено более 200 предприятий. Несмотря на полное уничтожение промышленности Сталинградской области, общий объем промышленного поизводства Поволжья за годы войны увеличился в 3,4 раза. по темпам роста промышленного производства Поволжье уступало лишь Уральскому экономическому району[2].

За годы войны в составе населения Поволжья произошли крупные изменения, которые выражались в резком уменьшении населения и ухудшении его половозрастного состава.

Общая убыль населения Поволжья в годы Великой Отечественной войны составила более 1,2 млн. человек, или 10,4% от общего количества населения, проживавшего в регионе в 1939 г. Необходимо отметить, что в эту цифру вошли 446,5 тыс. немцев, выселенных из бывшей АССР немцев Поволжья в 1940 г.[3]

Наиболее сильно пострадало сельское население: оно сократилось на 1,9 млн., или 21,2% от его численности в 1939 г. Вместе с тем городское население Поволжья за годы войны увеличилось на 441,1 тыс. человек, или на 13,5%. Число горожан возросло по всем областям Поволжья, за исключением Сталинградской. Особенно крупным этот рост был в Саратовской, Пензенской областях и Татарской АССР. Рост численности горожан объясняется большим количеством эвакуированных, прибывших в Поволжье в годы войны.

Со второй половины 1944 г. начинается процесс реэвакуации из областей региона, который однако численность городского населения не уменьшил.

Экономическое развитие региона явилось причиной урбанизации Поволжья и городское население росло быстрыми темпами. В 1939 г. в городах проживало 27,7% населения региона, в 1945 г. - 37,4%, а в 1947 г. этот показатель вырос уже до 41,3%[4]. При общем увеличении численности населения в Поволжье к 1947 г. по сравнению с 1945 г. на 2,4%, горожан стало больше на 37,1%. При этом рост числа горожан происходил на фоне уменьшавшегося сельского населения.

Демографическая ситуация в послевоенной поволжской деревне была крайне напряженной, особенно пострадало колхозное крестьянство. за период войны резко сократилось количество трудоспособных, занятых в колхозном производстве, в основном за счет убыли мужчин.

По областям региона и Татарской республике общее число трудоспособных колхозников уменьшилось на 23%, в том числе более чем наполовину - за счет трудоспособных мужчин.

Сокращение общей численности сельского населения, и прежде всего мужчин, поставило сельское хозяйство региона в чрезвычайно тяжелое положение.

Война нанесла страшный удар по половозрастному составу поволжской деревни. Основную массу ее населения в послевоенные годы составляли женщины, престарелые и подростки. Половина всех крестьянских дворов не имела трудоспособных мужчин, а в Астраханской, Куйбышевской и Сталинградской областях каждый десятый двор не имел в своем составе и трудоспособных женщин. В группах сельского населения от 16 до 60 лет существовала ярко

Население Поволжья (тыс.человек)*

Области	Все население		в том числе				% город. населения	
			городское		сельское			
	1939	1945	1939	1945	1939	1945	1939	1945
Куйбышев.	2766,4	1603	773	792	1993,3	811	27,9	49,4
Ульяновс.	н/св.	1003	н/св.	283	н/св.	720	н/св.	28,2
Саратовс.	1710,5	2108,4	666,5	906,1	1333	1202,3	37	42,9
АССР Немцев Поволжья	606,5		131,6		474,9		21,7	
Сталинград.	2288,1	1252,2	892,6	418	1395,4	834,2	39	33,3
Астрахан.		582,4		310,2		272,2		58,6
Пензенская	1710,5	1764,9	285,2	349,3	1425,3	1415,6	16,7	19,8
Татар.АССР	2915,3	2521,7	614,3	753,7	2300,9	1768	21,4	29,8
Всего:	12085,8	10835,6	3273,2	3714,3	8922,8	7023,3	27,7	37,4

* Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М. 1992. С. 24-25; Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564. Л. 60.

выраженная диспропорция в соотношении полов - количество женщин в трудоспособном возрасте почти в 3 раза превосходило число мужчин того же возраста. Особенно неблагоприятным соотношение между численностью мужчин и женщин сложилось в Сталинградской области, по территории которой прокатились наиболее кровопролитные сражения, вызвавшие большие потери и среди мирного населения. При этом крайне негативным оказалось это соотношение именно в группах репродуктивных возрастов[5].

Диспропорция в количестве мужчин и женщин начиналась уже по группам от 18 лет. Среди 18-24-летних число женщин в 2 раза превышало количество мужчин. И все же максимальной была диспропорция в группах наиболее активных возрастов - от 25 до 49 лет, где количество мужчин в 3 раза оказалось меньше числа женщин.

В последующие годы тяжелая демографическая ситуация, в которой оказалась деревня в результате войны, еще более обострилась. Ускоренное индустриальное развитие Поволжья потребовало дополнительного количества рабочих рук. Естественный прирост городского населения и демобилизация из Советской Армии не могли покрыть потребности промышленности в рабочих кадрах. Задача обеспечения промышленности рабочими руками вновь была решена путем перераспределения трудовых ресурсов между городом и деревней. Сельчане вновь хлынули в города и именно они стали основным источником роста городского населения Поволжья. Уже в первом послевоенном году 79% механического прироста населения городов и городских поселков обеспечили переселенцы из села[6].

Миграционный поток не могли сдержать и меры административного характера, в том числе и отсутствие паспортов в сельской местности. В отчетах управлений сельским хозяйством областей Поволжья отмечалось, что повсеместно руководители промышленных предприятий нанимали на работу людей, покинувших сельскую местность, без трудовых книжек и справок об отпуске из колхозов[7]. по данным Министерства сельского хозяйства СССР, к 1949 г. доля самовольно ушедших из колхозов в Поволжье составила 63% общей убыли трудоспособного населения[8].

В 1947 г. правительство законодательно оформило процесс перерспределения трудовых ресурсов между городом и селом, приняв 21 мая постановление “О мерах проведения организованного набора рабочих”[9]. Оно предусматривало возбновление системы организованного привлечения рабочей силы в промышленность из среды колхозного крестьянства. При этом такое привлечение предусматривалось прежде всего для самых трудоемких отраслей - тяжелой индустрии, строительства, лесозаготовок.

Катастрофическое положение с мужской рабочей силой, сложившееся в поволжской деревне после войны, заставило Министерство сельского хозяйства обратиться в ЦК ВКП(б) и правительство с ходатайством о непроведении оргнабора в ряде областей, в том числе в Куйбышевской, Саратовской и Сталинградской, где дело обстояло хуже всего[10]. Ходатайство не было удовлетво-

рено, да и сами сельские жители охотно переезжали в город. Причиной тому были глубокая неудовлетворенность устройством колхозной жизни, раскрестьяниванием, потеря интереса к крестьянскому труду, а также непомерно высокие налоги на крестьян.

В 1946-1950 гг. мигранты из сельской местности составляли большинство в миграционных потоках. В целом по областям Поволжья миграция сельских жителей составила в Астраханской области - 68,2%, Куйбышевской - 70,2, Пензенской - 79,7, Саратовской - 66,2, Сталинградской - 88,6, Ульяновской - 70,8 и в Татарской АССР - 68% от общего числа мигрантов[11]. Основную массу покидавших деревню составляли люди в наиболее активном в экономическом и демографическом отношении возрасте от 18 до 39 лет. К этой возрастной группе принадлежало 67,7% всех мигрировавших, в ней преобладали (на 2/3) женщины[12]. Лишь среди 16-19-летних количество мужчин, покидавших сельскую местность, превышало количество женщин, что можно объяснить большей тягой сельских юношей к учебе. В целом именно сельская молодежь послужила основой для комплектования нового пополнения вузов, техникумов, и особенно школ ФЗО, ремесленных училищ и других учебных заведений. В 1946-1950 гг. сельская молодежь составляла 3/4 всех принятых на учебу в системе профессионально-технического образования[13]. Подавляющее большинство получивших профессию оставалось в городе, пополняя ряды промышленных рабочих.

К началу 50-х гг. политика перекачки рабочей силы из деревни в город обернулась тем, что число трудоспособных колхозников в Поволжье оказалось меньше по сравнению с моментом окончания войны. Это еще более обострило демографическую ситуацию в деревне. В 1951 г. число трудоспособного населения в поволжской деревне уменьшилось еще на 17,5%. Сокращение проходило во всех областях Поволжья, причем количество женщин, покинувших сельскую местность, в два раза превышало число мужчин, а в процентном отношении убыль мужчин оставалась выше. Так, в Татарской АССР число женщин в трудоспособном возрасте несколько увеличилось (на 0,6%), а мужчин - сократилось (на 20%). Увеличение мужского контингента произошло лишь в Сталинградской (86%), Ульяновской (42%) областях, что было связано с притоком людей, направленных на восстановление хозяйства.

Самые большие потери сельского трудоспособного населения понесли Куйбышевская (30,9%), Сталинградская (25,4%), Саратовская (25,2%) области - наиболее затронутые ускоренным развитием промышленности.

Ускорение послевоенного экономического развития Поволжья явилось мощным фактором изменения демографических процессов в регионе, послужило причиной формирования крупных миграционных оттоков из села в город и способствовала обострению демографической ситуации в поволжской деревне.

Важным фактором изменения демографической ситуации явилась демобилизация и увольнение в запас военнослужащих Советской Армии. Преде всего, резко увеличилось количество заключаемых браков. В среднем в 1946 г.

браков было заключено в 3 раза больше, чем в 1945 г. Наибольший рост брачности отмечался в Татарии - в 4 раза[14].

Повышение брачности населения повлекло и увеличение рождаемости по сравнению с 1945 г. этот показатель возрос от 1,5 раза (по Куйбышевской области) и до 3,6 раза (по Ульяновской)[15].

В довоеные годы в Поволжье рождаемость в среднем в 2 раза превышала смертность. В 1941-1943 гг. уровень рождаемости в Поволжье все еще превышал смертность на 10-12%, но уже в 1944 г. умирало больше, чем рождалось (на 1,4%). С 1945 г. рождаемость стала расти и превысила уровень смертности на 0,6%, а в 1946 г. - в 1,8 раза, т.е. приблизилась к довоенному уровню[16], при этом что почти 60% рождений 1946 г. пришлось на вторую половину года.

В первые послевоенные годы произошли изменения и в возрастном составе матерей, родивших наибольшее количество детей. В довоенные годы первое место среди всех рожениц занимали матери в возрасте от 20 до 24 лет. В 1946 г. больше всего детей родилось у женщин от 30 до 34 лет. В послевоенные годы снизился и процент детей, рожденных вне брака, тогда как в период войны он составлял 13-15% (в 1946, 1947 гг. - 11,6%)[17].

Война оказала негативное влияние на возрастнополовую структуру населения. В младших возрастах особенно сильные изменения пришлись на группу от 0 до 3 лет, их численность по сравнению с предвоенной уменьшилась на 25%. Причиной этому было резкое снижение рождаемости в годы войны. В возрастной группе от 4 до 7 лет уменьшение составило 9,3%, что можно объяснить как общим сокращением рождаемости в период войны, так и увеличением смертности, особенно среди малолетних детей[18].

Отрицательное влияние на демографическую обстановку в регионе оказало и ухудшение продовольственного снабжения в первые послевоенные годы. В 1946 г. ряд западных областей страны охватила засуха. Многие исследователи склонны считать, что в стране был голод, ударивший прежде всего по ослабленному сельскому населению. Что касается поволжского региона, то, на наш взгляд, говорить о явном голоде в этот период основания нет. В то же время полностью отрицать это явление невозможно. Речь может идти о скрытой (хронической) форме голода. Ухудшение питания и без того сильно ослабленного населения вызвало негативные последствия. Подтверждением этому служит картотека смертности населения ЦУНХУ Госплана России за 1940-1950 гг., обнаруженная в фондах ГА РФ. Ее данные свидетельствуют о резком возрастании смертности от желудочно-кишечных и легочных заболеваний в 1946 и особенно 1947 гг. Смертность от желудочно-кишечных заболеваний в 1946 г. по сравнению с 1945 г. возросла в 2,4 раза, а в 1947 г. - в 7 раз. от заболеваний органов дыхания смертность возросла соответственно в 2,5 и 4,7 раза. В последующие годы смертность от этих заболеваний значительно снизилась[19].

В 1945-1947 гг. происходило возвращение репатриированных на территорию Сталинградской области. За годы войны с территории Поволжья было

угнано в фашистскую неволю 64224 человека, из них 28199 мужчин и 36025 женщин, 4800 детей. К 1948 г. возвратилось 57384 человека - 89,3% от общего количества угнанных, из них 22581 мужчина (80%), 34803 женщины (88,2%) и 4400 детей (91,6%)[20].

Большинство репатриированных составляли люди в трудоспособном возрасте. Основная их масса (до 90%) проживала до войны в городской местности и имела рабочие специальности. При трудоустройстве большинство из них (60%) направили на работу в деревню, что вызывало недовольство и жалобы. Около 90% жалоб, поданных репатриированными в вышестоящие органы, было связано именно с устройством на работу и лишь 10% - с жилищными вопросами[21]. Тем, кто отказывался ехать в сельскую местность, не выдавались хлебные карточки, что ставило людей в невыносимое положение[22]. Объяснить такую настойчивость властей можно лишь катастрофическим положением, сложившимся в сельском хозяйстве области.

Как свидетельствуют архивные документы, положение репатриированных было тяжелым. Инспектор переселенческого отдела, обследовав жилищные условия репатриированных на одном из предприятй Сталинграда, отмечал отсутствие у них самого необходимого: в общежитии не было света, не было даже керосиновых ламп. Отношение к репатриированным на предприятии сложилось как к неполноценным жителям страны. Они были лишены отпусков, и если все рабочие получали на месяц по 2 куска мыла, то им полагался один. Репатриированные же были лишены и дополнительного пайка: все рабочие кроме них получали масло и рыбу. Такое отношение к репатриированным было типичным и на других предприятиях области[23]. Все это порождало недовольство и обиды у людей, вернувшихся из фашистского плена.

В первые послевоенные годы демографическая обстановка в Поволжье, как и по всей стране, оставалась весьма сложной. Прошедшая война и ее колоссальные жертвы нанесли по ней жестокий и непоправимый удар. Острая неватка рабочей силы в промышленности и необходимость восстановления экономики, вынудили прибегнуть к перераспределению трудовых ресурсов между городом и селом в пользу города, что усилило миграционный отток из села. Это еще более ухудшило демографическую ситуацию в сельской местности и явилось фактором, ускорившим деградацию сельского хозяйства. Быстрая урбанизация Поволжья резко обострила жилищную проблему, сказалась на замедлении темпов развития социально-культурной инфраструктуры городов.

1. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992. С. 24-25.

2. Народное хозяйство СССР, 1917-1977. М., 1977. С. 7.

3. Земсков В.Н. Спецпоселенцы // Население России в 1920-1950 гг.: Численность, потери, миграции. М., 1994. С. 167.

4. Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 24-25; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564. Л. 60; Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 416. Л. 24, 35, 36.

5. Рассчитано по: ГРАФ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 530. Л. 25, 26.

6. Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 477. Л. 15, 18, 43; Д. 479. Л. 20-23 об., 46, 48, 59, 75, 77.

7. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1190-б. Л. 137.

8. Там же. Л. 113.

9. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1966. Т. 3. С. 43.

10. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 410. Л. 215.

11. Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 450. ЛЛ. 15, 43, 46, 56, 59, 62, 63, 84, 132; Д. 451. Л. 5, 95; Д. 477. Л. 15, 18, 43; Д. 479. Л. 20-23 об.; 46, 48, 59, 75, 77.

12. Там же. Д. 820. ЛЛ. 12085 об.; Д. 834. ЛЛ. 48, 202, 220; Д. 894. Л. 220.

13. Труд в СССР: Стат.сборник. М. 1966.

14. Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 354. Л. 72-186; Д. 355. Л. 5, 41, 54, 56, 58; Д. 540. Л. 15, 43, 46, 56-63, 132.

15. Там же.

16. Там же. Д. 451. Л. 105.

17. Там же.

18. Там же.

19. Там же. Д. 6856. Л. 4, 6 об., 8 об.

20. Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 57.

21. Там же. Л. 53, 57.

22. Там же. Л. 40.

23. Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

Список сокращений 6

Раздел I. МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДИКА. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ

Поляков Ю.А. (ИРИ РАН). Основные проблемы изучения людских потерь СССР в Отечественной войне 7

Гареев М.А. (Академия военных наук). Факторы, определившие военные потери в Великой Отечественной войне 13

Соколов А.К. (ИРИ РАН). Методологические основы исчисления потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны 18

Жиромская В.Б. (ИРИ РАН). Людские потери в годы Великой Отечественной войны: точка отсчета 25

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. (Отделение демографии ИСЭИ Госкомстата России). Людские потери СССР во Второй мировой войне: методика оценки и результаты 36

Зеленин И.Е. (ИРИ РАН). К вопросу о голоде сельского населения тыловых районов СССР в годы Великой Отечественной войны: историография и источники 43

Перковский А.Л. (Институт экономики Украины. НАН Украины). Источники по национальному составу населения Украины в 1939-1944 гг. 49

Щербань Н.В. (МГУ). Англо-американская историография людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне 62

Ларин М.В., Банасюкевич В.Д. (ВНИИДАД). Информационный потенциал автоматизированного банка данных о безвозвратных потерях в годы Великой Отечественной войны 68

Раздел II. ПОТЕРИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

Кривошеев Г.Ф. (МО РФ). Об итогах статистических исследований потерь Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 71

Михалев С.Н. (ИВИ МО РФ). Великая Отечественная: демографические и военно-оперативные потери 82

Круглов А.И. (МО РФ). О некоторых причинах больших потерь Советских Вооруженных Сил в первом периоде Великой Отечественной войны 97

Печенкин А.А. (Вятский гос. техн. ун-т). Потери советского генералитета в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. - 9 мая 1945 г.) 100

Гуркин В.В. (МО РФ). О людских потерях вермахта на советско-германском фронте и во Второй мировой войне 105

Алешенко Н.М. (ИРИ РАН). О потерях населения Москвы в годы Великой Отечественной войны 111

Лежава Г.П. (ИЭиА РАН). О потерях Грузинской Республики в Великой Отечественной войне 116

Пасат В.И. (Посольство Молдовы в России). Потери республики Молдова в годы Второй мировой войны ... 118

Раздел III. ПОТЕРИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Филимошин М.В. (МО РФ). Об итогах исчисления потерь среди мирного населения на оккупированной территории СССР и РСФСР в годы Великой Отечественной войны ... 124

Остапенко И.П. (ИРИ РАН). О смертности гражданского населения в некоторых тыловых районах СССР в первые месяцы Великой Отечественной войны ... 132

Куманев Г.А. (ИРИ РАН). Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери ... 137

Вербицкая О.М. (ИРИ РАН). О некоторых особенностях демографического развития городского и сельского населения в годы Великой Отечественной войны ... 147

Араловец Н.А. (ИРИ РАН). Смертность городского населения тыловых районов России, 1941-1945 гг. ... 154

Зима В.Ф. (ИРИ РАН). О смертности сельского населения в советском тылу (по архивным сводкам 1941-1945 гг.) ... 160

Вылцан М.А. (ИРИ РАН). Жертвы голодного времени ... 165

Земсков В.Н. (ИРИ РАН). Смертность заключенных в 1941-1945 гг. ... 174

Шерваков А.А. (ИРИ РАН). Гитлеровский геноцид и репатриация советского населения ... 178

Репинецкий А.И. (Самарский пед.университет). Демографическая ситуация в Поволжье после окончания Великой Отечественной войны ... 182

TABLE OF CONTENTS

From the editorial staff 5
List of abbreviations 6

Section I. METHODOLOGY, METHODS, HISTORIOGRAPHY, SOURCES

Yu. A. Poliakov (Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences). *Main problems of study of human losses during the war of 1941-1945* 7

M.A. Gareev (Academy of Military Sciences). *Factors which determined the losses during the war of 1941-1945* 13

A.K. Sokolov (Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences). *Methodological bases for calculation of the USSR casualties in 1941-1945* 18

V.B. Zhiromskaya (Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences). *Human losses in 1941-1945: starting point* 25

E.M. Andreev, L.E. Darskiy, T.L. Khar'kova (Demography department of the Institute of Social Economic Researches at the State Statistical Committee of Russia). *Human losses of the USSR during World War II: methods of estimate and results* 36

I.E. Zelenin (Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences). *Regarding the matter of famine of country population in rear districts of USSR in 1941-1945: historiography and sources* 43

A.L. Perkovskiy (Historic Institute of the Ukraine. National Ukrainian Academy of Sciences). *Sources on national composition of the Ukrainian population in 1939-1944* 49

N.V. Shcherban' (Moscow State University). *English-American historiography of Russian losses of the Soviet Union during the war of 1941-1945* 62

M.V. Larin, V.D. Banasiukevich (All-Union Scientific Researching Institute of Documentation and Archival Work). *Information potential of the data bank on irretrievable losses in 1941-1945* 68

Section II. LOSSES OF ARMED FORCES OF THE USSR

G.F. Krivosheev (War Ministry of Russian Federation). *About the results of statistical researches regarding losses of the armed forces of the USSR during the war of 1941-1945* 71

S.N. Mikhalev (Institute of Military History at the War Ministry of Russian Federation). *The war of 1941-1945: demographic and war-strategical losses* 82

A.I. Kruglov (War Ministry of Russian Federation). *About some reasons of great losses of Soviet armed forces during the first period of the war of 1941-1945* 97

A.A. Pechenkin (Viatka State Technical University). *Losses of the Soviet general officers during the war of 1941-1945 (June 22, 1941 - May 9, 1945)* 100

V.V. Gurkin (War Ministry of Russian Federation). *About human losses of the Wehrmacht at the Soviet-German front and during World War II* 105

N.M. Aleshenko (Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences). *About losses of Moscow population in 1941-1945* 111

G.P. Lezhava (Institute of Ethnography and Anthropology at the Russian Academy of Sciences). *About losses of Georgian Republic during the war of 1941-1945* 116

V.I. Pasat (Embassy of Moldova in Russia). *Losses of Moldova Republic during the years of World War II* 118

Section III. LOSSES OF CIVILIAN POPULATION
M.V. Philimoshin (War Ministry of Russian Federation). *About the results of calculation of losses among peace population on the occupied territory of the USSR and Russian Federation in 1941-1945* 124
I.P. Ostapenko (Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences). *About death-rate of civilian population in some rear districts of the USSR in the first months of the war of 1941-1945* 132
G.A. Kumanev (Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences). *Evacuation of inhabitants of the USSR: approached results and losses* 137
O.M. Verbitskaya (Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences). *About some particularities of demographic development of urban and village population in 1941-1945* 147
N.A. Aralovets (Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences). *Mortality of urban population in rear districts of Russia, 1941-1945* 154
V.F. Zima (Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences). *About mortality of village population in Soviet rear (according to archival compendiums 1941-1945)* 160
M.A. Vyltsan (Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences). *Casualties during the famine time* 165
V.N. Zemskov (Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences). *Death-rate of prisoners in 1941-1945* 174
A.A. Sherviakov (Institute of Russian History at the Russian Academy of Sciences). *Hitler's "genos caedo" and repatriation of Soviet people* 178
A.I. Repinetskiy (Samara Pedagogical University). *Demographic situation in the Volga region after finishing the war of 1941-1945* 182

Коллектив авторов

Людские потери СССР в Великой Отечественной войне

Редактор Р.Б. Евдокимов
Компьютерный набор — Л.Л. Подъячева
Компьютерная верстка — Е.М. Петрунина

Лицензия ЛР № 070937 от 20 апреля 1993 г.
Сдано в печать с оригинал-макета 22.11.95. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Печ. л. 12. Тираж 1000 экз. Заказ № 3526.
Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ».
190000, Санкт-Петербург, Английская наб., 4.

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН.
199034, Санкт-Петербург, ВО, 9-я линия, 12.